

Ольга Токарева

Змеи

Арґа дзона

Две необычные девчушки, Алькирия и Зарислава, встречаются в детском доме. Их встреча перерастает в дружбу. На совершеннолетие, Аля дарит названной сестре древний амулет в виде солнца. Надев его, Зарислава исчезает в портале. При перемещении происходит сбой, неожиданно перед ней появляется молодой человек. Но каков нахал! Так бесцеремонно облапать воспитанницу детского дома... и маленький кулачек Славы, врезается наследному принцу Вампирии прямо в глаз.

На огромный яркий диск солнца медленно наползала тьма. Она неспешно поглощала всё живое вокруг. Лучи солнца ожесточённо сопротивлялись, пытались пробиться через чёрную завесу. Последнее, чего они коснулись, но тут же бросились прочь от трепета, — был холодный алтарный жертвенный камень. Он тоже был чёрным и бездушным, под стать надвигающейся тьме. Может, камень сотворил таким создатель, а может, он почернел от крови принесённых жертв. Мало кого это интересовало, вот и опять он должен впитать в себя кровь, только теперь это была кровь не животного, а новорождённого ребёнка.

Сегодняшней ночью дочь шамана кричала в предродовых муках, а он с полным безразличием сидел рядом в избе и точил нож. Его мало беспокоило, что новорождённый — его внук или внучка. Всё изменилось в его жизни с тех пор, как ему приснился сон.

Вот только сон был настолько ярким и осязаемым, что по истечении времени шамана раздирала тревога — а сон ли это был? Он вновь вспомнил, как услышал зов, — нет, это не был крик человека или животного — зов был ментальным, подчинившим себе его душу. И шаман как слепой пошёл на этот зов, но только ему встречалось разное: то волк вставал на пути и, оскалив свою пасть, медленно двигался на мужчину, то ночная птица летела прямо ему в лицо, намереваясь вонзить свои острые когти в глаза, то непроходимая чаща сменялась болотом, в котором охала и стонала трясина.

Сердце шамана замирало, липкий холодный пот покрывал всё тело, страх проникал глубоко в сознание, и шаман отступал, сбивался со стези, но только зов тягучий и властный манил его, отгоняя все боязни и мешающие препятствия. И так длилось семь ночей, пока он не вышел к горе духов. Ровно столько времени потребовалось, чтобы справиться со всеми препятствиями и преодолеть все страхи.

Гора Аргадзон или — гора духов. В её сторону даже смотреть боялись, а если какой охотник заплутает и выйдет к горе, то поворачивается от страха и бежит прочь без оглядки. Легенды, передаваемые из поколения в поколение, гласили, что внутри горы имеется огромная пещера. Здесь находят покой умершие всех двенадцати миров. Внутри пещера вся блестит, а излучает свечение камень, выстилающий стены. Каменный кружевной ковёр стелется, переплетается узорами — от синего до глубинного. В некоторых местах оттенок камня доходит до тёмно-синей полночи с чёрными прожилками, больше похожими на фигуры страшных чудовищ. Камень излучал большую

магическую энергию и был способен перемещать людей между мирами, но вот войти в пещеру и испытать на себе магическую силу — желающих в двенадцатой грани мира не было.

Шаман поёжился, внутреннее чутьё визжало, предупреждая не ходить, бежать от этого места подальше, и он уже почти развернулся, чтобы уйти, но оглушительный рёв парализовал и стёр все страхи. Шаман со стеклянными глазами пошёл на зов по тёмному длинному тоннелю. Сплошной мрак окружил его со всех сторон, он спотыкался о камни, иногда падал, содрав до крови руки и ноги, но вновь поднимался и шагал.

Когда к нему прикоснулся первый луч магического свечения, он очнулся, но желание убежать погасло в жгучей жажде узнать, правду ли гласили все эти легенды. Войдя в пещеру, он замер от красоты, представшей перед его взором. Все слышанные им предания оказались правдой! Вся пещера оказалась пронизана светящейся магической энергией.

Он осторожно вошёл, окинул взглядом пещеру и замер, увидев между узорами на камне чёрный разлом и смотрящие на него из пустоты горящие огненные глаза. Взгляд приковывал к себе, звал, манил, и шаман пошёл, забыв об осторожности. Всё стало безразличным, даже яркая магическая энергия, кружившая рядом с ним, не смогла разорвать гипнотический призыв тёмной силы.

Наконец, шаман остановился возле расщелины. Не раздумывая, прикоснулся окровавленными ладонями к разлому. И тут же закричал от проникшего в его разум чужого голоса. Боль раздирала изнутри: он выл, корчился до тех пор, пока наконец не понял, что от него требуют.

Шаман, даже если и хотел, уже ничего бы не смог изменить. Войдя в запретную пещеру, он своей кровью напитал тёмный дух, столько веков пытавшийся вырваться на свободу. Дух был зол на шамана за его страхи и за то, что столько времени потратил, чтобы шаман наконец услышал его призыв. Он наделил шамана магической силой и показал, что тот может теперь с ней делать. Но это только маленькая крупица возможностей, если шаман захочет большего, то взамен должен на жертвенном камне в день, когда тьма поглотит свет, принести в жертву новорождённого ребёнка. И шаман, не раздумывая, согласился.

Очнувшись от сна, он удивился тому, насколько реальным тот был. Посмотрев с жалостью на свои избитые до крови ладони, содрогнулся от промелькнувшей догадки, но быстро овладел собой, отогнав прочь всю жалость, все сомнения и страхи. Он уже никогда не будет прежним.

Шаман ждал знака, и когда во сне ему обозначили дату и показали, кто будет жертвой, он едва поверил увиденному. Как могла его родная дочь всё испортить, и как тщательно скрывала свой позор. И во всём виноват этот оберег солнца, подарок её матери — колдуньи, так искусно отводящий глаза, что даже он, шаман племени, ничего не заметил. Шамана передёрнуло от злобы.

— Вот рыжая ведьма!

Но ничего, он исправит свой позор, да ещё и других девок припугивает, чтоб неповадно было. Это в других починах любая будущая мать считалась чуть ли святой, у него — нет, пусть даже не рассчитывают. Когда он услышал крик новорождённого, отложил нож и стал читать заклинания для принесения ребёнка в жертву. Шаман читал его до самого восхода солнца, и наконец понял, что все готово для принесения жертвы. Войдя в избу, увидел спящую дочь, рядом с ней лежал новорождённый. Подошёл и взял ребёнка, Славена открыла глаза и с ужасом посмотрела на отца, так сильно изменившегося за последнее время.

— Отдай, — еле слышно прошептала она.

— Он тебе не нужен! У этого ребёнка другое предназначение.

— О чём ты говоришь, какое предназначение?

— Хочешь посмотреть? Тогда вставай и иди к жертвенному камню.

Славена вскрикнула от страха, окатившего её сердце мёртвым холодом, и начала вставать с полатей.

— Верни мне мою дочь, ты не можешь быть таким зверем.

У неё закружилась голова от слабости и дурного предчувствия, и она упала на пол. Приподнявшись, протянула руки, её глаза цвета солнца, всегда сияющие, сейчас потемнели, и с мольбой смотрели на отца. По её щекам бежали слёзы, не в силах встать, она ползла к отцу.

— Верни, верни мне моё дитя, отец! Ты не можешь быть таким жестокосердным!

Она подползла и вцепилась трясущимися руками в его ноги. Небрежно оттолкнув её, шаман пустыми бесчувственными глазами посмотрел на лежащую в ногах дочь, его узкие губы скривились от недовольства, и, не мешкая более, он развернулся и вышел.

Впустив в себя тьму, его сердце почернело и уже не способно было сострадать. Невинная кровь, принесённая в жертву на алтарном камне в день солнечного затмения, разрушит грань перехода и освободит его хозяина.

Он шёл с ребёнком на руках, и селяне, поняв, куда он идёт, провожали его взглядами, полными содрогания и ужаса. И его это радовало. Наконец — то его боятся.

Пока шаман шёл, тьма у всех на глазах медленно надвигалась на солнце, готовясь его поглотить. Сумерки как стая чёрных воронов, кружась, пожирала свет. Весь мир вокруг замер и затих в предчувствии: ветер, ранее игравший с листвой деревьев, спрятался в расщелине горы; птицы и животные укрылись в гнёздах и норах; поникли ветви деревьев и цветы. И это ещё больше приводило людей в панический страх.

Шаман остановился перед жертвенным алтарём, положил ребёнка на гладкий холодный чёрный камень, вскинул голову и с волнением посмотрел на солнце. Ребёнок, зашедшийся в горьком плаче, сильно раздражал и путал мысли своим громким криком. Губы шамана скривились от злобы, в чёрных как уголь глазах мелькнуло презрение, и, накинув шкуру медведя на голову и взяв бубен, он стал петь заклинания смерти.

Все селяне стояли вокруг жертвенного камня, с ужасом понимая, что сейчас произойдёт. Кто-то попытался остановить шамана, но у того было теперь достаточно силы, ему хватило взмахнуть рукой, и бунтарь тут же свалился на землю, корчась от боли. Из избы вышла еле живая Славена, она едва передвигала ноги и шла, держась рукой за стену, чтобы не упасть. Другую руку она тянула в сторону отца, прося пощады. Шаман всё это видел из-под нависшей над его головой шкуры медведя, но ни одна жилка не дрогнула на его бесчувственном как маска лице. Он произнёс последнее заклинание, и тьма полностью поглотила солнце, наступил мрак. На небосводе проявились созвездия и луна, зрелище было настолько страшное, что селяне в страхе попадали на землю и закрыли головы руками.

Шаман обрадовался, достал из — за пояса нож и стал медленно подходить к жертвенному камню. Он почувствовал, как мимо него кто-то пронёсся, обдав потоком воздуха. Его чёрные глаза, под стать тьме, с напряжением всматривались в ночь из-под нахмуренных бровей, но ничего не видели. Селяне были так испуганы происходящим, что даже не шевелились. Два горящих как угли глаза вспыхнули впереди.

Присмотревшись, шаман смог разглядеть огромного волка на жертвенном камне. Схватив зубами ребёнка, волк прыгнул на шамана, ударив его лапами в грудь, прямо в оберег солнца, отобранного у дочери и теперь принадлежащего ему по праву. Шаман не устоял на ногах от удара и упал на землю. Яркий всплеск света озарил поляну, и волк с новорождённой исчез прямо у всех на глазах.

Шаман вскочил, в его глазах клубилось недоумение, он стоял и оглядывался по сторонам, не веря в произошедшее. Сделал робкий шаг к жертвенному камню, чтобы убедиться, что ребёнка на нём нет, и тут же упал, корчась от боли, потому что первые лучи солнца коснулись его кожи на руках, вмиг опалив её и оставив ожог.

Он дополз до росшей у жертвенного камня ели и спрятался в её тени. Теперь он не сможет находиться под лучами солнца и должен всё время быть в тени, чтобы не сгореть от жарких лучей. Но он не был расстроен таким мелким наказанием, скорее даже благодарен — что для него теперь солнце, и без него можно обойтись.

Однако жуткий страх впился в него и прокатился параличом по телу от осознания предстоящей встречи с хозяином. Он боялся даже предугадать, как его накажут за поражение, но кто мог представить, что вмешается волк?

Да только волк ли это был? Уж не связалась ли его дочь с племенем людей-волков? Шамана затрясло от этой догадки. Как она могла, дочь шамана, связаться с оборотнем? И остался самый волнующий вопрос — куда у него на глазах исчез волк с новорождённой?

Глава 1. Найденыш

Дед Макар скользил на лыжах через заснеженный лес. Охота оказалась удачной, вот радости будет бабке. Снег пошёл нынче рано, весь октябрь падал и падал. Сугробов намело столько, что и старожилы не помнили, когда такое было.

Оголодали они с бабкой за месяц. Последняя продуктовая автолавка приезжала в сентябре, а после первого выпавшего снега будто и дорогу к ним забыла. Да и кого винить-то? Некого! Не хотят торчать машины в сугробах. Да, с одной стороны, они правы, кто в ихнюю тьмутаракань рискнёт зимой поехать — никто. Только Фёдор, сын Никитичны, на своём снегоходе. Он у неё работает полицейским в городе, а к ней навещается раз в неделю. Молодец хлопец. Не бросил мать старушку. Продукты ей привозит, да и про деревенских стариков не забывает. Ладно хоть муку подкидывает, можно хлеба испечь, а вот со всем остальным приходится туго.

Вот и решил Макар, как только уляжется снегопад, пойти в лес поохотиться. Мороз ещё не шибко сильный, чуть щиплет лицо, пытаясь пробраться под бороду. Лыжи идут по снегу ладно, солнце играет лучами на шапках белого снега, покрывшего землю, да скользит тусклым светом сквозь стволы деревьев, но и этого хватает, чтобы согреть и наполнить душу радостью.

Не успел Макар скользнуть до тонкой осинки, как на её ветвях затрещала испуганно сорока. Дед вздрогнул, остановился, поправил сбившуюся на глаза шапку.

— Чего трещишь, беспокойная птица, аль беду какую кличешь?! Улетай с богом, снег утих

— теперь можешь и пропитание себе поискать.

Тоже, видать, оголодала за прошлый месяц. Макар окинул взглядом лес и увидел мелькнувшую между деревьев тень. В его серых глазах, смотрящих из-под нахмуренных бровей, в один миг сверкнуло беспокойство.

Он прищурился, стал внимательно всматриваться в ряды голых стволов берёзок.

«Никого не видать — показалось», — подумал он и оттолкнулся лыжными палками, да так и замер. На лыжной тропе стояла волчица. Живот втянуло от голода, серая шерсть на холке чуть приподнята, хищные жёлтые глаза с вниманием смотрят на старика. Макар обмер, соображая, что заставило выйти к человеку дикого зверя?

Пока он прикидывал, волчица сошла с лыжни, направилась в лес, остановилась, призывно посмотрела на него, а затем скрылась в придорожных кустах.

Макар постоял немного.

«Вот незадача!» — взволнованно подумал он.

Стало как-то зябко, дед поёжился.

«А если стая впереди? Одним ружьём что я могу? Ну отпугну, а потом поймут, что не справлюсь, и набросятся все разом. Волк зверь умный, сначала всё просчитает, а потом только атакует, вот и думай, куда эта волчара побежала?»

Но тут он опять увидел впереди себя волчицу.

— Что за напасть!? Чего тебе от меня надо? — обратился Макар к волчице, понимая, что она не поймёт, но собственный голос успокаивал, придавал уверенности. Трудно было стоять перед хищником и ждать.

Волчица опять сошла с лыжни и остановилась, села и стала смотреть на деда. Макар

решил двигаться дальше и посмотреть, что предпримет волчица. Но как только он остановился напротив неё, она вновь немного отбежала и остановилась, посмотрев вглубь леса. Повернув голову, стала опять призывно глядеть на Макара.

— Аль случилось чего!?! — спросил дед у волчицы.

Только теперь голос его чуть дрогнул и не дарил спокойствия. Волчица опять отошла и остановилась, поводила ушами, прислушиваясь к звукам леса.

В груди у Макара обдало жаром сердце и наполнило ноющей тяжестью от предчувствия чего-то нехорошего. Он отстегнул лыжи, воткнул палки в снег и пошёл к волчице. Она подождала, пока он немного к ней приблизился, и вновь затрусилась по глубокому снегу. Иногда останавливалась, ждала деда и опять продолжала путь, когда он её нагонял.

Макар старался не обращать внимания на всё так же взволнованно кричавшую сороку, порхающую где-то над его головой с ветки на ветку. Всё его внимание было сосредоточено на волчице. Впереди показались громадные корни поваленного дерева, волчица подбежала к ним и замерла, опять ожидая деда. Макар шёл с опаской, ружьё сплеча не снимал, первый раз такая оказия с ним приключилась, а если заманила его волчица, то уже будет не спастись от стаи, хоть что тут делай. Бабку жаль, старая совсем стала, ноги больные, пока утром расходится, смотреть жалко, столько боли в глазах — да только помочь ничем не может дед. Всякие мази, что рекламируют по телевизору, заказывал Семёнычу, ничего не помогало.

Макар осторожно подошёл к поваленному дереву. Мёртвые корни когда — то огромной ели, как лапы паука, растопыренные в разные стороны, добавили страха. И казалось, лес затих и замер в ожидании чего-то скверного.

Волчица нырнула под корневища, и послышалось повизгивание волчат, затем раздался звонкий детский плач. Холодные мурашки страха пробежали по телу деда. Когда всё затихло, он подумал: «Показалось!» И облегчённо вздохнул — и почувдится всякое. Так чего привела?

«Отродье лесное, какого лешего!?!» — не успел он додумать, как из норы показался хвост волчицы, а затем она сама вылезла, таща в зубах дерюгу. Волосы у Макара дыбом встали, дыхание перехватил спазм, ибо по всему лесу разлетелся детский плач.

Волчица сразу отбежала, её жёлтые глаза с интересом смотрели на деда. Он, всё ещё не веря в то, что видит, нагнулся и трясущимися руками взял ребёнка, который тут же зашёлся в голосистом крике. Дед со слезами на глазах смотрел на волчицу. «Матерь Божья! Да откуда? Да какой изверг на такое дело пошёл?»

Волчица молча наблюдала за происходящим, её жёлтые глаза были внимательны и насторожены. Из логова стали выползать маленькие волчата, некоторые едва стояли на ногах. Худенькие втянутые животы и голодные любопытные взгляды. Они первый раз видели человека, но звериный инстинкт им подсказывал, что стоящий перед ними неизвестный зверь — очень опасен. Поэтому они подбежали к матери, ища у той защиты, пытаясь ткнуться ей в морду, прося еду. Но, видать, мать сама была давно голодна. Бедная, она кормила и согревала человеческое дитя, боясь его оставить одного. Сколько ты, сердечная, не ела? Макар вспомнил о болтающихся на поясе тушках трёх зайцев. Отстегнув их, бросил волчице со словами:

— Корми своих детей, чем могу, тем и помогаю.

Макар развернулся и бегом побежал через лес. Ребёнок затих. «Может, согрелся, а может...» Худые мысли дед гнал от себя подальше. Выйдя на наезженную колею, он встал на лыжи и всё-таки не удержался, посмотрел на ребёнка.

— Боже, совсем маленький... — подсунул свой палец под крохотный носик, уловив лёгкое дыхание младенца, и на душе сразу немного полегчало.

Макар расстегнул тулуп и засунул ребёнка за пазуху, устроив того поудобней, и, оттолкнувшись со всей силы лыжными палками, заскользил размеренным быстрым шагом по наезженной им же лыжне. Мысль была только одна: «Только бы успеть! Ещё бы хорошо Фёдор приехал! Таковую кроху в больницу надо. Без материнского молока ей не выжить. Да и мало ли чего, холода вон какие были, может, и обморожена? Только бы поспеть!» — и дед Макар стал вспоминать молитвы и перебирать их в памяти.

Наконец вдали показались чёрные крыши одиноких домов их заброшенного села и ветхие заборы, едва видневшиеся из — под снежных барханов. Всего-то десять изб, в пяти живут такие же, как и он, старики. Вон и дом Никитичны. Увидев у ворот снегоход Фёдора, Макар чуть не заплакал от радости, ребёнок за пазухой закричал. Дед почувствовал, как что-то тёплое побежало по животу. «Вот и молодец! Раз дела свои справляешь, значит, жив».

Остановившись у калитки, он сбросил лыжи и торопливо направился в дом Никитичны. На его счастье, из дома вышел сам Фёдор Семёныч, который уже собирался уезжать. Сейчас он больше походил на лётчика с дальнего севера. Тёплые ватные штаны заправлены в высокие собачьи унты, полы овчинного полушубка чуть раздвинуты, в руках зажаты варежки из овчины, зоркие голубые глаза едва видны из-под нахлобученной на голову енотовой шапки-ушанки.

— Ты чего такой взволнованный, Макар Петрович? — обратился он к деду. Сначала подумал, что случилось худшее. Жена Макара Петровича, Глафира Тихоновна, совсем плоха.

Запыхавшийся Макар смотрел на Фёдора и не мог сказать ни слова, только открывал и закрывал рот, но не издавал ни звука.

— Петрович, спокойно, что с Глафирой — беда?!

Макар замотал головой и, распахнув полушубок, показал то, что там держал. Резкий крик ребёнка разнёсся по деревне, Фёдор даже отскочил от испуга. Он с непониманием и удивлением смотрел на Макара. А тот наконец — то смог произнести:

— Ребёнка в лесу нашёл — живого.

Он вытащил дрожащими руками свёрток из — за пазухи и протянул Фёдору.

— В больницу, кажись, надо.

Семёныч осторожно взял кричащего ребёнка и, потерянно смотря на деда, спросил:

— Ребёнок-то откуда? Да и чей?!

— Да почём я знаю! Уж наверно не наш с Глашкой! Да потом всё расскажу, в город бегом вези, на вот тебе тулуп, укутай потеплей! — руки Макара ходили ходуном от пережитого, он снял полушубок, и они, как могли, завернули в него ребёнка. Фёдор уложил младенца сзади себя в самодельную коляску снегохода и рванул что есть мочи.

Из избы сразу выскочила Никитична:

— Куда, ирод, умчался, даже с матерью не попрощался! И шарф, шарф забыл! — крича и тряся шарфом, она всматривалась вслед уезжающему сыну. Но, поняв, что тот её не слышит, повернулась к Макару. — Чегось это он? — Она окинула деда с головы до ног непонимающим взглядом. — А ты чего среди зимы в одной рубахе стоишь? Мокрый весь. Чего это с вами такое?!

Макар помолчал, собираясь с мыслями, с волнением продолжая глядеть на вездеход, теперь напоминающий чёрную точку на белой равнине. Глубоко вздохнул и, посмотрев на соседку, глухо изрёк:

— На охоту я сегодня ходил, хотел Глашу мою зайчиной побаловать.

— Видать, охота очень удачная, раз почти голый вернулся?

— Да не перебивай ты, неугомонная! Ребёнка я в лесу нашёл.

Никитична посмотрела на Макара, окинула его недоверчивым взглядом.

— Ты часом в лесу не рехнулся?!

— А, ну тебя! — махнул он рукой и пошёл к калитке.

— Так откуда ребёнку в лесу взяться?! — всё ещё не веря спросила бабка.

— Ты б чего полегче спросила. Мне тоже об этом никто не рассказал, отдал твоему Фёдке, молись, чтобы живым довёз.

Макар встал на лыжи и заскользил к своему дому. Мороз хоть и небольшой, но быстро пробрался сквозь его мокрую рубаху. «Осталось только заболеть, а болеть никак нельзя, нужно волчат на ноги поставить, того, что я им кинул, надолго не хватит. Мать слабая совсем, где ей гоняться за зайцами, а детей кормить надо. Всё молоко, видать, человеческому дитю отдавала, вот что значит материнский инстинкт».

Он быстро оказался возле своего дома. Оставив лыжи на улице, дед бегом забежал в дом, крича на ходу:

— Глашура, давай щи кипяти, совсем продрог!

Жена бросила на мужа взгляд и, увидев его напряжённое лицо, не задавая вопросов, схватила ухват и поставила щи на плиту. За столько лет совместной жизни она уже с полуслова понимала его взгляд. Но вот таких глаз, наполненных трепетом, никогда не видела. Да и вид, в каком появился муж — без тулупа и насквозь мокрой рубахе — только добавлял непонимания и тревожности. Глафира, не смотря на мужа, поставила миску на стол, спросила как бы невзначай:

— А тулуп где потерял?! Никак из зверей кто напал?!

— Дай переодеться, все разговоры потом.

Он зашёл в комнату, скинул портки, пропахшие псиной, молоком и сыростью. Не успел надеть сухую одежду, как входная дверь скрипнула и в комнату вошла Никитична.

— Я чего-то ничего не поняла, ты хоть мне объясни, Глашка, какой ребёнок?!

Бабка Глаша смотрела на Никитичну с непониманием и осторожно перевела взгляд на деда. Они вдвоём вытаращились на вошедшего Макара. Тот, не торопясь, сел за стол, взял буханку недавно испечённого хлеба, втянул ноздрями душистый аромат и отломил от хлеба большой ломоть. Немного помолчал, а затем, посмотрев на стоящих бабок, произнёс:

— А ну, девки, сядьте! Я вам сейчас такое расскажу, во что сам с трудом верю.

Он подождал, когда бабки усядутся, и начал свой рассказ. Когда он его закончил, старухи не могли воспринимать услышанное всерьёз, думая, что он их разыгрывает. Наконец щи закипели, дед поднялся, налил себе полную миску и стал с удовольствием есть, предоставив бабкам осмыслить всё.

— Что-то мне всё равно не верится. Кругом за сто вёрст не одной деревни, а уж про беременных девок я вообще молчу. Сто лет в нашей деревне их не видели.

— Ну ты, Никитична, и хватила — сто лет. Фёдору твоему сколько?

— Да молод ещё — сорок пять.

— Ну вот, а ты сто лет.

— Да ну тебя, это я ж к слову.

— Да понятно, что к слову. Я вот что вспомнил, ребёнок был завёрнут в какую-то шкуру.

— Вот ты, Макар, и дел натворил, как теперь спать ложиться? Всю ночь буду ворочаться.

— Да подожди ты со своей ночью, может, Фёдор приедет, новости расскажет.

И они сели у окна и стали смотреть на улицу.

Просидев весь вечер, они один за другим высказывали предположения появления ребёнка в лесу. За разговорами не заметили, как на улице стемнело, слышалось только завывание вьюги да порывы ветра со снегом, что бился в окно.

Макар прислонился к окну и посмотрел через стекло.

— Вы только посмотрите, что на улице делается. Погода — то опять как разгулялась, снег повалил, а вьюжит-то как, ветер словно с цепи сорвался. Да чтоб такая погода да в ноябре, не припомню такого.

Он увидел проблески света через белую стену снега.

— Кажись, кто едет. Никитична, никак тебя сын ищет.

— Ой, батюшки! И чего-то его дёрнуло в такую погоду ехать сюда, — запричитала она.

— Так ведь догадливый он у тебя. Небось, понимает, что спать не сможем, если не узнаем — как там наш ребёнок.

Он отпрянул от окна и скорой походкой пошёл к выходу, говоря на ходу:

— Пойду встречу, свет включу, всё видней будет.

Глафира подбросила дров в печку и поставила котелок со щами на плиту.

Вскоре дверь открылась, и в горницу зашёл Фёдор Степанович.

Глафира посмотрела на гостя, выискивая в выражении его лица ответ на происшествие. Но кроме покрасневших щёк и озорных голубых глаз, в которых, как всегда, плясали бесенята, ничего не смогла разглядеть. Да и то, если смотрит озорно, значит, пронеслась беда, вот и ладненько.

Бабка засутилась, достала буханку и стала нарезать хлеб, не смотря на Фёдора, проговорила:

— Присаживайся долгожданный гость, отужинай с нами. Чем богаты, тем и рады.

— Во спасибо, тётъ Г лащ, я, если честно, голодный как зверь.

Он скинул тулуп, подсел к столу, поглядывая из-под бровей то на одного, то на другого старика.

— Чего ты молчишь, окаянный?! Говори уже — довёз? Живой — аль нет!?

— Дак чё, сам не видишь! Вишь, как глазюки бегают весело — значит, довёз, — не вытерпела Глафира. — Говори уже, не томи стариков.

— Да я и не томлю. Думал, завтра заскочу, но как прислали сводку о надвигающемся снегопаде, так думаю, как же вы здесь одни без меня. Да вот ещё забежал в магазин продуктов вам прикупил. Так торопился, в люльке забыл, сходил бы ты Макар Петрович, забрал, да тулуп свой прихвати.

Макар покачал головой, но вышел, оставлять продукты не хотелось, мало ли, зверь из леса придёт, зачем искушать животину. Глафира зачерпнула половником щи и налила целую тарелку. Поставив её на стол и подав ложку, она села подле Фёдора и стала с волнением ждать ответа.

— Ну не томи, говори уже.

Фёдор заулыбался, в глазах плясали весёлые искры, отломил хлеб, зачерпнул ложкой щи.

Сейчас Макар Петрович зайдёт, и всё расскажу по порядку.

Когда дед зашёл, миска уже стояла пустая, Г лафира разливала по чашкам душистый чай, нет, не зря летом разные травы сушила. Тут тебе и от простуды, и для души, и для аромата, да ещё на радостях земляничного варенья выставила на стол. Фёдор отхлебнул первый глоток чая, сощурился от удовольствия и начал свой рассказ.

— Как, значит, положил ты мне ребёнка в люльку, так я всю дорогу не мог ни о чём другом думать, как только бы успеть довести. Вот я вам скажу, страха натерпелся, даже когда ловили особо опасного преступника и ранение получил, так не боялся, как в этот раз. Вот, значит, подъехал я к детской больнице, хватаю твой тулупчик с ребёнком и бегом в приёмное отделение. Мне дорогу какая — то врачиха перегородила, вы куда, орёт, граждан, карантин, никого не пропускаем! А я пытаюсь что — то сказать и не могу, у меня от страха спазм голосовых связок случился. Я тогда положил свёрток на лавку, что у стены стояла, развернул полушубок и показываю. Она недовольно на меня смотрит, а затем взгляд перевела на свёрток, и тут смотрю, лицо её меняется. Наползает такая маска страха, вы, говорит, нам что — мёртвого ребёнка принесли? Вот тут я вам скажу, сам чуть не рехнулся от охватившего меня ужаса. Смотрю на врачиху и боюсь глаза опустить и посмотреть, жива кроха или нет. Всё же пересилил себя, вытащил ребёнка из тулупа и смотрю, пуповина ещё не отпала, тут у меня руки как затрясутся. А дивчина, на счастье, возьми, глаза открой да как закричи на весь коридор.

— Фу ты, ирод! Так рассказываешь, что сама сейчас богу душу чуть не отдала от страха, — перебила его мать.

Глафира с дедом сидели притихшие, ни живые ни мёртвые, порой от волнения забывая дышать, и не сводили глаз с Фёдора. Он ещё раз отхлебнул чаю.

— Ох и чай у тебя, тётъ Глаш, насыплешь немного, я своих в отделении подразню, пусть позавидуют. И варенья, такое оно вкусное, что я, пожалуй, сам баночку наверну.

— Да хватит тебе уже о чае да о варенье, будто дома не такое, дальше рассказывай, ирод! — прикрикнула с чуть наигранной строгостью на сына Никитична.

А Фёдор, весело зыркнув на притихших стариков, продолжил свой рассказ.

— Вот, значит, держу я девчонку на руках...

— Значит — девочка, — вытер рукой стёкшие слёзы дед Макар, — это хорошо, девки, они живучие.

— Да замолчи ты, дай послушать! — в два голоса перебили его вздохи бабки.

Фёдор опять улыбнулся и продолжил:

— От крика девчушки врачиха как подскочит, вы что, мужчина, в своём уме, почему вы в такую погоду ребёнка голым держите? А я ей и отвечаю, так ведь найдёныш, в лесу нашли. Она аж в лице изменилась, схватила девчонку, прижала к себе и побежала. А у меня, чувствую, ноги враз стали ватными, подгибаются, сел я на ту самую лавку и не могу в себя прийти. Сижу, жду, час, наверно, прошёл, вышла та самая врачиха, села рядом со мной на лавку и говорит — курите? Я головой мотаю. А она — я тоже бросила, а вот после таких случаев аж внутри всё раздирает, так курить хочется. Ну, думаю, померла. Не успел. Аж за сердце схватился, а она — да вы успокойтесь, жива ваша девчушка-найдёныш, худенькая, правда, немного обезвожена, дня два от роду. Сейчас мы её помыли, накормили, обложили грелками, она и уснула. Спит губки бантиком, и знаете, волосики маленькие такие рыженькие. Про таких детей говорят — солнышко в волосы золота добавило. Только вот глазки жёлтенькие, ну ничего страшного, так у новорождённых бывает — желтушницей называется. Так где вы её нашли? Я ей — сам толком ничего не знаю. И рассказал всё, что

ты мне успел поведать. Она слушала и не верила, как же так можно — в лесу зимой оставить. Сколько живу, а человеческой жестокости надивиться не могу. Потом она встала и говорит — вы ступайте, она сейчас в реанимации, к ней всё равно никого не пустят. А как немного поправится, тогда я вас провожу, сможете полюбоваться вашим найдёнышем. Она ушла, да и я решил, раз ребёнок жив, то мне и правда пока там делать нечего, а вот с тебя, Макар Петрович, мне необходимо показания взять, чтобы всё по правилам было. Сам понимаешь, шумихи будет предостаточно, тут тебе и пресса с журналистами, и старшие чины полиции, все захотят на этом случае покрасоваться.

Они допили чай, Глафира убрала со стола, и Фёдор Семёнович, открыв папку, стал записывать со слов Макара показания. Он слушал внимательно, иногда замолкал и заставлял вспоминать чуть ли не каждый шаг и заново рассказывать. Макар нервничал, считал это лишним. Но Фёдор попросил деда подробно пересказать, как тот въезжал в лес, была ли лыжня. Макар даже задумываться не стал:

— Не было лыжни, я её первый наезжал, ты знаешь, сколько я на охоту хожу. Я тебе любой след зверя расскажу, а про человеческий совсем пустяк. До этого я дней десять как на охоте был, за это время снегу сам знаешь, сколько навалило. Так что я первый по снегу шёл и назад по старой лыжне ехал. Не было чужака в лесу.

— Так как же ребёнок в логове волчицы оказался? Просто загадка какая — то. Мне чего начальству докладывать?

— А ты и докладывай всю правду. В день третьего числа, ноября месяца 2032 года, в лесу дедом Макаром в логове волчицы был найден ребёнок.

— Да, Петрович, если б так протоколы допроса вели, никто бы ничего не понял. Ладно, главное я записал, подпиши вот здесь, внизу.

Он протянул лист бумаги, Макар поставил свою подпись.

— Ехать мне куда не надо, на допрос там?

— Да какой допрос? Что надо, я записал. И лучше никому ничего не болтай. Знаешь, скажешь одно, перевернут, потом тебя ещё и обвинят.

— Так а меня-то в чём винить.

— Люди найдут, говори — всё, что знаю, полиции рассказал, вот у неё и спрашивайте. Мать, давай собирайся, домой пойдём, хата, наверно, вся остыла, будем в холоде спать.

Они засобирались и, выходя, Фёдор посмотрел на Макара как — то странно, и были в этом взгляде сомнения и неверие.

Дед проводил гостей и пошёл укладываться спать. День и вечер были очень насыщенными на события. Они привыкли жить спокойно и размеренно, а тут такое. Он улёгся на кровать, слушал, как Глафира укладывалась, долго ворочалась, тоже, наверное, сон не шёл. Да и где ему, этому сну, взяться. Дед лежал, смотрел в потолок и вспоминал осмысленный взгляд волчицы.

«Надо же, как человек, а ещё говорят, не понимают ничего животные. Все они понимают, ведь нашла же она где-то новорождённую, и умереть не дала, в логово принесла, кормила своим молоком и согревала своим телом. Что значит — мать-волчица».

Но умолчал Макар о том, кого ещё видел в лесу — не поверят, скажут, почудилось, поди потом объясняй того, чего нет и быть не может. Да только от одного воспоминания сразу пробежал по коже холодный страх, сжимая сердце и лёгкие в жгут, и дед, вздыхая, отгонял от себя страшные воспоминания. Чтобы успокоить трепещущее сердце, лёжа на кровати, он всю ночь думал, представляя то одну, то другую историю. К утру, измученный думками, он,

наконец, умудрился уснуть и спал так сладко, что не слышал, как поднялась жена, растопила печку, поставив на огонь котелок, кашу варить. Она не будила, пожалела, пусть поспит её дед — натерпелся вчера. Пусть отдохнёт. Вот поправится малышка, может, поговорить с дедом и забрать её себе. Хотя не те уж годы, никто ведь не отдаст. А вот навещать, поди, не откажут, надо будет у Фёдора спросить.

Макар проснулся, когда в его ноздри ударил запах наваристой молочной гречневой каши, сдобренной маслом. Дед улыбнулся, вот спасибо Семёнычу, так надоело хлебать пустую кашу. Он встал, натянул исподники, носки, надел рубаху и вышел из комнаты. Направился к рукомойнику, умылся, вытер лицо полотенцем.

— Ну и запах от каши, все сны рукой сдуло, — ласково смотря на жену, проговорил Макар.

Она улыбнулась, в серых глазах светилось счастье, взяв рогач, сняла котелок с плиты. Поставив его на стол, Глафира разложила кашу по тарелкам, и старики принялись с наслаждением есть. Когда закончили завтракать, Макар встал.

— Пойду дорожки чистить, снегу намело за ночь, захочет кто зайти — утонет в снегу.

— Иди, — сказала Глафира и стала убирать со стола.

Макар, накинув тулуп, вышел на улицу. Природа вчера поработала не на шутку, кругом были барханы из снега. Слабый ветерок гнал лёгкий как пух снег, небо заволокло серыми облаками, из-под которых пытались пробиться солнечные лучи. Макар окинул взглядом белые наносы снега, посмотрел в сторону леса, что издалика казался сплошной чёрной стеной.

«Как там волчица с волчатами? Надо бы подкормить, уж больно слабая. Зима нынче вон какая ранняя да снежная». Дед взял лопату и стал очищать дорожки от снега, всё время думая о вчерашнем. Он уже практически расчистил всё, когда услышал:

— Здоров, Петрович.

Макар поднял голову и увидел Фёдора.

— Поговорить надо. Вчера при женщинах не стал, а сейчас без свидетелей скажи как на духу, никто не узнает — слово даю.

Брови деда приподнялись, в расширенных глазах читалось полное удивление.

— Так чего сказать-то?

— Правду!

— Так вроде всё рассказал, как на духу, — отводя в сторону глаза, ответил Макар.

Фёдор стоял, смотрел вдаль, раздумывая над чем — то, а затем, повернувшись к Макару, спросил, смотря прямо в глаза:

— Ответь честно, Макар Петрович, это твой ребёнок?

Макар замер от изумления, но, справившись с собой, зло посмотрел на Фёдора и сказал:

— Знаешь, Фёдор Семёнович, если б не знал я тебя сызмальства, врезал бы тебе и не посмотрел на твоё звание, а так... — Макар махнул рукой и отвернулся, собираясь уйти.

— Да постой ты, дядь Макар, не обижайся! Мне ведь нужно все версии проверить. Что я завтра начальству буду докладывать, никто ведь не поверит.

Дед повернулся, и Фёдору показалось, что тот постарел сразу лет на десять. Нахмуренные седые брови сошлись к переносице, взгляд был задумчивый и застывший. Глубокие носогубные складки замерли в нервном напряжении.

Макар отвёл взгляд от Фёдора, бросил взор вдаль, на метущую позёмку, а затем промолвил:

— Не могу я иметь детей. Служил я в армии в спецвойсках, авария была. В общем, полностью облучённый, поэтому моя Глафира и не познала материнского счастья. Мы когда поженились, сначала думали, ну, всякое бывает. Время шло, решила она по врачам пойти, проверилась — здорова. Пришлось и мне пройти всю эту позорную процедуру, вот тогда и узнали мы, что никогда я не смогу произвести на свет детей. Столько боли — тебе и не понять, я просил Глафиру разойтись, а она ни в какую. И в горе говорит и в радости. Так вот прожили жизнь и не заметили, как состарились, а ты говоришь. ай, — махнул рукой дед и отвернулся, плечи его поникли.

Фёдор вздохнул, положил руку на плечо Макару.

— Прости, не знал я.

— Да что теперь, ты вот мне что скажи, а разрешат нам с Глафирой видеть малышку, удочерить не дадут — годы не те. Может, ей чего купить нужно, так мы небольшую денюжку скопили.

— Честно, не знаю, поспрашиваю у врачихи, а так, я думаю, об этом ребёнке никто и не спросит. Попрошу, чтобы отчество твоё дали.

— А разве можно?

— А чего, они подкидышам сами придумывают и фамилию, и имя, так хоть с отчеством не надо гадать. Ты, надеюсь, не возражаешь.

— Я... да ты что! Чего ж мне против быть. Она мне теперь и правду как родная — внучка только.

Губы Макара расплылись в довольной улыбке, глаза заблестели, на душе сразу полегчало.

— Я тут ночь лежал, думал про волчицу, а что, если она нашла ребёнка в лесу. Услышала крик, мать ведь — пожалела и принесла к себе в логово.

— Я тоже эту версию продумывал. Думаю, на ней и остановиться. Поеду в город, если метели не будет, на выходные вернусь. Вам, может, чего привезти из города?

— Так моя Глафира тебе список напишет, забеги перед дорогой.

Фёдор ушёл, Макар расчистил последнюю дорожку и тоже вернулся в дом. Все думки были о маленькой девочке. К вечеру снегопад прекратился, заскочил Фёдор, взял список необходимых продуктов.

— Вот сиди теперь и жди вестей, смотря в окно на уезжающего сына Никитичны, — говорила с тревогой Глафира.

— Немного осталось, всего два дня. А завтра пойду на охоту.

— Опять на охоту? Чего-то страшно мне теперь тебя отпускать.

— Не выдумывай. Страшно ей. Волчица с волчатами совсем отошальные, подкормить не мешало бы. Снегу намело, ей с её короткими лапами не угнаться за косыми.

На следующий день дед Макар встал на лыжи и заскользил в сторону леса. Яркое солнце ослепляло глаза, лёгкий морозец щипал щёки. У Макара было радостно на душе, жизнь подходила к концу, и как ни странно, только теперь у него появился смысл в этой самой жизни. Да что там говорить, такое совершил. Дитя от смерти спас. И ведь как чувствовал, ведь тянуло в лес на охоту. А он всё отнекивался сам себе, то мороз, то снег, а потом как кто толкнул. Вот и не верь предчувствию, а может, и не предчувствие вовсе это. Ведь кто — то знал, что там, в норе, ребёнок умрёт, если его людям не отдать.

Макар скользил по уже засыпанной, в прошлый раз проложенной им лыжне. Он сдерживал себя, чтобы не смотреть по сторонам.

«Рано ещё. Хоть бы охота удалась».

Лес закончился, и вдаль простиралась белоснежная равнина. Глаза ломило от белизны, Макар протёр их, сняв лыжи, прошёл к растущему неподалёку раскидистому кусту ивняка. Скинув с плеча ружьё, сел подле и стал ждать. Такая погода — самое то для игрищ косых, здоровы они носиться друг за другом, чтобы погреться под редкими лучами солнца. Шубки свои уже успели поменять, на белом снегу плохо различать, да ничего, слава богу, глаз цепкий да меткий, не потерял ещё дед сноровку, несмотря на годы.

Дни совсем стали короткие и серыми, вот зайцы и устраивают себе догонялки. К счастью, сидеть и ждать пришлось недолго. Сначала Макар увидел одного зайца, что стоял на задних лапах и смотрел куда — то вдаль. Макар уже хотел было подстрелить его, как заметил ещё с десятков. Вот радость — то, наверное, неопытный молодняк решил побегать. Макар немного подождал, пока косые войдут в раж и не будут ничего видеть в округе. И только после этого выстрелил. Глаз у него острый, первый выстрел был точным, зайцы кинулись врассыпную.

«Меня этим не проведёшь», — и Макар выстрелил ещё пару раз и оба раза не промахнулся. «Вот и славно, и волчице, и нам с бабкой хватит».

Он встал на лыжи, проехал вперёд, поднял тушки подбитых зайцев, прикрепив их к поясу, и не спеша заскользил по лесу. Когда добрался до того места, где его в прошлый раз встречала волчица, стал вглядываться сквозь стволы деревьев и обомлел. Среди них заметил мелькнувшего зверя, через некоторое время появилась волчица. Что это была та же самая, что привела его к своему логову, Макар не сомневался. Не станет зверь вот так без боязни стоять и смотреть на человека. Тем более запах пороха они чуют издалека. Макар отвернулся, чтобы отвязать зайцев, и когда повернулся обратно, волчицы не было.

— Куда ж ты убежала, — с досадой проговорил Макар.

И волчица как по волшебству вновь показалась из — за дерева.

— Ну вот и ладненько.

Он бросил двух зайцев, немного постоял, посмотрел на волчицу и сказал:

— Спасибо, что жизнь ей спасла, низкий тебе поклон от нас с бабкой, — и склонился.

Волчица не спускала своих жёлтых глаз с Макара. Он не стал думать о том, понимает она его или нет, оттолкнулся лыжными палками и заскользил домой.

Дома его ждала Глафира, всматриваясь в его лицо, всё ждала. А Макар тянул время, любил он вот так напустить на себя загадочный вид и молчать.

— Хватит молчать, окаянный, ненормальный, давай уже рассказывай. Видал волчицу?

— Да видал, видал. Вышла на том же самом месте. Стоит, смотрит и глаза такие умные.

— Да кабы были глупые — дитя не сообразила бы, как спасти.

— Вот и рассказывай тебе, вечно перебиваешь.

— Ладно — молчу. Давай говори.

— Да особо что говорить. Услышала выстрелы и вышла на том же самом месте, стоит и смотрит. Ну а я чего, отцепил тушки, бросил ей и направился домой. Да и нам одного оставил, натушишь в горшке с картошкой.

Глаза у Глафиры засветились счастьем и радостью.

— Значит, признала, раз вышла встречать. И надо же, никогда бы не подумала.

Пока она сидела и бормотала себе что-то под нос, Макар освежевал зайца и пошёл выносить ведро с потрохами. Когда он вернулся в дом, в гостях у них уже сидела Никитична.

— Привет, Макар, видела, ты сегодня на охоту ходил? Вижу, даже удачно.

— Удачно, удачно, — прищурился и ухмыляясь, промолвил дед, — приходи завтра на жаркое. Федька то твой приедет?

— Да обещал.

И только Глафира поставила чайник, как они услышали шум мотора.

— Никак твой сын?

— Может, случилось чего?

Они все втроем посмотрели в окно и увидели, как Фёдор остановился у забора и слез со снегохода. Когда он вошёл, старики сидели и глядели на него, не отрывая глаз.

— Вы чего такие? — весело спросил он.

И только после этих слов старики повеселели и заулыбались.

— Так ведь ты чего-то рано приехал, вот и решили, случилось чего — недоброго.

— Да, отпросился у начальства. Все дни как в карусели, утром на работу, вечером в больницу — проверить нашу подопечную.

— Ну и как? — все трое спросили разом.

— Растёт не по дням, а по часам, — улыбаясь во весь рот, ответил Фёдор. — Ходил, навещал, маленькая такая, рыженькая, ест и спит. Уже в отдельный бокс перевели, никакой угрозы для жизни нет. Врачи не нарадуются, всё удивляются, как не заболела в такие холода без человеческого тепла.

Они пили чай и всё выпрашивали у Фёдора про малышку. Так в их размеренную, спокойную жизнь ворвался этот младенец и враз изменил её, наполнив волнением, счастьем и смыслом. Так у них и повелось, Макар ходил на охоту, оставлял ждавшей его волчице подстреленных зайцев, а на выходные приезжал Фёдор и рассказывал им о девчужке.

Вот уже и грачи прилетели — первые вестники весны. Важные, они ходили по полю и выискивали себе пропитание на появившихся проталинах. Макар с трудом шёл на лыжах, снега осталось мало, ещё неделя, и его совсем не будет. Вот незадача, чем же теперь волчицу подкармливать? В лес скоро не зайти станется, везде будет непроходимая слякоть. Дед остановился у заветной поляны и увидел двух зайцев, попавшихся в расставленные со вчерашнего вечера силки. Но, увидев промелькнувшую тень, резко присел и притаился, спрятавшись за кустами. На поляну выбежала лисица.

— А тебя откуда нелёгкая принесла, всю живность мне распугаешь, — взволнованно прошептал Макар.

Лисица поводила носом, видимо, ей что — то не понравилось, она вильнула хвостом и исчезла. Как будто её и не было несколько мгновений назад.

— Вот ведь действительно плутовка, — улыбаясь, прошептал Макар. Через некоторое время появился первый заяц, за ним второй и на поляну с разных сторон стали выпрыгивать разношёрстные пушистые создания. Вот с приходом весны и зайчата стали менять свою шкурку. Макар подстрелил двоих, прошёл, собрал их и отправился старой, уже привычной дорогой. Доехав до знакомого места, он остановился, отстегнул двух зайчат, бросил их в приметные кусты и замер. Недалеко, возле старой сгорбленной берёзы, была волчица, а возле неё, прижавшись к матери, стояли и смотрели на Макара пять подросших волчат.

— Вот значит, как — прощаешься, пришла отблагодарить за жизнь своих волчат. Куда ты их поведёшь? Ну, правильно подальше в леса, охотиться. Скоро народу в деревню понаедет, а народ, он разный, один поможет, а другой недолго думая — убьёт. Ну что ж, прощай, Мать-волчица. Прости, если что не так, — вновь поклонился старик и с трудом заскользил по тяжёлому мокрому снегу.

Больше Макар не встречал серой волчицы. Сколько раз он, бывало, останавливался зимой посреди леса, всматривался в ровные ряды берёз, стараясь рассмотреть знакомого зверя, но так никого и не видел. Может, увела своих детей далеко, а может, умерла. Одному богу известно. Да вот только у Макара были теперь другие заботы.

Раз в месяц они ездили в дом малютки проведать своего найдёныша. Так как нашли её в логове волчицы, дали фамилию Волкова, отчество, как и обещал Семён — Макаровна, а имя какое-то непутёвое дали — Зарислава.

— Хоть бы немного подумали эти бабы с органов опеки, давая имя ребёнку, вырастет, и как к ней будут обращаться — Волкова Зарислава Макаровна — тьфу ты! — Макар сплюнул от расстройства, когда первый раз услышал. Язык чуть не сломал, пока имя выговаривал.

Держали её в больнице долго, всё ждали, когда желтушность с глаз сойдёт, и когда это случилось, были все радостные, но вот цвет зрачков никак не хотел меняться. Приехал какой-то старенький профессор, осмотрел ребёнка и, ухмыляясь сказал:

— Всю жизнь бы прождали. Девочка родилась с таким цветом глаз — бывает, рождается один такой человек на десять миллионов. И цвет разный — у кого синие, у кого фиолетовые, а у некоторых зеленые, что вода при цветении — мутация гена называется.

— Сам ты мутированный недомерок, — ворчал Макар, — удумал какую-то мутацию генов. Кто его знает, что ребёнок при родах пережил, да и в лесу сколько дней был.

Зариславу из больницы перевели в дом малютки. На счастье стариков, заведующая разрешила Макару с бабкой навещать малышку, пока не найдётся желающий удочерить девочку. После этих слов Макар ходил как не свой, он так привык к ребёнку, что уже не представлял жизнь без неё. Бывало, съездят, навестят малышку, а после приедут, сядут за стол и долго сидят притихшие, молчаливые, каждый думая о своём. Вот бы казалось — радоваться нужно, никому не приглянулась их кровиночка родная, но каждый из них понимал, что мамка ребёнку нужна. Только вот желающих удочерить не находилось — как посмотрят на её необычный цвет глаз, так и отворачиваются сразу.

Но они с бабкой не замечали никаких изъянов в ненаглядном цветочке. Уж как она радовалась, когда видела их. Первый раз это было, когда она уже научилась сидеть самостоятельно. Правда, они ещё не знали о таких её успехах, вот, значит, приехали они с Глафирой, заходят в её палату, смотрят — сидит их ребёнок. А девчушка как увидела их, как завизжит от радости, а потом залилась громким радостным смехом. Вот тогда они наревелись, вытирали глаза платками и не могли успокоиться. Столько дней не видела их малышка, а ведь признала — запомнила, значит. Хоть и маленький ребёнок, а чувствует любовь и ждёт их.

Так летели дни и месяцы, ей исполнилось три года, но вот с речью у Зариславы были проблемы, не говорила ни одного слова. Всё понимала, на пальчиках показывает, улыбается, но молчит. Бывало, посадит её Макар к себе на коленки и пытается разговорить, скажет слово и говорит:

— Повтори.

Она положит свою маленькую ладошку ему в ладонь, прижмётся к лицу и поцелует в стариковскую щетинистую щеку. Вот всё понимала их кудрявая и рыжеволосая, словно солнышко, девчушка, но говорить не хотела.

Глава 2. Детский дом

Вскоре из дома малютки Зариславу перевели в детский дом. И опять ревели дед с Глафирой. Особенно та, она и так всё реже навещала малышку, ноги совсем перестали ходить. А как узнала, что их кровиночку в самую Москву в детский дом отправляют, так совсем слегла. Лежит на кровати сухенькая, маленькая, смотрит пустыми глазами и только слёзы катятся по щекам на подушку. Макар сначала уговаривал, ходил вокруг неё, успокаивал, но видя, что никакие уговоры не помогают, как заорёт:

— Прекратить слезы лить! Ребёнка хоть и увезли далеко, всё равно чувствует, что мать рыдает!

После этих слов Глафира как очнулась, не плакала ни разу. А Макар ей пообещал:

— Деньги есть, наймём машину, съездим и повидаем нашу Зариславушку.

Только когда они приехали, не узнали своей малышки, из весёлого улыбчивого ребёнка она превратилась в затравленного зверёныша. Воспитателем в их группе была одинокая и злая дама. Высоченная, худющая, всегда одета в белую рубашку и строгий тёмно-синий костюм. Длинные чёрные волосы закручены и собраны в тугий пучок на голове. Близко посаженные серые глаза всегда смотрели зло и надменно. Первым делом она коротко подстригла волосы Зариславы, объяснив, что косы ей заплетать некогда. Вот тогда Зарислава первый раз заговорила, она билась в истерике и кричала — мои волосики! Пришлось вызвать врача и уколоть ей успокоительное.

Директор детдома, Вера Михайловна, узнав, в чем дело, наказала воспитательницу и строго заявила, что если ещё что-то подобное повторится, то Элеонора Зюйдовна может поискать другую работу. Слова директрисы сильно задела Элеонору, она столько лет отдала детям, а её незаслуженно обвинили. И она ещё больше возненавидела Зариславу.

Когда приехали Макар и Глафира, девчонка уткнулась бабке в подол и залилась горькими слезами, плакали и старики, но ничего не могли поделать. Хорошо, что всю эту сцену их встречи увидела Вера Михайловна, подойдя, она погладила Зариславу по голове и сказала:

— Вот наступит лето, и я обещаю отпустить тебя на каникулы к твоим родителям.

Она читала досье на Зариславу и знала, что её нашли в лесу. Видела пожилых людей, приезжающих к девочке, и их глаза, полные любви и счастья при виде рыжеволосой. Зарислава подняла голову, в её глазах цвета солнца читалось неверие, она растёрла ладошкой по щекам слёзы, успокоилась и обняла за ноги директрису в знак благодарности. А затем, вся счастливая, шмыгая носом, залезла к Глафире на коленки и прижалась к ней, тихо сидела и гладила её по сморщенной старческой руке.

Директриса сдержала слово, сообщила Макару, когда он сможет написать заявление и забрать на каникулы Зариславу. Сколько было радости и счастья от этой встречи у обоих. Дед с бабкой не знали, куда посадить и чем попотчевать любимицу. А для Зариславы наступили самые счастливые дни. Целое лето она бегала по лугам, ловила бабочек и стрекоз. Макар брал её в лес, собирать малину. А ближе к осени Фёдор Степанович посадил их в машину, и они поехали за грибами. Сколько было счастья и азарта, когда девочка находила гриб и бежала к Макару, крича:

— Папа! Смотри, какой я гриб нашла!

Макар восхищённо взмахивал руками и качал головой при этом, говоря:

— Никогда не видел таких больших и красивых грибов.

А Зарислава, положив гриб в корзинку, тут же начинала кричать на весь лес:

— Дядя Федя — ау!

— Ау! — отвечал ей Фёдор, спрятавшись недалеко за берёзой.

Так они по лесу и перекрикивались, а Макар ходил следом за девчушкой, боясь потерять её из вида. Зарислава перестала называть их мамой и папой в пять лет. Когда они приехали к ней на день рождения, она выбежала их встречать, крича на бегу:

— Ко мне мама с папой приехали!

Старшие ребята увидели их и долго потом смеялись и измывались над ней, говоря — ну и старые у тебя предки! И хохотали в голос.

Зарислава, забившись под крыльцо — своё излюбленное место, сидела на корточках и плакала. Всё волшебство и счастье от подарков развеялось вмиг. Она, конечно, подралась со всеми, кого укусила, кого-то поцарапала, разумеется, и ей досталось изрядно.

Разнял их Василий Александрович — физрук. Строгий, под два метра роста дядечка, преподающий физкультуру у старшеклассников, его все побаивались. Когда он подошёл и стал разгребать кучу, откидывая навалившихся на Зариславу пацанов, она в бешенстве ухватилась за его руку, да так и повисла, вцепившись в неё зубами. Надо отдать должное физруку, он даже бровью не повёл, а стоял и ждал, когда воспитанница, наконец, сообразит, что она делает. Вокруг уже собралась целая толпа ребят, все ждали развязки, ехидно похихикивая. Провисев на руке физрука изрядное время, Зарислава наконец поняла, что рука, в которую она вцепилась зубами, слишком большая. Она приподняла взгляд и встретилась с карими глазами высокого крепкого мужчины. Зарислава часто видела его и девчонки ей говорили, что этот физрук — зверь, а не учитель. От страха у неё навернулись слёзы на глаза, и вскоре по коридору разнёсся громкий плач. Все ребята дружно рассмеялись. Только физрук сдвинул брови, окинул всех хмурым взглядом, от которого все сразу умолкли, и строго сказал:

— Кто продержится на моей руке столько же времени, сколько провисела эта девочка, возьму к себе в секцию.

Все стояли притихшие, каждый воспитанник детдома мечтал попасть в секцию по восточной борьбе, которую преподавал Василий Александрович. Но никто не решился, каждый представил, как цепляется зубами за руку физрука и висит на ней, все поняли, что не смогут.

А тем временем физрук, поставив Зариславу на пол, взял её за руку и повёл в неизвестном направлении. Ребята бросились обсуждать и представлять, как накажут Славку. Имя Зариславы детдомовцы тоже быстро сократили — вместо красивого девичьего имени наградили пацанским, дразня Славкой за склочный и задиристый характер. А многие после очередной драки называли её волчарой за особенность пускать в дело зубы.

Василий Александрович провёл Зариславу длинным коридором, прошёл мимо кабинета директрисы. У Славы подкосились слегка ноги, когда она подумала, что её ведут к «СС». Прожив здесь немного, она узнала, что так дети за глаза называют Элеонору Зюйдовну. Злобы у той хватало на всех, за любой проступок, не понравившейся ей, она строго наказывала нарушителя дисциплины, закрывая в кладовке, где держала все свои принадлежности уборщица баба Клава. Но никто не жаловался, каждый понимал, что сделает себе только хуже.

Зарислава не знала, что значит слово «СС», но учитывая то, с какой осторожностью и за

глаза дети называли так Элеонору, внутреннее чутьё подсказывало ей, что это какое — то нехорошее слово.

Вскоре Зарислава узнала много нехороших слов и даже со временем сама частенько вставляла пару ласковых, если у неё что-то не получалось. К удивлению девочки, физрук не повёл её к «СС», а они дошли до самого конца коридора и остановились у двери.

Слава уже знала, что за дверью расположен большой зал, где дети прыгают, бегают и играют с мячиком. Физрук открыл дверь и пропустил вперёд Зариславу. На них повернули головы с десятков мальчишек, все они были разного возраста, одеты в широкие штаны, в тон рубашкам на них были повязаны пояса разного цвета.

— Так, внимание ребята, представляю вам новую ученицу!

Послышались одинокие смешки.

Кто смеялся, подойти ко мне.

Зарислава увидела, как из стоящих ребят выходят трое мальчишек с опущенными головами.

— Давно ли стали сильными, смелыми и такими отважными. Всё умеете и можете смеяться над более слабым. Может, кто-то хочет показать своё мастерство в паре со мной?

В зале стояла тишина.

— Не слышу! — рявкнул физрук.

— Нет, — сказал один из мальчишек, только что смеявшихся над Зариславой.

— Молодец, Макс, у тебя одного хватило смелости ответить. Надеюсь, все усвоили урок. Ребята дружно закивали.

— Сейчас быстро десять кругов для разминки и затем разбежались по парам и повторяем то, что прошли вчера, а новенькая пока посидит и посмотрит, чем вы тут занимаетесь.

Он посадил Славу на лавочку у стены, а сам побежал с пацанами. Она сидела, поджав ноги под лавочку, и с жадностью рассматривала ребят. Самое интересное началось, когда ребята разделились на пары и стали хватать друг друга за вороты рубашек и бросать на постеленные на полу маты. Славка смотрела во все глаза, она даже несколько раз подскакивала с лавочки, так ей хотелось вот так же ловко драться. Василий Александрович поглядывал на девчущку, которую привёл, и сразу отворачивался, сдерживая улыбку, тут же строго покрикивал на ребят. Когда занятие закончилось, он распустил раскрасневшихся и еле стоящих на ногах парней. Подойдя к Зариславе, присел рядом и спросил:

— Что, драчунья, хочешь вот так, как они?

— Ага.

— Хорошо, если хочешь, придёшь, завтра в это же время, я поговорю с Элеонорой Зюйдовой, чтобы отпускала тебя на занятия. А сейчас беги в свою комнату, да смотри по дороге не подерись ни с кем.

Она кивнула в ответ и понеслась что есть мочи рассказывать девчонкам новость. Когда она заявила, что будет заниматься с ребятами, многие не поверили. Слава едва себя сдерживала, чтобы не подрать им волосы. Но она дала слово и боялась, что если физрук узнает про её драки, то не пустит к себе на занятие.

На следующий день она пришла раньше на целый час и встала под дверь спортзала, боясь опоздать на занятие. Увидев, её физрук радушно улыбнулся, его серые глаза светились радостью. Похлопав Славу по плечу, вымолвил:

— Молодец, что с таким рвением относишься к занятиям, значит, толк будет.

Зарислава ещё многих слов не понимала, но поняла одно, что её похвалили, и на занятиях старалась слушать учителя и выполнять всё, что он показывал и говорил.

Славу поставили в пару с белобрысым мальчишкой ростом чуть повыше её. Сначала она немного стеснялась, а когда поняла, что мальчик, которого звали Г р и шка (для себя она его сразу нарекла — Грек) дерётся ничуть не лучше, чем она, тогда и не стала обращать ни на что внимания и полностью погрузилась в технику отработки приёмов борьбы.

Слава так увлеклась занятиями, что ни о чём другом и думать не могла. Ей всегда было мало, когда за два часа учёбы все ребята были вымотаны и устали, она с сожалением уходила с занятий. Казалось, внутри у неё сидит какая — то энергетическая пружинка.

Василий Александрович был очень доволен успехами ученицы, часто поражался её пластике и выносливости.

Так пробежали незаметно пять лет. Дни, похожие как близнецы, сменялись незаметно, и только каникулы были самыми долгожданными и незабываемыми. Дед с бабушкой сильно постарели, Глафира практически всё время лежала в постели. И Зарислава всячески помогала деду по дому, теперь ей некогда было бегать по лугу за бабочками. Часто к ним в гости приходил дядя Фёдор, привозил продукты. А к осени они теперь с Зариславой вдвоём отправлялись за грибами, и она очень старалась, чтобы корзинка была полна. Зимы длинные и холодные — будет из чего варить деду с бабушкой супы.

За два дня до отъезда Славы в детский дом умерла бабушка Глафира. Вот так уснула вечером, а утром не открыла глаза. Когда Макар утром стал её будить, она не проснулась. Он присел тихо возле жены, взял в свои большие ладони её остывшую руку, и горькие слёзы потекли по его морщинистым щекам. Так и застала стариков Зарислава, сначала не поняла, что произошло. А когда осознала, то всё равно пыталась разбудить бабушку, трясла её за плечи со словами:

— Проснись, моя миленькая бабушка, проснись, пожалуйста.

Но та лежала неподвижно, и тогда у Зариславы будто что — то оборвалось от боли, она смотрела на бабушку и не могла поверить, что уже никогда она не откроет глаза и не погладит её по голове. С улыбкой на лице не скажет: «Какая же ты у меня умница и красавица». И как ни кричала Слава, раз за разом повторяя: «Бабушка! Бабушка, миленькая моя, родненькая!», бабушка её не слышала.

Макар очень испугался за Зариславу, умыл её лицо холодной водой и увёл к Никитичне. Позвонили Фёдору, он приехал и помог с похоронами, всё заказал в городе, и на второй день похоронили Глафиру. Дед стоял у небольшого холмика земли, держа за руку внучку. Та уже не кричала и не билась в истерике, а только губы едва шептали: «Мамочка, мамочка, миленькая, родненькая, я теперь никогда тебя не увижу». Не в силах больше смотреть на страдания Зариславы, Макар увёл её с кладбища.

Дома собрались все соседи, помянуть Глафиру. Все сидели молча, каждый из стариков понимал, что им недолго осталось видеть белый свет. Когда все разошлись, Слава помогла деду помыть и убрать посуду. Макар сел на стул и посмотрел на девчущку: «Как же ты повзрослела, наша кроха, за эти два дня. Досталось тебе, а вроде жизни — то ещё и не видела, а столько боли уже впитала в себя».

И Зарислава как будто почувствовала его настроение, уткнулась в его грудь и разрыдалась, а он не стал её останавливать. Только гладил по голове и шептал:

— Что ты, наша краса, что ты, наша кроха, не терзай свою душеньку, не держи Г лафиру — отпусти.

Зарислава подняла на него заплаканное лицо и со всхлипыванием спросила:

— Как же я могу бабушку держать, её ведь с нами нет.

— Душа Г лафиры здесь, стоит и плачет вместе с тобой — страдает она.

— Почему?

— Потому что видит и чувствует твою боль.

— Но я ведь никого не вижу.

— Душу невозможно видеть — её можно почувствовать.

— Как?

— Ты поймёшь, когда она к тебе прикоснётся. Почувствует твоя душа.

— Деда, а у всех есть душа?

— У всех — золотко моё. У всех.

Зарислава призадумалась и больше не плакала. Она не хотела расстраивать бабушку, не хотела, чтобы та плакала.

В детский дом она уехала через неделю. Обняла на дорожку Макара и сказала:

— Деда, ты только не умирай. Поживи ещё, а то мне одной — никак. У нас, знаешь, в детском доме столько детей, у них никого нет. Они совершенно одни.

Макар обнял Славу, погладил по голове.

— Поживу немного. Буду ждать тебя на осенние каникулы. Приедешь, стрекоза?

— Ага, — улыбаясь, сказала она в ответ. Это была первая улыбка со дня смерти Г лафиры.

— Вот и умница, — опять дед погладил Зариславу по голове.

— Почему умница? Я ведь всё равно собиралась приехать.

— Потому что отпустила, не стала мучить себя и её.

— Да, деда, я отпустила, — совсем по-взрослому сказала Зарислава и села в машину к Фёдору Степанычу, помахав на прощанье Макару.

Глава 3. Новенькая

Приехав в детский дом, Зарислава полностью погрузилась в тренировки. Василий Александрович подметил, что девчушка стала другой. На её лице редко появлялась улыбка, и, отрабатывая с ней приёмы обороны в паре, противнику иногда приходилось туго. Слава наносила удары с какой — то жестокостью и безразличием.

Но в тот же день с ней произошло ещё одно событие. Когда она приехала из деревни, дверь в спальню открылась и вошла "СС", держа за руку девочку. «СС» окинула холодным надменным взглядом всех, кто находился в комнате, поставила девочку перед собой.

— Знакомьтесь, Громова Алькира Львовна.

— А у неё настоящие глаза или линзы? — не вытерпев, спросила Верка.

Губы «СС» едва перекосилились от злорадной улыбки.

— Правильно подметила Верочка, цвет глаз у Алькиры такой с рождения. Как вы уже, девочки, догадались, новенькая будет жить в вашей комнате, чтобы Славе скучно не было.

И она засмеялась, надрывисто и протяжно. Стоящие рядом девочки поддержали её смех, все, кроме Зариславы. Она, не мигая, посмотрела на смеющуюся «СС», а затем спокойно подошла к новенькой и взяла за руку.

— Пойдём, рядом со мной кровать пустая — будешь соседкой.

«СС», передёрнув плечами, брезгливо посмотрела на них, развернулась и вышла.

— Меня зовут Славка, если кто обидит — скажи, — развернулась Зарислава и окинула взглядом всё ещё стоящих девочек.

Те сразу отвернулись и стали заниматься своими делами. Только Верка вышла, не спеша, давая понять, что ей всё равно. Но Зарислава знала, сейчас выйдет и побежит языком трещать. Вслед за ней вышли все девчонки. Славка покачала головой, pokrutila у виска, давая понять новенькой, мол, не обращай внимания на этих дурочек.

— Вот твоя тумбочка, можешь положить сюда свои вещи.

Новенькая стояла, не шевелясь, затем молча села на свою кровать и стала глядеть в одну точку.

Зарислава посмотрела на бледное, отрешённое лицо сидевшей девчонки и поняла, что той очень плохо. Она хотела поговорить с новенькой, но ей нужно было бежать на тренировку.

В спортзале физрук делал ей несколько раз замечания, но она никак не могла сосредоточиться и настроиться на боевой лад.

— Волкова — может, поведаешь нам, чем занята твоя голова?

— Новенькой, — буркнула Зарислава.

Мальчишки захихикали.

— О чём я говорю на каждом занятии?

— О том, что голова всегда должна быть ясной.

— Правильно, за несобранность пятьдесят отжиманий, если кому смешно, может присоединиться.

Все разом замолкли и продолжили занятия. Только Зариславе не помогли и отжимания, она всё время видела перед собой глаза новенькой девочки. Никогда Зарислава не встречала у людей таких холодных бледно-голубых глаз. Их можно было сравнить с небом или с бездонным морем. Смотришь в них, и такое ощущение, что проваливаешься. И ей не по себе

стало, а что говорить про других. К её-то глазам привыкли уже, а вот новенькой достанется. И «СС» ещё издевается, а у девчонки наверняка что — то нехорошее случилось.

— Волкова — на выход! Семьдесят раз отжалась, и если б я не остановил, так бы и отжималась весь вечер.

По залу пронёсся смех ребят, на этот раз тренер их не наказал. Сам был удивлён, Слава сегодня на себя не похожа.

Спорить она не стала, быстро выбежала из зала. И закрывая дверь, услышала:

— Кто хочет выйти за Волковой? Что, желающих нет? Тогда встали по парам и...

Славка побежала в душ, быстро вымылась и бегом помчалась в комнату. Забежав, она увидела всё так же сидевшую на кровати и смотревшую в одну точку новенькую. Славка под села к ней и, посмотрев на отрешённое лицо девочки, наконец, поняла.

— Кто? — спросила она.

Новенькая посмотрела на Славку своими бездонными глазами, полными отчаянья и боли.

— Мама.

И по её щекам побежали солёные слёзы, она уткнулась в грудь Зариславы, её плечи стали трястись от надрывистых рыданий. Новенькая, так же, как и Слава совсем недавно, всхлипывала и плакала. А Славка дала ей немного поплакать, а потом сказала:

— Отпусти.

Новенькая, шмыгая носом, подняла заплаканное лицо и непонимающе посмотрела на Зариславу.

— Маму отпусти, ей тяжело смотреть, как ты плачешь. У меня тоже недавно бабушка умерла. И видишь, я не плачу, душа умершего должна быть свободной, её ничто не должно удерживать на земле.

— Почему?

— Она должна улететь. Чтобы вновь потом родиться.

— А ты откуда об этом знаешь?

— Деда рассказал, хочешь, на каникулах ко мне поедem?

— А мне разрешат?

— А чего им, меньше нас тут будет, им спокойней.

Так, началась дружба двух девочек, потерявших в одно время близких людей. Эта потеря сблизила их, хотя практически у всех детдомовцев никого не было. Почему — то эти две девочки чувствовали боль друг друга.

На осенние каникулы они вместе поехали в деревню. Дед радовался, видя, что Зарислава наконец нашла себе подругу, ибо понимал, что недолго проживёт в этом мире. И не знал, как оставить одну свою кровиночку.

Они сходили на кладбище, положили цветы на могилку Глафиры. Постояли, вспоминая, какая она была любящая и добрая, и ушли со спокойной душой. Вечером, перед тем, как лечь спать, Зарислава спросила у Макара:

— Деда, а почему бабушка умерла?

Макар призадумался, как объяснить ребёнку, что жизнь не вечна. Как сказать так, чтобы, когда он умрёт, не терзала своё маленькое сердечко болью. Чтобы поняла. Хотя поплакать, конечно, нужно, чтобы душу очистить, но вот только бы хватило сил отпустить боль и остановиться. И тогда он встал, пошёл, взял тетрадку, сел за стол, подозвал к себе девчонок и, усадив их рядом с собой, заговорил:

— С рождением человека Бог отмеряет ему определённый отрезок времени жизни на земле. Вот смотрите, например, как эта тетрадь. Мы с Глафирой записывали в неё яркие события, прожитые тобой за каждый год.

Макар взял тетрадь со стола, перевернул первый лист.

— Вот родился человек, первый год жизни — один лист, и на этом листе записывается всё, что сделал и успел человек. А теперь расскажите, как вы думаете, что осваивает ребёнок за первый год жизни? — Он посмотрел сначала на одну девочку, затем на вторую.

— Сидеть учиться, ползать, ходить, — перечислили они.

— Правильно, второй лист — второй год, и на этом листе тоже всё записывается. Первые слова, первые решения. И так, год за годом, у одних получается тетрадь толстая, вся расписанная, а у других тоненькая. То есть не успел человек пожить.

— Так почему тогда так мало?

— Тело наше слабое, вот потому-то душа проживает не одну жизнь, и отмерено ей по — разному. Но как сложатся вместе все её воплощения, впитает она в себя всё самое лучшее, что записано в тетрадках, когда жила. И чем больше доброты и любви в человеке, тем красивее душа. Недаром ведь говорят, глаза — зеркало души. И когда она становится огромной и светлой и не может больше помещаться в человеке — вот тогда она улетает навечно в бесконечные просторы вселенной и становится звездой. Много света — яркая звезда, света поменьше — еле заметная. Вот наша Глафира прожила восемьдесят шесть листочков — годочков. Светлая ей память. А есть такие люди, что не могут наполнить душу светом, и улетает она опять к Отцу молить о прощении грехов.

— А я не знаю, сколько прожила моя мама.

— Не беда, есть кому помнить её на этом белом свете, значит, не будет ей там одиноко. Ну а если вы будете спокойны, то и они будут счастливы.

От слов деда девчушки сидели притихшие, а самое удивительное — ушла та боль, что сжимала их неокрепшие сердца.

— Ну, коль вам всё понятно, тогда марш быстро в кровать.

Зарислава и Алька, смеясь, побежали в спальню. Они разделись и улеглись, дед улыбнулся, его серые глаза лучились любовью и заботой. Старческие руки заботливо поправили одеяло, прошлись по головам девчонок, поцеловав их обеих, он вздохнул:

— Спице, стрекозы.

Его ласковый, спокойный голос окутал девчушек любовью, и старик вышел, выключив свет. Девчонки уснули сразу, и снились им другие миры и незнакомые люди.

Закончились осенние каникулы и девчонки вернулись в детский дом. Василий Александрович как-то подозвал Зариславу и сказал:

— Слава, я хочу предложить тебе заниматься тхэквондо с другим мастером. Его зовут Дунг Куан, он кореец и учил меня самого.

— А почему именно мне?

— Не только тебе, ещё трём ребятам, у вас всех высокий потенциал. Нужно учиться дальше, добиваться побед на соревнованиях. А я как учитель себя исчерпал, не могу вам дать больше. Так что есть время подумать.

— Я согласна. Чего тут думать.

На следующий день они с физруком поехали в спортивную школу. Там их встретил старый узкоглазый старик. Слава немного расстроилась. Да разве такие дряхлые могут преподавать?

Но мысли её оборвались, когда она увидела, как старик стал осматривать мальчишек. Потрогал их мышцы, попросил показать, что они умеют, выставив к ним в пару своих учеников. Двое детдомовских ребят выиграли, и у физрука с губ не сходила довольная улыбка.

Потом подошла очередь Зариславы, она всё это время сидела в сторонке. Дунг Куан удивлённо посмотрел на физрука, но ничего не сказал, а, подойдя к Зариславе, посмотрел ей в глаза и стал обходить её, чуть ухмыляясь.

Она напряглась, её внутреннее чутьё просто визжало, но Зарислава стояла спокойная и отрешённая, разглядывая мальчишек, которые с ухмылкой за ней наблюдали. Славка уловила едва ощутимое движение воздуха и уклонилась от удара в спину. Падая, она перекувыркнулась и встала, всё так же не поворачиваясь к старику. А затем перекувыркнулась на месте и оказалась лицом к нападающему. Тот что — то причмокивал и качал головой, а затем резко кинулся к Зариславе, нанося руками и ногами удары один за другим. Слава едва успевала ставить блоки и отбиваться, чёрный зрачок закрыл янтарную радужку её глаз. Движения стали плавными, а она — похожа на хищника, готового в любую минуту броситься на жертву.

У старика восхищённо блестели глаза, довольная улыбка застыла, будто карнавальная маска. Но всё-таки Слава не могла сравниться с мастером и в итоге оказалась лежащей на матах. Она от досады ударила рукой по мату и встала. Расстроенная, она кусала губу и смотрела на всех из-под нахмуренных бровей.

Старик отошёл с физруком, они о чём-то возбуждённо беседовали, иногда кидая на Зариславу взгляды. Поговорив, Василий Александрович обвёл своих ребят взором, глубоко вздохнул и вышел из зала. Детдомовские ребята поспешили за ним.

Всю дорогу Слава поглядывала на молчаливого, чем — то расстроенного физрука. Приехав в детдом, он распустил ребят, а Зариславе сказал, чтобы шла за ним. Они зашли в спортивный зал, физрук пригласил её присесть на лавку. Потом он некоторое время сидел молча, а затем заговорил.

— Сегодня я думал, что в нашей жизни произойдут большие перемены, но как зачастую бывает, на самом деле всё вышло совершенно наоборот. Ты одна из лучших учениц, которых мне приходилось тренировать. В тебе сочетается многое: скорость, ритм, сила и выдержка. Я думал, когда покажу тебя учителю, он будет осуждать меня за то, что я так долго прятал такой самородок.

— Я знаю, что оказалась недостаточно быстра.

— Дело не в этом, ещё никому не удавалось победить мастера. Всё очень сложно, Зарислава.

Физрук замолчал, ему было тяжело впервые в жизни, обычно он особо не церемонился с ребятами. Если заслуживали наказания — наказывал, если радовали его своими достижениями в борьбе — хвалил. И первый раз в жизни привёл в секцию девчонку, пожалел он тогда её, что ли. Одичалый затравленный ребёнок, такой он тогда её нашёл.

Каким-то внутренним чутьём понял, что из девчонки выйдет толк. Только куда теперь с её умением. Любого из их секции уложит, уступает пока Максиму, да и то ненадолго. И вот как теперь ей всё это объяснить.

Не выдержала молчания Слава.

— Василий Александрович, вы не переживайте, я совсем не расстраиваюсь оттого, что меня не взял в ученицы ваш учитель. Я понимаю, я ведь девчонка.

— Ты всё не так поняла, мне сложно тебе всё это объяснить, боясь не затронуть твою неокрепшую душу. Боюсь, ты разочаруешься.

— Чего?

— Дело в том, что учитель готов взять тебя в свою секцию и поставить в один ряд со своими учениками, но на соревнования он тебя выдвигать не будет. Он сказал, в тебе живёт другой дух.

— Какой дух, я не понимаю?

— В том-то и дело, что и я не знаю, как тебе объяснить.

Физрук встал и стал ходить перед Зариславой, в его движениях проскальзывали нервозность и возбуждение.

— Мастер сказал, донести до тебя смысл того, что ты не вписываешься в образ обычного человека, должен я. Только я не понимаю, как тебе это объяснить, чтобы не обидеть.

— Не волнуйтесь, учитель, меня уже давно трудно чем-либо обидеть. Г оворите как есть.

Василий Александрович посмотрел на отрешённое лицо своей ученицы, в её глаза, в которых промелькнула боль, а затем они стали пустыми и безжизненными.

И тогда физрук собрался с духом и продолжил, сев перед девочкой на корточки.

— Зарислава, тебе ведь не раз говорили, что ты не похожа на людей.

Славка хотела возразить, но физрук перебил:

— погоди, потом будешь говорить! Так вот, я, конечно, немного не так выразился, ты такой же человек, как и всё люди, живущие на планете. И когда вырастешь, станешь очень красивой девушкой, ты и сейчас симпатичная. Только вот цвет твоих глаз очень отличается от обычного. Для меня это не имеет никакого значения, ты как была, так и будешь одной из самых лучших моих учениц. Да только люди не поймут. Сегодня, когда ты вела бой с Дунт Куаном, твой значок практически полностью стал чёрным. Учитель был удивлён и подумал, что ты принимаешь какие — то препараты. Но решил не прекращать, а посмотреть на твоё умение вести бой. И поверь мне, он остался очень доволен, и когда ты лежала, поверженная, на матах, и твой значок изменился, став обычным жёлтым, тогда — то он понял, что ошибался. Только, понимаешь, всех, кто участвует в соревнованиях, тщательно проверяют: и на наличие допинга, и соответствие полу, в общем, всего наизнанку выворачивают. Представь, ты на соревнованиях, и с тобой происходит то же самое, что сегодня у учителя случилось. Твоя победа сразу вызовет много споров и разногласий. Тебя подвергнут экспертизе, а затем, не найдя ничего, будут разбирать по капилляру день за днём, и только для того, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что ты обычный человек. Только вот недовольные останутся всё равно. Те, кто проиграют, будут считать, что ты выиграла бой нечестно. Каждое соревнование будут транслировать на телевидении и описывать в газетах. И поверь, жёлтая пресса вытянет за деньги всю твою подноготную и припишет тебе много того, чего и не было. А ты ведь знаешь, где тебя нашли. Вот и учитель говорит, что в тебе живёт дух хищника, и притом сильного и крупного. Может, это оттого, что тебя кормила волчица. У тебя острый глаз и внутреннее чутьё, несвойственное людям. В древние времена про таких людей на родине учителя ходили страшные легенды. Одни будут тебя возносить как победителя, другие тихо ненавидеть. И твоя сегодняшняя жизнь покажется раем. Пока ты здесь живёшь тихо и мирно, о тебе мало кто знает, ты никому не нужна и не интересна. А вот как только станешь победителем, вот тогда и поймёшь все прелести новой жизни. Пойми

нас с учителем правильно, мы хотим оградить тебя от жестокого и хищного мира. Не знаю, поняла ли ты меня или нет, поверь, я не хотел тебя ничем обидеть.

Василий Александрович замолчал, молчала и Зарислава. Она обдумывала сказанное физруком, вспоминала свою маленькую жизнь и через что постоянно проходила.

«Кличка и та была — волчара поганая. Даже «СС» издевается и если б не директриса то жилось бы совсем туго. Да и соревнования: это постоянные разъезды и тренировки, а на кого я Альку оставлю. Одна Верка чего стоит, так и выслуживается перед «СС». Всё рассказывает: и то, что мы с Алькой спать не легли вовремя, и то, что с урока удрали, и то, что хлеб в кровати ели — вот сволочь! Отдубашу её когда-нибудь точно».

— Василий Александрович, если честно, то мне и ни к чему эти соревнования. А продолжать у вас заниматься я могу?

— Даже больше, — улыбаясь, ответил физрук. — Ты будешь посещать тренировки учителя. Но о соревнованиях забудь! Поверь — это не твоё!

Зарислава улыбнулась.

— Да ну их, эти соревнования, какой от них смысл. Я побегу?

— Иди уже, — вслед убегающей Славке сказал физрук. Он с облегчением вздохнул, молодец девчонка — всё правильно поняла. Порой она такая ершистая, тут вчера шёл по коридору и услышал отборный мат, даже остановился, уж больно голос показался знакомым. Завернул за угол и точно — сидит его Слава на подоконнике и объясняет историю своей подруге. И так красноречиво, что и строители позавидовали бы её повествованию. Физрук, конечно, постоял, покачал головой, давая понять, что всё слышал, а она как ни в чём не бывало смотрит на него своими жёлтыми глазами и не моргает, хоть бы для приличия покраснела. И хотел же с ней поговорить на эту тему, да позабыл, но ничего, будет ещё время.

Физрук взял телефон, хотел побеседовать с учителем, но не стал, лучше привести потом девчонку на тренировку, и всё и так станет понятно.

Славке очень нравилось ездить на тренировки — садиться в автобус, плюхнуться на сиденье и, уткнувшись носом в стекло, смотреть на мелькающие дома, машины, рекламные щиты, предлагающие всё самое лучшее и красивое для живущих на земле людей, и на прохожих, спешащих куда — то. В детдоме всё было однообразно, хотя детей и вывозили на экскурсии или на ёлку в большой концертный зал. Но разве можно это сравнить с такой спокойной ездой.

На тренировках Славка выматывалась по полной программе, приезжала в детдом уже под вечер и садилась за уроки. Учёба давалась легко, поэтому, сделав письменную домашку, девочка быстро складывала учебники. Устное она читала обычно на перемене, зачем два раза время тратить. Только вот у Альки с учёбой была большая проблема, для своего возраста она практически не читала, а считать могла только до десяти. И кто бы у неё ни спрашивал, почему так, молчала и пожимала плечами.

Слава спросила как-то, почему Алька не училась? А та посмотрела на неё и глаза стали почти бесцветными, столько было в них боли. Славка, конечно, поняла, что допустила промах и, хлопнув подругу по плечу, сказала:

— Да не парься, не всем дано. Меня вон вообще дед в лесу нашёл, а если б не это, так я, наверно, и говорить не могла бы, а про писать и считать вообще молчу.

— Как Маугли? — Алькира удивлённо посмотрела на Славку.

— Да никто не знает, как я там оказалась. И фамилию в доме малютки мне поэтому и

дали

— Волкова.

— Так ты ведь говорила, что у тебя мама умерла.

— А знаешь, они ведь мне как родители. Да и объяснять запутанно всё, ладно, пошли выпрашивать булку у поварихи.

Слава быстро окрестила Алькирию — Алькой, и та при упоминании булки улыбнулась.

Алька и Славка были очень разными. Волевою и боевую Славку в детдоме старались не задевать, зная её взрывной характер. Даже когда она была неправа, могла накинуться на подвернувшегося под руку. А вот над тихой и скромной Алькой многие издевались, когда с ней рядом не было Славки. Но как только она приезжала с тренировки, начинала такие разборки с обидчиками, что клочья волос порой летели. Учителя, первое время пытавшиеся обучить Алькирию, в скором времени были разочарованы, а потом и вовсе старались её не спрашивать. И с ней лично стала заниматься директриса.

К шестнадцати годам Альку как прорвало, она слету запоминала всё сказанное учителями и стала одной из лучших учениц. Директриса не знала, как нарадоваться, она старалась ко всем воспитанникам относиться одинаково, но почему-то эта девочка всегда заставляла её сердце сжиматься от щемящей тоски по своим так и не рождённым детям.

На новогодние каникулы девчонки приехали к деду счастливые и весёлые.

«Ах, молодость!» — думал Макар, глядя на хохочущих девчонок, накрывающих стол. Они шушукались и, когда куранты пробили двенадцать, выбежали на улицу и кричали во всё горло:

— Ура! Ура! С Новым годом!

А Макар сидел в доме смотрел на них счастливые лица. «Как же мне не хочется, крохи мои, омрачать вам это счастье, да не в моих силах менять что-либо. Вон Глафира уже приходила, звала, а я как подумаю... ну на кого оставить этих стрекоз малолетних».

Боится, ох как боится он за сердечки неокрепшие, за души ранимые. Сколько лет прошло после смерти Глафиры, а Зарислава так и носит эту боль, хоть и сказала, что отпустила — да только иногда вспыхнет ярко эта боль в её глазах. Держит в себе, с виду и не скажешь, да только разве можно от старика что-то скрыть. Эх, Зарюшка, кровиночка — на кого же тебя оставить, как рассказать, что пора уходить. Настал и его черёд, давно косая стоит и поджидает. Да он вот всё прочь её гонит — противится.

Встал, выпрямился почти столетний дед — погодь ещё немного, не портить радость стрекозам. Сколько той отрады у них в этом детдоме, некому прижать, приголубить, приласкать. Девчонки ввалились в горницу — покрасневшие с мороза и хохочущие.

— Дедуля, родненький, с Новым годом тебя! — Зарислава подбежала, поцеловала деда в колючую щеку. А потом посмотрела с тревогой в его глаза: — Ты чего, деда?

— Да ничего я, Зорюшка, так, вспомнил, годы бегут, вон вы уже какие красавицы. Наверно, и мальчишки заглядываются?

— Да ну тебя, деда, какие мальчишки!

— Ладно, ладно, стрекозы, вы тут празднуйте, а я спать пойду.

Макар согнулся и, еле переставляя ноги, пошёл к себе в спальню.

— Деда, мы музыку включим? Мы не слишком громко.

— Да включайте вы уже свою музыку, танцуйте — Новый год, как-никак.

— Ура! — закричала Славка. — Алька, я совсем забыла, я тебе вот что купила. — Она достала маленький музыкальный диск и, подавая его подруге, возбуждённо заговорила: —

Вот, смотри, здесь собраны хиты лет за пятьдесят.

— Ух ты! — Алька осторожно, боясь дотронуться, словно диск сразу рассыплется в её руках, взяла его. Глаза засияли от счастья, рот расплылся в довольной улыбке. — Славка, — смогла она только и вымолвить.

— Да чего ты им любишься, давай слушать.

Славка выхватила диск из Алькиных рук и вставила в старенький плеер. И они услышали бархатный голос певца. Песня была на иностранном языке.

— Ай! — завизжала Алька. — Я знаю этого певца. Славка, он такой! — Она закатила глаза от восхищения, а затем обхватила Зариславу и стала кружить под звуки песни.

Славка смеялась и кружилась вместе с Алькой.

— Покажешь мне потом, хочу взглянуть на твою первую любовь.

— Не покажу — влюбишься ещё.

— В кого? Он, наверно, уже дедушка, — и они прыснули от смеха, завалились на диван, хохоча. — Нужно будет найти эти песни в компе.

— Ага.

Дальше была песня в исполнении девушки. Они вскочили с дивана и стали танцевать, кривляясь и смеясь друг перед другом. Когда певица стала петь: «О боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына, и я хочу от тебя дочку. И точка, и точка...» Зарислава вдруг посерьёзнела и спросила у Альки:

— Аль, а ты когда-нибудь думала, сколько у тебя будет детей?

— Нет. Я вообще не представляю, как буду жить дальше одна.

— Почему одна? Я ведь с тобой, Аль, ты моя сестрёнка.

Они сели на диван, обнялись и стали слушать следующую грустную песню. Певец исполнял её так, что душа разрывалась от боли: «Не плачь и жди меня домой. я многое стерпел и это мой удел, а значит, я вернусь домой, не плачь.»

— Какая песня, прямо про нас, — грустно сказала Алька.

Славка вскочила и стала танцевать под ритмичную музыку, крича:

— Не плачь, Алька, не плачь...

Дёрнула Альку за руку, и они стали танцевать. Потом послушали современных исполнителей. А когда устали, поплелись спать, довольные и счастливые.

На другой день они встали в три часа дня. Дед истопил печь, наварил грибной суп, и от безделья сидел и ждал, когда его крохи выпяются. Макар столько лет носил в себе тайну, связанную с Зариславой. Так за все эти годы никому и не рассказал, и это давило и угнетало, и перед уходом в мир иной нужно было очистить душу — снять этот груз. Вот только всё боялся, поймёт, примет ли всерьёз стрекоза его исповедь.

Девчонки встали заспанные, но такие счастливые. Умылись, быстро сели за стол и, кривляясь, напевали песни друг перед другом. Наконец, позавтракав и заодно пообедав, они убрали со стола, вымыли посуду и устроились смотреть телевизор. Макар присел рядом.

— Зариславушка, разговор у меня к тебе есть.

— Да, деда — слушаю.

— Зарюшка, разговор серьёзный, хочу тебе рассказать, как нашёл тебя в лесу.

— Так об этом в моём личном деле записано, я его давно выкрала у директрисы и прочитала. Не переживай, деда, я всё знаю.

— Знаешь, да не всё. — Макар вздохнул. — Там написано только то, что я рассказал, а вот что утаил, сейчас хочу тебе поведать. А не дай бог уйду и тайну с собой унесу. Вот

думаю, мало ли в жизни чего может произойти.

— А чего, деда?

— Ох, и как тебе объяснить, если и сам толком не знаю. Ведь столько лет прожил, а на то, что увидел, когда тебя нашёл, так и не сыскал ответа. Так, что давайте выключайте свой концерт, присядьте и послушайте.

Девчонки сидели и внимательно смотрели на старика.

— Дня за четыре до того, как я тебя нашёл, случилось затмение солнца. Первый раз я такое видел, чтоб посреди бела дня ночь настала. Глафира, помню, всё крестилась у иконы, тоже страшно ей было. Вот значит, после этого затмения все те дни я ходил, и на душе как — то беспокойно было, всё в лес меня тянуло. А тогда по телевизору много разного показывали: то про этих драконов, что по озеру плавают... то русалку на берег выкинуло, морда страшная, зубы длинные, острые, прям как у чудища какого — то. А все говорили, что она красавица. то про людей исчезающих. Вот и думал, нагляделся я на всякую чертовщину, вот и мается душа — ан нет. Тянет в лес, хоть что ты делай. Не вытерпел, встал на лыжи и пошёл на охоту. Ну, про то, как волчицу встретил, рассказывать не буду, а вот про то, как она тебя вытащила из своей норы, повторюсь. Вот, значит, вытащила она тебя и смотрит на меня. Я, следовательно, подошёл, хотел уж было тебя на руки взять, да смотрю, шерсть на холке у неё дыбом встала. Обмер я, думаю, сейчас бросится на меня. А она пасть раззявила, клыки показывает — рычит, да вижу, не на меня, морду к земле опустила, а глаза косятся в сторону. Вот и я глянул, а там.

Дед замолчал, даже через столько лет у него слегка тряслись руки от воспоминаний о том дне, и холодные мурашки страха покрыли морщинистую кожу. Найдя в себе силы, он продолжил:

— Вот, значит, поднимаю я голову, смотрю, а там стоит волк. Я даже обомлел от его вида, ростом повыше меня будет. Морда и холка чёрные, а сам весь серой шерстью покрыт, но чуть длиннее, чем у наших волков. Крупный, жилистый, глазища жёлтые, и с таким вниманием он меня рассматривает, будто человек. А я от испуга с места сдвинуться не могу, будто прирос к земле-матушке. Ну, думаю, вот и смертушка моя пришла, а когда он подошёл ко мне, то я уже и с жизнью попрощался. Да только ты так кричишь обиженно, аж душу твой крик рвёт на части. Вот, значит, подходит этот самый волк, ткнулся носом в тебя, поднял морду на меня, а я вижу, слеза бежит у него из глаз, прям как у человека. Посмотрел он на меня, потом на тебя, повернулся и рванул в лес. А ты аж заходишься в плаче. Смотрю, волчица стоит, волчата её повылезли из норы, отпустил страх, не тронул зверь лесной. схватил я тебя и бегом. Да только вот что я тебя скажу, Зариславушка, и прими ты мои слова с умом — простался с тобой тот лесной неведомый зверь. Как будто своё дитё отдавал, оттого и плакал.

— Так почему неведомый, сам ведь сказал, что волк, только больше.

— В том и дело, Зарюшка, зверь тот не с нашей земли — матушки. Нашим зверям далеко до него, таких волков, выше меня ростом, я не встречал, да и не слыхивал о таких. И как гляну в твои глаза, так его сразу и вижу. Вот такие дела, ладушка ты моя. Сказать о таком я не мог даже Фёдору, да и вы молчите. Всё равно не поверят, а ещё посмеются.

Слава сидела задумчивая, в глазах струилась боль, она представляла себе таинственного зверя.

— И куда же он убежал?

— Да кто ж его знает, но выжить в нашем мире ему вряд ли удалось.

При этих словах сердечко Славки сжалось, от щемящей тоски по неизвестному ей зверю. В носу защипало, слёзы подступили к глазам.

— Ты чего, Зарюшка, вот дурень, расстроил тебя, так чего ж слёзы лить по безвестному зверю? А?

— Не знаю, деда, жалко мне его, ой как жалко, — и Славка, уже не сдерживая слёз, расплакалась. А вместе с ней расплакалась и Алька.

— Вот стрекозы, море развели, а ну быстро чайник ставить!

И он, вытерев им обеим носы своей рубахой, развернул и слегка подтолкнул девчонок в сторону печки. Они похлопали немного, но вскоре успокоились и стали расставлять на столе кружки, а Макар сходил в кладовую и принёс банку малинового варенья.

— Натё вам, сладёны, побалуйте вкисненьким.

Девчонки сразу повеселели, но его рассказ сильно их потряс. Было видно, что мыслями они там, в далёком ноябрьском дне, и всё пытаются разгадать тайну большого одинокого волка с жёлтыми глазами, так похожими на глаза Зариславы.

Когда попили чаю и убрали со стола, Алька, посмотрев на деда, сказала:

— А моя мама говорила, что я тоже родилась в день, когда солнце поглотила тьма.

Макар весь напрягся, никогда ещё эта необыкновенная девчушка не рассказывала о себе.

— А издалеча вы с матушкой пожаловали?! — спросил он встревожено, и девочка принялась рассказывать.

Глава 4. Алькирия

Мама не говорила, откуда мы. Я мало что помню из своего детства. Мама держит меня за руку, и мы с ней идём по мокрым улицам. Сильный студёный ветер продувает насквозь моё старенькое пальто. Я съёживаюсь, пытаюсь хоть как — то заслониться от холода. На мне сапоги, местами сильно порванные, и от этого ноги насквозь мокрые. Я устала от вечной ходьбы, моё тело продрогло, но я как будто ничего не замечаю, потому что голод сводит судорогами мой живот. Я смотрела на спешащих куда — то людей, никто из них не обращал на нас никакого внимания. Помню, от отчаянья я схватилась за мамино пальто и со слезами на глазах и мольбой в голосе просила её остановиться. Но её лицо было отрешённым, и она как будто меня не слышала.

Наконец, мы дошли до какого-то полуразрушенного строения. Дверей не было, в рамах выбиты стёкла, ветер гулял по пустым комнатам брошенного дома. Кругом мусор, оборванные обои на стенах и всё тот же ветер, гоняющий сухую коричневую листву по голым грязным доскам. Мама зашла в одну из комнат, где на полу валялся матрас, поверх которого было брошено одеяло и большой плюшевый мишка. Потом я узнала, что им пользовались вместо подушки. Но на тот момент это была моя первая игрушка, с которой можно было поиграть. Вы даже не представляете, как я была счастлива, наконец, прилечь и поспать, пусть даже и на голодный желудок. Рамы в окне давно не было, но, к счастью, оно оказалось заколочено досками и картоном, и поэтому дождь и ветер не задували в маленькую комнатку, ставшую нашим убежищем на некоторое время.

Мы переночевали там первый раз, а утром мама ушла, наказав мне строго — настрого, чтобы я никуда не уходила. Я была послушным ребёнком, да и, если честно, мне никуда совсем не хотелось никуда идти. Большую часть времени я спала, обнявшись с мишкой, забыв о голоде. Мама пришла уже ближе к вечеру, принесла мне горячих котлет и пюре. Они так вкусно пахли, что я до сих пор помню запах жареного мяса и жёлтой, сдобренной маслом толчёной картошки. Но у меня не хватало сил встать, и тогда мама стала меня кормить с ложечки, а сама сидела и смахивала слёзы рукой. Когда она меня накормила, я спросила у неё, а почему у нас нет дома? А она погладила меня по голове и сказала, что у нас нет документов. А если она появится со мной в том здании, где их выдают, то меня заберут и никогда уже не вернут. А она не может меня отдать, потому что безумно любит и умрёт от горя.

— Потерпи, моя малышка, потерпи, — говорила она, — будут и у нас дом и тёплая постель, ещё немного осталось. Вот подкопим денежек немного и уйдём из этого дома, а сейчас поспи, я спою тебе колыбельную.

И я закрывала глаза и слушала её дивный успокаивающий голос. В полуразрушенном доме мы прожили до первых сильных морозов. Мама уходила каждый день и, когда возвращалась, всегда приносила еду, а в один день принесла тёплые вещи. Она положила их на матрас и сказала:

— Пора, Алькирия. Пора нам отсюда уходить. Выследили нас.

— А кто нас выслеживает? — спросила я тогда у неё.

— Очень злые тётки послали за мной сыщика. Я кое — что у них забрала и теперь они хотят это вернуть.

А я спросила:

— А почему ты забрала у них это?

И она ответила:

— Они убили твоего папу.

Больше она не говорила со мной на эту тему. Мы ушли под вечер, а она всю дорогу оглядывалась, и лицо её было встревоженным. Выйдя на дорогу, мама подняла руку. Мимо нас проезжали большие машины, а я закрывала глаза от страха. И хотя мама останавливала большие машины, остановилась обычная маленькая, и водитель спросил маму, куда нам. Мама сказала — в Москву. Дядечка открыл дверь, и мы с мамой сели в машину. После нескольких часов блужданий по городу я уже порядком замёрзла. В машине было тепло, мама разговаривала с водителем, и мне было хорошо и спокойно, я согрелась и уснула. О чём они разговаривали дорогой, я не знаю, но привёз он нас в большой кирпичный дом.

Мужчина завёл нас в дом и попросил подождать, указав на диван. Я сразу села и стала рассматривать висевшие на стенах картины, а мама осталась стоять, она нервно теребила пуговицу на своём стареньком пальто. Через некоторое время к нам вышла красивая женщина. Она мне тогда показалась доброй волшебницей и я, открыв рот, смотрела на неё.

Увидев, как я на неё смотрю, она радушно улыбнулась и сказала маме, что я необычная девочка и очень похожа на неё.

— Вы, наверно, голодны и устали с дороги, пройдёмте со мной на кухню, — добавила она.

Мама сначала стояла в нерешительности, её обувь промокла насквозь и была грязной. А снять её она боялась по той причине, что колготки были стёрты до дыр на пальцах. Я сидела и чувствовала, как у мамы внутри растёт чувство стыда, отчаянья и нерешительности. Мы никогда не были в таких красивых домах, всё это богатство, среди которого мы появились, лишь подчеркнуло нашу с мамой нищенскую жизнь.

Нет, конечно, тогда я ещё ничего не понимала, и поэтому, вскочив с дивана, подошла к женщине и попросила покормить нас тут. Мама подбежала, схватила меня и стала оправдываться, но женщина посмотрела на неё, взяла меня за руку и повела куда-то.

Мы оказались в большой светлой комнате с множеством маленьких шкафчиков и навесных полочек белого цвета. А также там был круглый стол, по бокам которого стояли высокие стулья. Женщина сняла с меня куртку, шапку и посадила за стол. Мама зашла следом, так и не снимая туфель, но женщина совсем не обращала внимания на то, что её белоснежный пол испачкан. Она пригласила маму за стол и поставила перед нами красивые тарелки. Я была очень голодной и неуклюже черпала ложкой горячий бульон и обжигала себе губы. Мама то и дело пыталась меня одёрнуть, но женщина её успокоила, сказав, пусть девочка ест так, как может, её, мол, не смущает такое поведение, если маму это смущает, она может выйти.

Хотя её слова прозвучали строго, как мне тогда показалось, но на маму она смотрела скорее с жалостью и сочувствием, чем с осуждением. После того, как я наелась, она пригласила нас пройти в другую комнату, и когда я туда вошла, то замерла и не могла сдвинуться с места. Никогда и ничего подобного я больше нигде не видела. Вся мебель в комнате была чёрного цвета, на полу лежал круглый тёмно — бордовый ковёр, окна в тон ему закрывали тяжёлые шторы. Стены были покрыты переливающимися обоями с большими красными розами.

Меня посадили на маленький диван, а мама и женщина устроились за столом. Мама достала из кармана кольцо и надела его на палец. Взяв в свои руки ладонь женщины,

закрыла глаза. Когда снова их открыла, мне стало страшно, никогда ещё я не видела у мамы таких глаз. Её зрачки до этого были едва голубыми, а в тот момент они стали практически белыми. Она немигающим взглядом смотрела на женщину, и вскоре глаза её приобрели прежний цвет. И мама стала рассказывать женщине про её прошлую жизнь, и про то, что происходит с ней сейчас. Оказалось, женщина никак не могла забеременеть, и мама ей сказала, что у человека, с которым она сейчас живёт — много других женщин. Женщина закричала и рассердилась на маму. Мама встала, взяв меня за руку, пошла на выход, но открыв дверь, остановилась, повернулась и, смотря в глаза женщине, сказала, что рядом с ней живёт мужчина, который сильно её любит, и если женщина откроет глаза и поймёт кто он, тогда и дети у неё будут.

Дальше мы ушли опять в ночной холод. Я не плакала, я чувствовала, как маме плохо. «Ничего, моя девочка, — говорила она мне, — это плата за предсказания. Вот найдём, где нам переночевать, а потом опять тронемся в путь. Этот чужой мир так много отбирает у меня сил. Но в нём жил твой отец, и я всё вытерплю, лишь бы быть с тобой вместе».

Тогда я ещё не смогла осмыслить все слова мамы, мне было холодно, после увиденной только что красоты мне всё казалось грязным и серым. Мы опять вышли на дорогу, и направились по ней в сторону города. Прошли совсем немного, когда возле нас остановилась машина, и из неё вышел тот же дядечка, что вёз нас до этого. Он подошёл к маме и пригласил её сесть в машину, но мама отказывалась. Тогда он взял меня на руки и посадил на заднее сиденье, и маме ничего не оставалось делать, она тоже села в машину.

Мы ехали по большому городу, со всех сторон нас окружали высокие многоэтажные дома. Все улицы и сверкающие витрины магазинов и рекламных вывесок освещались лампами. Мы ехали долго, и я уже опять задремала, устав смотреть на всё это великолепие. Когда машина остановилась, мужчина вышел и, открыв дверь, взял меня на руки и понёс. Дойдя до входной двери, он вошёл, поднялся на второй этаж, открыл квартиру и зашёл в неё, пригласив маму. Он уложил меня на постель, снял пальто и ботинки, прикрыл меня одеялом. От постельного белья пахло какими — то цветами, в комнате было тепло и тихо. Согревшись, я быстро уснула, а мужчина, передав маме ключи, сказал, что заедет завтра. Об этом я узнала уже утром и всё выпрашивала маму, будем ли мы жить в этой тёплой квартире и в этом большом городе? Мама мне нервно отвечала, что не знает. Заглядывать в будущее она боялась и мы, прижавшись, друг к другу, сидели и ждали дальнейшей участи. Когда прозвенел звонок, мама вздрогнула и пошла открывать, а я сидела притихшая.

Как же я тогда боялась, что сейчас нас выгонят из этой светлой квартиры, но оказалось, что дядя Толик — так звали мужчину, который подобрал нас на дороге, — совсем не думал нас прогонять... С появлением его в нашей жизни мы, наконец, забыли, что такое голод и холод. Он привозил нам продукты, одежду и книги, по которым мама училась читать сама и учила меня, как могла. Так прошло несколько лет, и за это время мама сильно изменилась. Она менялась на глазах, глубокие морщины пролегли на её лице, голубые глаза стали почти белыми и однажды она не смогла встать с кровати. Дядя Толя предлагал ей позвать врача, а она, посмотрев на него грустно, сказала, что ни один врач не сможет уже помочь.

Я сидела возле неё и тогда ещё не представляла, что такое смерть. А она, как будто почувствовав, что скоро умрёт, глядя на меня, произнесла: «Алькирия, я должна тебе кое-что рассказать. А ты дай слово, что никогда не расскажешь никому о том, что я тебе поведаю».

Я кивнула и со слезами на глазах прижалась к ней, мне было очень жаль маму, и я хотела, чтобы она вновь стала самой молодой и здоровой. А она, погладив меня по голове,

стала рассказывать.

— Запомни, доченька, мы с тобой принадлежим другому миру и здесь оказались случайно. Хотя, прожив в этом мире десять лет и узнав людей поближе, можно сказать их словами — случайностей не бывает. Слушай меня внимательно, моя доченька. Нашу землю разделяют двенадцать граней мира. И я родилась во второй грани мира — мире магов. Мои родители, маги с очень слабым потенциалом, жили высоко в горах и занимались разведением овец. Детей у них долго не было, когда им уже было лет по пятьдесят, мама узнала, что беременна. Они были так счастливы и с нетерпением ждали моего появления на свет. Мама, обнимая меня, очень часто говорила, что благодарит богов за то, что они сжалились над ними в тот день и послали на землю природный катаклизм. Рожала мама тяжело, поэтому они с отцом скрывали беременность. Может, предчувствовали, что у них родится необычный ребёнок? В горах в тот день творилось что — то невероятное, ливень, начавшийся с ночи, не прекращался целый день. Вокруг нашего дома бежали потоки воды, на небе то и дело вспыхивали молнии, сопровождавшиеся громовыми раскатами. Ураганный шквальный ветер налетал на наш дом, и родители слышали треск падающих деревьев. Получилось так, что с моим первым криком небо извергло молнию такой силы, что рядом стоящая гора раскололась надвое. От последовавшего за ней грома земля сотряслась. Хвала богам, наш дом устоял, да и ураган за окном к вечеру постепенно стал стихать. Мои родители с такой надеждой и счастьем ждали моего появления на свет, и каково же было их горе, когда я посмотрела на них своими едва голубыми глазами. Ребёнок, рождённый с даром жрицы. Какое сильное горе испытали они тогда и с замиранием сердца ждали появления магов. В том мире первый крик новорождённого сопровождается всплеском магии. И поэтому маги-целители без труда находят новорождённого. Они определяют его дар, и с первых дней жизни назначают школу, в которой он должен учиться. Мои родители, зная свой потенциал, особо не рассчитывали, что ребёнок может родиться сильным магом. Но то, что их дочь будущая жрица, они смогли определить и без всяких целителей. Жрицы рождались очень редко, девочки с бездонными голубыми глазами. Как только маги оповещали о рождении такого дитя, тотчас появлялась верховная жрица Аргадзона и забирала ребёнка к себе, в Шестую грань мира. Там её прислужницы-жрицы заботятся о новорождённых до совершеннолетия. Потому что только в этот день пробуждается истинный дар. Но этого мало, дар должны признать змеи Аргадзона, заключённые в кольцо, которое носит верховная жрица. Родители с замиранием сердца ждали появления целителей, но ни в тот день, ни в последующие они не появились. Это говорило о том, что маги не увидели всплеск энергии. И опять родители благодарили богов за то, что те дали им узнать родительское счастье. Они во мне души не чаяли, их глаза всегда сияли любовью, когда они смотрели на меня. Когда я подросла, стала задавать вопросы, вот тогда они и раскрыли тайну моего рождения. Я тогда мало что понимала и поэтому особо никак не отреагировала на то, что они мне рассказали. Ведь я жила с самыми заботливыми и дорогими мне людьми. Но как говорят, счастье не бывает долгим. В один из дней я заметила, как мамино лицо искривилось от боли, и она схватилась за живот. Я тогда у неё спросила, что с ней происходит. Но она погладила меня по голове, сказала, чтобы я не переживала, и с такой печалью посмотрела на меня, что сердце сжалось от боли. Вечером я слышала, как они с отцом о чём-то долго беседовали, и после их разговора в последующие дни я часто видела потухший отцовский взгляд. Казалось, в нём навечно поселилось отчаянье. Вскоре мама слегла и уже больше не вставала с кровати. Я за ней ухаживала, тогда мне уже было

шестнадцать лет. Я просила отца вызвать целителей, но отец отказался, ссылаясь на то, что поклялся матери не делать этого. Потом, когда мама умерла, я кричала на него и винила в её смерти. Мне было больно, и я не понимала, что он испытывает не меньшую боль, чем я. С уходом мамы в мир иной отец сильно изменился, он мог долго сидеть молча и смотреть вдаль. Горы стали для него всем. Иногда его взгляд сиял от счастья, а иногда его заволакивали тёмные тучи. И ничего уже не могло его радовать, как бы я ни старалась, не отвлекала его от горя, он всё больше замыкался в себе. И через год после маминой смерти он ушёл в горы и больше не вернулся. Могучие горы заманили его к себе и больше не выпустили. В те дни и месяцы одиночества мне казалось, что я одна в этом бесконечно прекрасном, но одновременно таком холодном мире. Но в один из дней, когда я уже практически свыклась со своей судьбой, в дом вошли двое. Без стука. Я тогда готовила и стояла спиной к двери. И когда услышала чужой голос, спрашивающий у «госпожи Дэнер», где её муж, я дёрнулась и резко повернулась. Ложка выпала из моих рук от неожиданности, ведь кроме мамы и папы я никогда не видела других людей. Двое мужчин широко открытыми глазами смотрели на меня. На их лицах читалось изумление и непонимание. А я с не меньшим интересом рассматривала их. Высокие, подтянутые, в синих костюмах, на тот момент они показались мне совершенно одинаковыми и смешными. Помню, я тогда даже подумала: «Какой нелепый тот неизвестный мир. Как же в нём жить, если все на одно лицо», но мои размышления прервал один из вошедших, спросив, что делает жрица Аргадзона во второй параллели мира. Я удивлённо посмотрела на него и ответила, что я не жрица. Я Лангрия, и жила в этом доме с родителями девятнадцать лет. Мама умерла почти два года назад, а папа ушёл в горы и не вернулся. Их изумлённые лица с поднятыми вверх бровями меня позабавили, и я улыбнулась. Видимо, моя улыбка подействовала на них отрезвляюще, они переглянулись, и тот, что стоял ближе к двери улыбнулся как-то нехорошо, сказав, что у меня красивое имя. Второй подтвердил это, и они переглянулись. Я никогда не видела мужчин, кроме отца, но эти двое вызвали во мне какую — то неприязнь. Они переглядывались, и как мне показалось, вели между собой молчаливый разговор. И это мне всё больше не нравилось. Я чувствовала, как внутри меня нарастает страх. Непонятный, наполняющий тревогой и смятением. Один из мужчин сказал, что мне необходимо проследовать с ними и сделал шаг в мою сторону. Но я отказалась покидать свой дом. Тогда они пообещали не причинять мне вреда. Сказали, что хотят помочь, что не должна такая красавица сидеть одна в глуши. И что они переправят меня во Всемирную Службу Контроля мирами, чтобы уже там решали, что со мной будет дальше. «Я никуда не хочу! Слышите! Оставьте меня в покое!» — переходила я на крик и смотрела, как эти двое медленно приближаются ко мне. Я лихорадочно переводила свой взгляд с одного на другого и поняла, что мне не хватает воздуха. Я то и дело открывала рот, но так и не смогла вздохнуть. Страх разросся так, что перекрыл мне дыхание. Когда эти двое подошли ко мне совсем близко и взяли меня за руки, я не выдержала и закричала. Зло и страх, кипевшие внутри, вырвались с моим криком, но вместе с ними вырвалось ещё что-то сильное. Оно подхватило мужчин как пушинки и ударило их о стены. Я увидела их побледневшие лица и струйки крови, стекающие из носа и ушей. Но остановиться уже не могла, страх всколыхнул во мне боль одиночества и отчаянья, и они текли из меня, не останавливаясь. «Не трогайте меня! — продолжала кричать я. — Не трогайте! Не трогайте!» И вскоре мой крик перерос в вой, и я сквозь пелену видела, как стёкла в окнах потрескались и осыпались на пол мелкими осколками. Я не понимала, куда делась крыша, стены и мебель. Не отрывая взора, я видела

лишь, как вековые ели, росшие возле нашего дома, клонятся к земле от ветра, и их твёрдые негнибаемые стволы ломаются как щепки. Не знаю, как долго всё это продолжалось бы, но вокруг стали разгораться яркие вспышки и из них выходили мужчины в белых одеяниях.

Но их приход не принёс маме успокоения, а лишь разжёл бурю горячего, обжигающего страха. В тот момент, по её словам, она мало что понимала, и у неё было лишь единственное желание, чтобы все они исчезли — и всё стало как прежде. Но они не хотели уходить, а взявшись за руки, встали стеной напротив мамы и стали сдерживать разрастающийся ураган.

«Не знаю, сколько бы это всё продолжалось, — говорила мама, — но вскоре в небе появился белый переливающийся сгусток. Меня тогда ещё удивило, как это он удерживается. И не успела я додумать, как из него появились длинные и чёрные раздвоенные языки. Они дрожали, ощупывая пространство вокруг, но неожиданно дёрнулись и исчезли на некоторое время, чтобы вновь появиться, но только теперь вместе с хозяевами. Белая, переливающаяся на солнце чешуя завораживала своей игрой при плавном движении двух огромных змей. Их голубые глаза, напоминающие два сапфира, смотрели на меня с любопытством и волнением. И было в этом взгляде ещё что — то такое, что заставило мой страх успокоиться, а тревогу — рассеяться мелким тёплым дождиком, что полился с неба».

Мама рассказывала, что зачарованно смотрела, как змеи медленно парили над землёй, приближаясь к ней, но ей совершенно не было страшно, она с нетерпением ждала, когда сможет дотронуться до их холодной гладкой кожи. Вскоре их головы застыли перед ней, из их раскрытых пастей вновь показались языки, которые осторожно дотронулись маминых рук.

«Желание потрогать их чешую горело во мне, — продолжила мама, — и я, сделав шаг вперёд, дрожащей рукой коснулась белой и блестящей, твёрдой чешуи... Как вы красивы, с восторгом промолвила я и улыбнулась от счастья. Меня накрыло волной воспоминаний, как чуть больше года назад мне приснился сон, в котором я находилась в изумительном месте, где было белое море из сияющего, переливающегося в лунном свете песка, по которому я шла, то и дело наступая на блестящие сверкающие камни, но совсем не ощущая боли. По обе стороны, как стражи, скользили по песку две белые, чуть больше меня, змеи — призраки. Они повернули головы в мою сторону и смотрели своими холодными и умными голубыми глазами».

От их взглядов мама чувствовала, как внутри неё бурлят восторг и головокружительное счастье. Они привели её к высокой белокаменной горе, и на этом сон прервался. Змеи — призраки опустили на землю свои головы и закрыли глаза от удовольствия, а мама рассказывала, как всё гладила их чешую и восхищалась их красотой.

Но их единение нарушил чей — то стон. Змеи тут же взметнулись ввысь, раскрыв свои чёрные пасти и оголив четыре белых клыка. Они, зависнув над землёй, медленно раскачивались, сверля пространство вмиг ставшими холодными и злыми глазами. Их растопыренные капюшоны, как два белых парусника, ловили ветер, а с ним и посторонние звуки. Уловив, откуда доносился стон, они выгнулись, готовясь к прыжку, но их капюшоны неожиданно сложились, а сами они замерли, смотря на стоящую перед ними молодую девушку.

На первый взгляд, говорила мама, они с ней были очень похожи, но, приглядевшись, она поняла, что всё же совершенно разные. Её голубые глаза не выражали такого леденящего холода. Высокомерный презрительный взгляд, которым эта девушка обвела молчаливых и наклонивших головы мужчин, стоящих с серыми лицами, говорил о её могуществе. Её кожа

была бела и бархатиста, а маленькие ручки — изящные, с длинными тонкими пальцами, на которых красовались необычные кольца с крупными камнями.

Маме почему-то стало стыдно, и она быстро спрятала свои руки за спину, ведь её кожа от постоянной работы и солнца загорела и загорела. Она вздрогнула от яростного крика девушки: «Как вы, жалкие людишки, возомнившие себя великими магами, посмели скрывать жрицу Аргадзона?!» Её лицо перекопилось от злобы, голубые радужки стали совершенно белыми, а леденящий своей чернотой зрачок сузился от гнева так, что едва был виден.

Змеи взмыли вверх и чуть раскачивались в нетерпении, готовые в любую секунду броситься в атаку по приказу хозяйки. Бурлящие в них злоба и нетерпение вспыхивали вокруг маленькими яркими частичками магической энергии, тут же гасли. Но и этого хватало мужчинам, стоящим в белых балахонах. От энергии змей многие из них уже лежали на земле и корчились, рассказывала мама, лишь малая часть, упав на колени, всё ещё пыталась сопротивляться. Мама не знала, что бы стало со всеми ними, если бы не появился один мужчина...

Мама говорила, что сперва она подумала, что он соткался из воздуха. Она, не отрывая глаз, смотрела, как он медленной, уверенной походкой направляется к ней. Он не вызывал у нее страха или неприязни, скорей, наоборот. От мужчины исходила, нет, скорей он был создан из всепоглощающей и подчиняющей всех силы. И эта сила выражалась и в его походке, и в лёгком повороте головы, и в его синих, как холодный океан, глазах. А его спокойный бархатистый голос заставил жрицу вздрогнуть и напрячься.

«Прошу верховную жрицу Аргадзона остановиться и не делать того, что она задумала», — прозвучал его голос.

«Кто вызвал дознавателя?!» — перекопившись от ненависти, прокричала верховная жрица и обвела всех ненавистным взглядом. От ярости зрачки в её глазах совсем исчезли, она смотрела на всех белыми бельмами. Волосы на её голове стали как шевелящийся клубок змей, они приподнимались, извиваясь в медленном танце смерти.

— А кто такой дознаватель? — удивлённо спросила я тогда у мамы.

И мама объяснила, что после она узнала, что дознаватель — это тот, кто разбирается в конфликтах одиннадцати граней миров. Глядя на живое существо, дознаватели проникают в самые сокровенные уголки памяти и мыслей. От их пытливого взгляда невозможно скрыться.

Я подумала, что он тоже маг, но мама сказала, что он Синий дракон. Я тогда замолчала от удивления и всё представляла себе чешуйчатого говорящего ящера.

Мама, увидев мои распахнутые от удивления глаза, погладила меня по голове и, улыбаясь, успокоила, сказав, что драконы очень редко предстают перед жителями миров в своей родной ипостаси, в основном большую часть жизни они выглядят как люди.

Я умоляла ее рассказывать дальше. Вымученная улыбка скользнула по её лицу, и она продолжила. Дальше, сказала она, дознаватель обратился к верховной жрице, спросив, разве ему нужно приглашение? «Сильнейший выброс энергии прошёл не только по одиннадцати мирам, он вызвал немало катаклизмов в первой грани мира, — сказал он. — Хотя до того времени миры никак не влияли на энергию первой грани. Все учёные моего мира вначале насторожились, а потом кинулись на поиски разгадки сего феномена. Вы не представляете, насколько они въедливы и пытливы. Вы не представляете, на что способен их извращённый ум. Вы не представляете.» — повторил дознаватель и замолчал, погружившись в свои мысли.

«Вы, как всегда, правы, — отвечала ему жрица. — Змеи почувствовали мои боль и

страх, и я сама смогла бы во всём разобраться».

«Сомневаюсь, — бросил хмурый взгляд на жрицу дознаватель. — Ярость застила вам глаза, и если бы я не появился, вы бы со своими змеями — призраками наделали здесь немало бед. Могли погибнуть ни в чём не повинные люди — сильнейшие маги. И кто знает, смогли бы вы вовремя остановиться, утихомирить свою безумную ярость и своих бешеных змей?»

И хоть жрица утверждала, что все они виновны в сокрытии маминого рождения, в голосе дознавателя слышалась ирония, он замер и посмотрел на верховную жрицу въедливым пытливым взглядом. Жрица Аргадзона отступила на шаг, на её лице застыло отчаянье, глаза расширились и из них плеснулся страх. Глаза дознавателя сощурились, бурлящий в них океан почернел, а маме казалось, будто они пожирают стоящую с белым, как полотно, лицом верховную жрицу. Но этот пробирающий, поглощающий до самых потаённых частиц души взгляд, длился всего несколько мгновений. Вся холодность, казалось, слетела с дознавателя, когда его глаза широко расширились и наполнились холодным презрением. Он стал медленно подходить к верховной жрице, не спуская с неё своего ледяного взгляда, пронизывающего душу насквозь. Подойдя к ней вплотную, он слегка наклонился к её уху и чуть слышно продолжил: «Жрицы — такие холодные и такие горячие. Вы лишили жизни человека, кинув его в свои высасывающие жизнь пески, только потому, что он вам больше стал не нужен. А можно даже сказать, чтобы... не смог поведать миру о вашем грехе. Да только любовь не грех, а великое чувство. И вы испугались. Слышать каждый учащённый удар своего сердца, изнывать в ожидании и таять в его руках. Всё это было вам так ново и непонятно. Вы метались между любовью и властью. И, конечно, второе победило. Смотреть, как все трепещут и опускают взор лишь от одного вашего взгляда, не это ли высшее наслаждение. Только вы просчитались в одном, даже жрицы несут наказание за свой грех. И если первый грех вы ещё можете как — то обставить, то вот второй, убийство нерожденного ребёнка. нет!»

Верховная жрица дёрнулась, как от хлыста, и посмотрела на дознавателя широко открытыми глазами, в них — как и тогда, когда она узнала, что беременна, — застыл страх, перемешанный с отчаяньем, что её тайна раскрыта.

«Не бойтесь, я не выдам вашу тайну, — продолжил дознаватель, — она сама вас съест. И кто знает, на каком поле вы найдёте успокоение».

И хотя мама стояла на приличном расстоянии от них, но почему — то она слышала каждое слово дознавателя, сказанное верховной жрице. Тогда она мало что поняла из его слов, и только здесь, на земле, сказала она, познав счастье материнства, всё осознала.

«А сейчас, чтобы у вас не осталось сомнений в невинности магов второй параллели мира, я покажу вам прошлое Лангрии!» — крикнул дознаватель, окинув жрицу суровым взглядом, резко повернулся и посмотрел в сторону магов.

Мама удивлённо посмотрела на мужчину, многие выражения и слова оказались для неё внове, но совсем удивительным было то, как он мог узнать её имя. Дальше она замерла, боясь дышать, ибо над раскрытой рукой дознавателя появились первые моменты её жизни.

И она увидела лицо своей матери, искажённое в предродовых схватках, и сверкающие, раздирающие черноту ночи отблески молний за окном. Её первый крик совпал с разрядом такой сильнейшей молнии, что даже земля под ногами слегка затряслась, несмотря на то, что мама и маги смотрели только проекцию прошлого. Дальше они увидели наполненные горем глаза родителей моей матери и слёзы, бегущие по их щекам. Роженица полулежала на

кровати, поникшая и печальная, она кормила младенца грудью и то и дело смотрела в окно, в котором всё реже вспыхивали молнии, а глухие раскаты грома слышались всё тише и дальше. Её муж присел на кровать рядом с ней и, тоже сосредоточившись, посмотрел в окно, его взгляд теплел и наполнялся любовью, но только когда он переводил его на свою семью. Вскоре всех сморил сон.

Они проснулись, когда солнце всю светило в окна. Первым подскочил отец семейства, подойдя к окну, он распахнул створки и замер, не веря, всё ещё не веря в то, что видит. Он повернулся и посмотрел на жену.

— Хвала богам, природа дала нам время побыть с нашей малышкой.

— Ты думаешь, они придут за ней? — прижимая к себе ребёнка, дрожащим от потрясения голосом, спросила женщина.

— Последствия такого сильнейшего урагана придётся разгребать не один день. Пойду, посмотрю, что осталось от нашего стада.

Дальше мелькали дни, похожие друг на друга. И мама рассказала, что увидела, что её постоянно крепко прижимала к себе её мама, передавая на руки отцу, только когда самой необходимо было отлучиться.

— Дальнейшую жизнь Лангрии, я думаю, нет смысла смотреть. — Дознаватель свернул проекцию и, окинув взглядом магов, продолжил: — Маги не увидели всплеска энергии новорождённой из — за бушующего урагана, так как дар у жриц проявляется только в восемнадцать лет. Родители Лангрии на подсознательном уровне не спускали её с рук, не подозревая, что тем самым скрывают слабое энергетическое поле дочери под своим, более сильным. И это длилось пять лет. А дальше ещё интересней — где-то далеко в горах живёт бездетная пара, занимающаяся разведением овец. Маги, следящие за всем живым во второй параллели мира, редко видели магическое поле жриц Аргадзона, и мы не можем винить их за это. Поэтому ауру Лангрии они воспринимали как ауру живого существа — и только. Пора проверить знания магов, находящихся на ответственных постах. Это полное разгильдяйство! — Он окинул суровым взглядом стоящих с опущенными головами мужчин. — К этому вопросу вернёмся потом. К семейной паре, живущей высоко в горах, никто не ходит. Отару овец отец семейства отгоняет на продажу, к подножию горы, два раза в год. Продукты доставляет через портал. Так никто и не узнал о рождении жрицы. Заболев, мать пожертвовала собой, взяв с мужа клятву, что тот не позовёт целителей — лишь бы только никто не узнал о ребёнке. И он пошёл на это, да только не смог перенести смерть жены. Чувство вины сгрызло его, и он ушёл в горы.

— Вы, как всегда, правы. Змеи почувствовали её боль и страх, и я сама смогла бы во всём разобраться, — сказала жрица.

— Сомневаюсь, — бросил на неё хмурый взгляд дознаватель, — ярость застила вам глаза, и если бы я не появился, вы бы со своими змеями — призраками наделали здесь немало бед. Могли погибнуть ни в чём не повинные люди — сильнейшие маги. И кто знает, смогли бы вы вовремя остановиться, утихомирив свою безумную ярость и своих бешеных змей?

— Все они виновны в сокрытии её рождения!

— Жрицы, — в голосе дознавателя слышалась ирония, он замер и посмотрел на верховную жрицу введливый пытливый взглядом.

Жрица Аргадзона отступила на шаг назад, на её лице застыло отчаянье, глаза расширились и утонули в страхе.

Глаза же дознавателя сощурились, бурлящий в них океан почернел, а маме показалось в тот миг, что они как будто пожирают верховную жрицу, стоящую с белым, как полотно, лицом. Но пробирающий до самых потаённых частиц души взгляд длился всего несколько мгновений. Вся холодность, казалось, слетела, когда глаза дознавателя широко расширились и наполнились презрением. Он стал медленно подходить к верховной жрице, не спуская с неё своих снова оледеневших, пронизывающих душу насквозь, глаз.

— Я снимаю с магов ранее выдвинутые обвинения. Только теперь не знаю, что делать с этой девушкой. Совершеннолетие Лангрии уже прошло, а её дар не открылся... — произнесла она.

Жрицу прервал дознаватель:

— Вы так ничего и не поняли. Для великих змей Аргадзона не являются препятствием грани миров. Змеи уже давно разыскали свою жрицу и, приходя к ней во снах, водили её по бескрайним и прекрасным пустыням своего мира. Только это лишь сны, а для перемещений между мирами живым существам нужен перстень, который даёт им верховная жрица Аргадзона.

И говоря это, он не сводил с мамы своих синих пронзительных глаз. В тот момент она совершенно не обратила внимания на его слова. Но всякий раз, рассказывая мне историю своей жизни, только повторяла:

— Пошлите боги ему счастья! Столько времени прошло, но меня не покидает чувство, что он увидел моё будущее и подсказал, как я могу покинуть мир Аргадзона.

Я тяжело вздохнула, нелегко даётся пересказ жизни матери, воспоминания подчас жестоки, но так прекрасны, ведь снова воскрешают мгновения жизни, когда рядом был любимый человек. Помолчав немного, продолжила.

Верховная жрица некоторое время постояла, сверля дознавателя взглядом. С гордо поднятой головой она прошла мимо него, приблизилась к маме и молча взяла её за руку, а потом они очутились в давящем и замкнутом движущемся пространстве.

Мама тогда удивлялась, почему жрица не увидела её будущую жизнь, для меня это тоже до сих пор остаётся загадкой. Может, магическая сила сама закрыла доступ к любому вмешательству в её мир, размышляла мама, смотря на меня глазами, в которых плескалась боль, продолжая свой пересказ. А может, верховная жрица не может видеть будущее других жриц. Но мама запомнила, что когда движение остановилось и они очутились в прекрасном мире, жрица бросила на неё чуть удивлённый и немного растерянный взгляд. Тогда она просто не обратила на это внимания, потому что с замиранием сердца любовалась красотой сказочного мира, в котором оказалась.

Она сразу узнала белые, озарённые тусклым светом луны, бескрайние пустыни из снов. Но вот величественная гора из белого камня наводила на неё страх, перемешанный с восхищением. Хотя она и прожила всю жизнь в горах, но от вида этой возвышенности у мамы захватило дух, ибо самый её пик уходил высоко в небо и терялся в переливающимся тумане. Правда, маме тогда толком не дали рассмотреть всю красоту нового мира.

— Следуй за мной, — с раздражением бросила на ходу верховная жрица и пошла по дорожке, ведущей к горе.

Мама последовала за ней и увидела, как медленно стали распахиваться высокие, поначалу ею не замеченные двери, закрывающие вход в гору. И когда они полностью открылись, она увидела, как оттуда вышли девушки и девочки, похожие цветом глаз и волосами, белыми как пески Аргадзона.

Верховная жрица проследовала мимо них и, не останавливаясь, выкрикнула:

— Займитесь ею, а я отдохну. И чтобы никаких сегодня просящих!

Когда она ушла, девушки обступили маму со всех сторон и защебетали, а так как спрашивали они все разом, то на каждую попытку ответить тут же сыпался ещё один вопрос.

— Вам что сказано! — прервал их щебет злой окрик, и они вмиг притихли и опустили головы.

Оттолкнув двух девушек, перед мамой предстала сгорбленная и тощая старуха. Её белые зрачки с неприязнью рассматривали маму с головы до ног. Она хмурила брови, что — то недовольно бормотала, кривилась и морщилась, вздёргивала свой мясистый нос. Её верхняя губа оттопыривалась и приподнималась, являя кривые, заходящие друг на друга белые зубы.

Но даже её неприязнь не вызвала в маме негатива, потому что на тот момент каждый увиденный ею житель нового мира казался удивительным и неповторимым. Откуда ей тогда было знать, что у некоторых один только вид моей мамы будет вызывать бурю недовольства и ненависти. На тот момент она была взрослым ребёнком, открывающим и познающим этот новый мир.

Улыбка тронула её уста, и это привело старуху в бешенство.

— Ты! — зашипела она. — Что зубы скалишь? Смеёшься надо мной?

Она схватила маму за волосы и дёрнула, мама вскрикнула от боли и возле неё появились две белые змеи. Старуха тут же отбросила руки от волос мамы и оторопело отошла на шаг, не сводя удивлённых узких глаз со змей.

— Этого не может быть. Ты ведь не верховная жрица, — то и дело повторяла она и пятилась назад.

Как только она отошла на приличное расстояние, змеи — призраки ткнулись своими головами под ладошки мамы. Она погладила их по белой и прохладной чешуе, любуясь её переливами, и мысленно поблагодарила. Не знала она, слышали они её или нет, но сразу после этого змеи исчезли, оставив после себя едва заметную белую искрящуюся дымку, которая вскоре растаяла.

Старуха некоторое время молчала, было видно, что появление змей, ставших на защиту мамы, вызвало у неё много вопросов и, не зная пока, что с ними делать, она решила отыграться на молоденьких жрицах.

— Чего рты раззявили!?! Ведите её в храм, да покажите и расскажите всё о нас.

Было видно, что ей не терпится расспросить обо всём у верховной жрицы. И она, больше ничего не говоря, торопливо поковыляла по дорожке ко входу в гору.

Девушки некоторое время с опаской и любопытством смотрели на маму, обдумывая, как им лучше вести себя. И она, видя их нерешительность, вновь улыбнулась. Они сразу осмелели и, уже не страшась появления змей, схватили маму за руки и повели в храм.

Войдя вовнутрь, она замерла от увиденной красоты. Не было в мире ничего удивительнее и прекраснее. Внутренние стены храма были выложены из голубых плит с вкраплением белых сверкающих камней. Камень излучал бледный свет, который заполнял все кельи и длинные коридоры храма. Маму провели в маленькую комнатку, единственным убранством в ней был топчан, поверх которого лежал туго набитый матрас. Мама не увидела одеяла и подушек, покрутилась, осматривая маленькое пространство в поисках необходимых для жизни вещей, и не найдя ничего, удивлённо посмотрела на девушек. Они вначале не поняли, что её не устраивает, а когда она объяснила, рассказали, что все блага должна получать верховная жрица, а они лишь её прислужницы. Мама пока ничего не понимала, и

девушки посоветовали ей отдохнуть и поспешили уйти, сославшись на то, что у них много других обязанностей.

Когда они ушли, мама присела на лежак и по привычке повернула голову в сторону, где в её старом доме было окно. Но её взгляд натолкнулся на голубые стены кельи. На неё разом навалилась тоска по родному краю и родителям. Она прилегла, поджав ноги, закрыла глаза и, как ни странно, уснула.

На следующее утро её разбудили. Хотя сложно сказать, было ли это утро, от монотонного сияния голубого камня вокруг маме казалось, что время остановилось и замерло на каком — то одном мгновении. Девушку, разбудившую маму, звали Мин, она вначале чуть с опаской посматривала на новую жрицу, но вскоре её страхи улетучились, и она без умолку стала рассказывать, чем жрицы занимаются весь день. Вначале Мин показала маме множество комнат, в которых оказалось всё необходимое для жизни. В одной из них в стенах были сделаны ниши, и в них лежала одежда. Подойдя к нише, где лежали платья, жрица взяла верхнее и подала его маме со словами:

— Здесь находится вся необходимая нам одежда. Каждое утро мы приходим и берём себе тунику, а потом отправляемся в купальню.

Она вышла из гардеробной и направилась в комнату, расположенную рядом. Мама следовала за ней, но на пороге замерла от восхищения. Синева вод озера, расположенного в небольшой пещере, околдовывала. Мама даже представить не могла, что в холодных и однообразных каменных стенах может скрываться живой и тёплый источник жизни.

Я тогда спросила у мамы: «Почему же стены там холодные и однообразные? Ты говорила, что там очень красиво».

Она, вздохнув, отвечала, что красота храма завораживает лишь вначале, а затем приходит понимание, что ты находишься в ледяной бесчувственной ловушке. Стены давят на тебя своим холодным однотонным мерцанием. И как бы ни был красив мир шестой параллели мира, душа с каждым днём всё больше рвалась в родные края. Внутри разрасталась грусть и тягучая тоска по родному миру. Как же маме не хватало рассветов и закатов, ветра, играющего с листвой деревьев, пьянящего запаха трав и звука дождя. Лишь ночное звёздное небо утешало ненадолго её тоску.

В один из вечеров, когда жрицы ушли в свои кельи, она не выдержала и пошла к главным дверям храма. Попытка их открыть не увенчалась успехом и тогда мама призвала змей. Они появились по обе стороны от неё и не сразу поняли, почему она хочет выйти из храма. И тогда она передала им всю свою боль одиночества, отчаянья и тоски. Её глаза с мольбой смотрели на них, а по щекам текли слёзы.

— Прощу вас, — прошептала она, и столько в голосе было отчаянья, что они разом ударили хвостами о дверь, и она открылась. Мама выбежала на дорожку и вдохнула полной грудью воздух, закрыв глаза и от наслаждения раскинув руки в стороны.

Свобода, такая сладкая и такая огромная: как океан ночного неба, как вольный ветер, ударяющий в лицо, как полёт орла высоко в небе. Всё это она почувствовала всего лишь с одним вздохом. Не знала она, сколько так простояла, и очнулась, только когда змеи — призраки ткнулись в неё своими головами.

— Спасибо за маленький кусочек счастья, — погладив их по головам, мама села на дорожку и стала любоваться звёздным небом. Мерцание звёзд успокаивало и навевало воспоминания о родном мире. С такими же сияющими звёздами, которые иногда падали где-то далеко или совсем рядом, оставляя после себя алый предсмертный свет стгорания.

Насладившись ночной красотой, мама ушла к себе в келью и впервые за последнее время уснула сладким сном.

Конечно, верховная жрица узнала об инциденте и призвала к себе старую Кияну. Они долго обсуждали, как поступить с мамой, но впервые не знали, какую меру наказания применить, да и можно ли наказать новую жрицу. Они прекрасно знали, что на любую её боль змеи-призраки раскрывали свои капюшоны.

Верховную жрицу очень всё это злило. Все их разговоры передавала маме Мин, она была от природы очень любопытна и частенько, спрятавшись в тронном зале верховной жрицы и затаив дыхание, подслушивала. А потом бежала к маме и всё рассказывала.

Вот и на этот раз она тихонько прошла в келью мамы и, сев на краешек лежака, вначале помолчала, а потом спросила:

— А правда, что твои родители не сообщили магам, когда ты родилась?

— Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Верховная жрица узнала о том, что ты ночью выходишь из храма и любишь звёздным небом, и обсуждала это с Кияной. Они говорят, что ты уже никогда не сможешь принадлежать Аргадзону, потому что с рождения жила в другой параллели и тебя всё время будет тянуть туда.

— Да, это всё — правда. И я действительно очень скучаю по горам, деревьям, голубому небу и солнцу.

— Солнце, небо, деревья — очень много непонятных слов, — ответила она тогда.

И мама поняла, почему новорожденных жриц сразу забирают. Чтобы они не знали другого мира, кроме Аргадзона, и не скучали по родному дому и миру, в котором родились. Только как объяснить это Мин, она не знала. Очень сложно оказалось описать мир, где она жила, девушке, которая никогда ничего подобного не видела. И мама не стала ничего рассказывать, чтобы не навредить, пусть Мин любит тот дом и мир, в котором выросла.

Узнав, что верховная жрица знает о ночных вылазках, мама больше не боялась быть пойманной и наказанной за непослушание. Наверное, жрицы решили, что будет лучше, если оставить маму в покое. Так и потекла её жизнь — днём она, как и все жрицы, помогала прислуживать в храме, а когда все расходились по своим кельям, бежала из храма к ночному небу.

В один из таких вечеров мама засиделась чуть дольше, любуясь ночным звездопадом. Неожиданно возле неё засиял и открылся портал и из него выпал мужчина, весь в крови и без сознания, и в руке он сжимал что — то блестящее.

Глава 5. Отец Алькирии

Портал закрылся, а мужчина так и продолжал лежать, не подавая никаких признаков жизни. Мама осторожно подошла, убрала волосы с его лица и раскрыла ладонь напротив его сердца. Оно отдавалось очень тихо и глухо. «Жив», — подумала мама, и сердце её затрепетало от радости. Вот только жив он совсем ненадолго, поняла мама. Если мужчина проник сюда ради пустынных алмазов, то верховная жрица, не задумываясь, отправит его за ними. И смотреть, как пески пожирают израненного мужчину, маме не хотелось. Но что-то подсказывало, что он пришёл не за алмазами, а с ним случилась беда. Только разобраться верховная жрица не будет, в последнее время всё, что касалось мамы, вызывало в ней бурю ненависти.

Как же быть? Мама металась по дорожке, ведущей в храм, и обратно до умирающего мужчины. Нужно спрятать его от жрицы. Но как и где? Да и переместиться можно только с помощью портала. Сколько тогда было вопросов, терзающих маму, но неожиданно она нашла выход. Вспомнила слова дознавателя о том, что перемещаться в порталах можно с помощью кольца верховной жрицы. Кольцо она каждый вечер снимала с пальца и клала в чашу. Оно отнимало много жизненных сил и выедало немало доброго и светлого внутри того, кто его носил. Мама долго не раздумывала, в ней разгоралось желание спасти умирающего. Мама тогда мало думала о последствиях.

Она побежала в храм и выкрала кольцо, принадлежащее не только верховной жрице, а ещё и всему миру Аргадзона. Присев рядом с мужчиной, она приподняла его голову и растерялась. Ведь она тогда мало знала о порталах, да и вид истекающего кровью мужчины не предвещал ничего хорошего. Может, это энергия портала так его раздавила? Тогда мама ещё не поняла, что это было первое её предсказание.

«Потом будут и другие» — сказала она мне и погладила по голове.

Дальше мама продолжила рассказ о своей жизни.

«Я, — сказала она, — загадала соседнюю седьмую грань мира — мир гномов. Маленькие люди немного уродливые, но очень жадные и злые, и как мне их уговаривать приютить у себя раненого, я пока не знала. Но к счастью, мне не пришлось с ними особо долго торговаться, они запросили всего лишь пустынных алмазов для своих ювелирных украшений. Безусловно, они были напуганы моим появлением и не хотели меня принимать в своём мире, но вид кольца на моём пальце, скорей всего, поубавил их боевой пыл. А тем более, когда так щедро платят, можно и не расспрашивать ни о чём».

Они помогли маме перенести раненого в один из домов и уложили на кровать. Дом, сильно напоминающий родительский, вызвал в маме всплеск горьких воспоминаний. Высота потолков была низковата для неё, но она не обращала внимания на все эти неудобства. Она не сводила с раненого глаз и впервые расплакалась, так как не знала, что делать дальше. Но, вероятней всего, дар целителя решил в тот момент проявиться. Мама присела возле раненого и стала водить над его телом рукой, останавливаясь подольше над переломанными костями и разорванными кровотокающими ранами. Вскоре мужчина задышал спокойнее, ушла с лица бледность, и мама, сидя рядом с ним, ощутила волну облегчения и радости.

Мужчина пока не открыл глаза, но мама знала, что он спит. Теперь ему нужно время, чтобы восстановились силы. Она не знала, когда он очнётся, да и нужно было отправляться в

Аргадзон, чтобы вернуть кольцо. Договорившись с гномами о присмотре за мужчиной, мама переместилась. Положив на место перстень, отправилась к себе в келью. И пока лежала, представила картины одну хуже другой: то у мужчины вновь открываются раны, и он истекает кровью, то его убивают жадные звери, то его переносят в Аргадзон и признаются во всём верховной жрице.

Вымученная, мама, наконец, уснула и проснулась только к обедне, проспав заутреннюю и оставшись без завтрака. Но ей было не до этого, все мысли были в седьмой грани мира и страхе о раненом. Гномы — не предадут ли они? Единственный вопрос весь день не выходил из головы. Но они опасаются верховную жрицу... может, это поможет?

Товар им доставляют через единственный портал, расположенный на дорожке, ведущей к горе. В этом портале ждут приглашения просящие — те, кто не знает, как лучше решить ту или иную проблему, просит предсказания у верховной жрицы. За товар из других параллелей мира сёстры расплачиваются песчаными алмазами. Но чаще просто забирают его, не отдавая ничего взамен, и спорить со жрицами пока никто не решился. Любое слово тут же обернётся смертью. Поэтому гномы, поторговавшись для приличия, согласились и приютили у себя человека.

Для мамы и для них самих было большой загадкой, как человек смог проникнуть в шестую параллель мира. До этого, конечно, случались проникновения, но только в мир магов и русалок.

Мама с нетерпением ждала ночи. За какую бы работу она ни бралась, всё валилось из рук. Кияна что-то ворчала, глядя на маму, но даже её ворчание никак не действовало.

И вот наступил долгожданный момент, когда все разбрелись по своим кельям. Ушла и мама. Устроившись на лежаке, она прислушивалась к шорохам и звукам, разносящимся по храму. Наконец все звуки стихли, и один-единственный шум, доносившийся до мамы, был храп Кияны, и она, впервые за всё время пребывания в храме, была рада ему.

Она осторожно встала и пробралась в зал верховной жрицы, вновь выкрала ее кольцо. Прижав его к груди, бежала, ничего не замечая, к главному выходу и, открыв дверь, выскочила из храма. Добежав до портала, заскочила в него и сразу представила седьмую параллель мира. Через несколько мгновений оказалась в нужном месте и понеслась к знакомому дому.

Рванув дверь, мама заскочила в комнату и замерла, её глаза медленно привыкали к полумраку, царившему в доме. Когда резь в глазах прошла, мама осторожно приблизилась к мужчине, лежащему на кровати, и дотронулась до его руки. Вздых облегчения вырвался из груди, рука была горячей. Мама перевернула её, очень захотелось ощутить человеческое тепло. Она потрогала грубую шершавую кожу на пальцах у мужчины и улыбнулась. Но тут же вздрогнула от голоса, разрезавшего тишину в доме.

— Как ты прекрасна, словно фея из сказки.

Мама смугилась от его слов и оттого, что он видел, как она любит его руками.

— Кто ты, прекрасная дева? — спросил незнакомец, а мама подняла голову и встретила с его глазами.

Она тонула в их синеве, погружаясь всё глубже и забывая о том, что нужно дышать, забыв обо всём на свете. Он тоже смотрел, не отрывая глаз. Сколько времени это длилось, мама не знала, казалось, время остановилось, и если б не сильно хлопнувшая дверь, они бы так и сидели.

Вошедшим был гном, маленький, с длинной чёрной бородой и холодным злым

взглядом.

— Камни, — сказал он и протянул руку.

Мама подала ему узелок с драгоценными камнями, собранными в Аргадзоне. Он развернул узелок и сосчитал камни, рука его слегка тряслась, когда он подносил песчаный алмаз к светящемуся камню, стоявшему на столе, и рассматривал игру бликов на гранях. Проверив все алмазы, он ушёл, хлопнув дверью.

Мужчина тяжело вздохнул и закрыл глаза.

— А я-то уже подумал, что ты и правда живая, а ты всего лишь сон. Самый прекрасный сон, который я видел в своей жизни.

Мама улыбнулась и погладила его руку. Он дёрнулся от прикосновения и, привстав и опираясь на руки, посмотрел на неё расширенными глазами, в которых застыли страх и неверие.

— Я не сон.

У мамы не сходила с лица улыбка, сердце пело, а душа трепетала от счастья.

Он молчал некоторое время.

— А этот с бородой, кто такой?

— Гном, — удивилась мама тому, что незнакомец спрашивает о гномах.

— Гном, — изумлённо проговорил он и, вздыхая, лёг на подушку. Лицо его сразу осунулось, и он замер, смотря в потолок пустым печальным взглядом.

Мама обеспокоилась и стала водить рукой над его телом, проверяя, не открылось ли снова внутреннее кровотечение. Мужчина практически полностью выздоровел, остались небольшие трещины на некоторых костях. Чуть больше времени уйдёт на пополнение организма кровью. Была сильная кровопотеря, но говорить о том, что он был на грани смерти, мама не стала.

— Завтра ты сможешь уже встать на ноги, — улыбалась она, вновь смотря в его синие глаза.

— Ты из какого мира?

Мужчина нахмурил брови:

— Как это?!

Было видно, что его очень озадачил вопрос, а мама подумала, что, возможно, от пережитого он ещё не понимает, где находится.

— Я жила во второй грани мира, а сейчас в Аргадзоне, там ты и выпал из портала. Не оставить тебя там я не могла, верховная жрица убила бы тебя, конечно, если бы ты дожил до утра. И я тебя спрятала в седьмой грани мира. У тебя в руках было зажато вот это... — Мама встала, подошла к столу и взяла искорёженную и местами оплавленную золотую пластину с изображением человека, но с головой птицы с длинным загнутым клювом.

Он осторожно взял пластину и долго рассматривал её, потом его рука опустилась и, зажмурив глаза, мужчина со всей силы потёр виски и лицо.

— Я археолог, мы занимались раскопками в Египте и наткнулись на погребённый в песках большой город. Освобождая от песка песчаную кладку, мы всё больше утверждались во мнении, что город засыпало за несколько часов. Может, эта была одна из самых зверских и страшных песчаных бурь за все тысячелетия, ибо до этого ничего подобного никто не находил. Мы обнаруживали скелеты людей, детей и животных в тех местах, где они нашли свою смерть. Работали мы по одному, слишком обширным оказалось место погребения, а находки, которые мы откапывали, были в идеальном состоянии и имели большую

историческую ценность. Душа у меня пела от азарта, ведь впервые за двадцать лет моей работы археологом мне посчастливилось побывать на таких раскопках. Мы порой забывали о еде и возвращались в лагерь, когда солнце опускалось за горизонт. В тот день я поднял голову и посмотрел на закат. Махнув напоследок кистью по песку, увидел яркую вспышку и прикрыл глаза рукой от кольнувшей в них боли. Постоял немного, чтобы жёлтые круги исчезли, вновь открыл глаза и стал всматриваться в песок. К счастью, солнце ещё больше опустилось, и на мою находку падала тень от освободившейся от песка стены какого-то храма или дома — пока было непонятно. С особой осторожностью я стал счищать кистью песок и вскоре моему взору предстал скелет мужчины, на его груди лежал амулет. Такая находка бывает один раз в жизни. Осторожно я взял амулет в руки, и вновь меня озарила яркая вспышка света, только на этот раз я почувствовал, что лечу, и вокруг меня сгущается энергия. Запомнил только, что чем больше эта энергия ломала мне кости, тем сильнее я сжимал в руке найденный мною амулет.

— Значит, ты маг?

Маг?

Мужчина улыбнулся, его глаза заблестели от веселья.

— Маги существуют только в сказках. Я человек, живу на планете Земля.

— Мы все живём на этой планете. Маги живут во второй грани мира, и мои родители тоже были магами. Мама была целительница и передала мне свой дар перед смертью. Я тебя вылечила благодаря этому дару.

Мужчина продолжал улыбаться.

— Значит, ты маг?

— Нет. Я жрица Аргадзона и живу в шестой грани мира.

Улыбка медленно спала с его лица.

— Жрица?

— Да, — ответила мама и, отведя взгляд, вздохнула.

— Тогда давай знакомиться, прекрасная жрица Аргадзона, я Лев.

Мама вскинула голову и удивлённо посмотрела на мужчину.

— Лев, — промолвила она его имя. — И всё?

Он улыбнулся ещё шире.

— Нет, Г ромов Лев Александрович.

Его глаза ещё больше сощурились, но даже через узкие щёлочки было видно, как они искрятся от веселья.

— А я — Лангрия, — тихо произнесла своё имя мама.

Улыбка медленно сползала с его лица.

— Лангрия, — произнёс он и замолчал на некоторое время, — имя для восхитительной и прекрасной богини.

Мама почувствовала, как щёки горят от его взгляда и слов. Потупив взор, улыбнулась. А он взял её руку и поднёс к своим губам.

— Ты становишься ещё прекраснее, когда смущаешься, Лангрия.

Он вновь прошептал её имя и прикрыл глаза, положив мамину руку к себе на сердце, закрыв своей большой ладонью. Его грудь поднималась и опускалась от тяжёлого дыхания, постепенно оно выровнялось, а мама поняла, что он уснул. Осторожно высвободив свою руку, она нехотя приподнялась с его кровати. Её сердце учащённо стучало от пережитого, уходить совсем не хотелось, но она поняла, что пора.

Повернув перстень, перенеслась в Аргадзон. Положив кольцо назад в чашу, тихонько прокралась к себе в келью и на своей лежанке вспоминала прикосновения Льва и разговор с ним.

Время не замечаешь, когда любишь, оно стремительно бежит вперёд. Теперь мама не просто мечтала о ночах, её сердце трепетало от любви, всеми мыслями она была рядом с отцом. Он с не меньшим содроганием встречал маму и сжимал в своих сильных руках. Каждая ночь уносила их в мир любви и счастья. Они потерялись во времени, растворились в глазах друг друга. Но мамины глаза и мечтательная улыбка выдали её.

В одну из ночей за ней проследили, но сделали вид, что ничего не было. И когда на следующую ночь мама, взяв кольцо, вышла из храма, то увидела на дорожке, ведущей к порталу, верховную жрицу и Кирьяну, державшую верёвку, которая была обмотана вокруг рук Льва. Он не замечал никого вокруг, его наполненные алчностью глаза блуждали по переливающимся пескам Аргадзона. Хохоча, с искажённым от ненависти лицом, Кирьяна размотала верёвку, и мамин любимый пошёл по сверкающим белым пескам.

Его ноги тонули в бархане, он падал, поднимался с колен, сгребал руками песок и безумным взглядом смотрел, как он медленно стекает сквозь пальцы, а на его ладонях остаются сверкающие алмазы. Он удалялся, а мама смотрела ему в спину и видела, как его тело начинает распадаться на молекулы.

Шестую грань мира окатил крик боли. Перед смертью Лев повернулся, мама увидела его искажённое от муки лицо и стекающие по щекам кровавые слёзы, глаза, полные любви.

— Лангрия, — услышала сорвавшийся с его перекошенных от боли губ шёпот.

Её сердце покрылось льдом, когда над мёртвыми песками Аргадзона — там, где недавно был мой отец, осталась едва заметная дымка, но и она вскоре исчезла.

Мама долго стояла и смотрела, в её глазах угасал свет, и как ей тогда казалось — навеки. Но она ошибалась, как она тогда ошибалась.

«Твой отец подарил мне самое дорогое, что есть у меня сегодня — тебя», — сказала мама. Но пора рассказать, как она попала на Землю, в наш мир.

Глава 6. Первая грань мира

Мама говорила, что верховная жрица так ликовала, что даже не забрала кольцо. А мама, простояв какое-то время, глядя на гору Аргадзон и сверкающие пески с кипящей болью в глазах, поняла, что не сможет жить в мире, где убили её любимого. И тогда решила отправиться туда, где жил мой папа. Но как она потом говорила, это было слишком поспешное решение. Люди порой были ещё более жестокими, чем верховная жрица, да и она стала такой только потому, что змеи вытягивали из неё всё самое светлое, оставив взамен злобу и коварство.

Первое время мама была так сильно поражена местом, куда попала, что внятно не смогла объяснить, откуда она. А когда говорила, что она жрица и прибыла из шестой грани мира, все удивлённо смотрели на неё. Вскоре маму поместили в двухэтажный дом, где были мужчины и женщины странного поведения.

Как-то она услышала разговор двух медсестёр о ней.

— Бедняжка, понимает ли, что ждёт ребёнка?

— Да, где ей, жрицей себя величает.

— А куда ж ребёночка, когда родит?

— А то ты не знаешь, в дом малютки. Только вот кто ж усыновит малыша от сумасшедшей.

Мама рассказывала, что в тот момент, когда она узнала, что носит под сердцем дитя, был для неё самым счастливым. Но переосмыслив сказанное медсёстрами, поняла, что нужно бежать. Только куда?

Возвращаться в Аргадзон она не решилась, помня, как жрицы поступили с папой, мир магов тоже её пугал.

В одну из ночей она сбежала, нашла на улице оставленные возле баков вещи и поспешила побыстрее покинуть неизвестный ей город. Ей приходилось очень трудно, беременной, в неизвестном мире с чуждыми нравами и обычаями. Она шла по дороге и возле неё остановилась машина, сидевший в ней мужчина предложил подвезти. Сначала мама боялась неизвестного механизма, но поняв, что своим поведением только привлечёт к себе ещё больше внимания, села в машину и ехала молча всю дорогу.

Когда они проезжали мимо какой — то деревни, она попросила остановиться. Ей понравились невысокие дома и спокойствие, что окружало их. Выйдя из машины, она побрела вдоль невысокого забора и наткнулась на стоящую у калитки женщину.

На голове у женщины был повязан ярко-разноцветный платок, одета она была в яркий, синего цвета халат. Она осмотрела маму с ног до головы, задержала свои карие глаза на округлившемся животе.

— Из какой дали путь держишь, красавица?

Мама махнула в сторону, из которой приехала.

— А почему одна ходишь в таком положении?

Мама пожалала плечами и заплакала от бессилия и незнания, что дальше делать и как жить. Женщина всплеснула руками и запричитала:

— Ты чего, девонька? Чего слёзы теперь лить, раз уже всё случилось. Не плачь, ребёночка не тревожь, ему тоже нелегко. Пойдём ко мне, отдохнёшь, в баньке помоешься и всё расскажешь.

Женщина обхватила маму, поддерживая за руки, и повела к себе в дом.

Мама говорила, что это были самые счастливые дни в её жизни. Женщина напоминала её маму. И самым странным было, что мама не чувствовала себя чужой в незнакомом доме. Было такое чувство, что она вновь оказалась дома.

Женщину звали Нина Михайловна, она оказалась добрым и отзывчивым человеком. Она не вызвала полицию, когда мама ей рассказала о своих скитаниях, а подошла к какой — то панели и включив её, пробежала пальцами по чёрным клавишам с неизвестными буквами, шепча:

— Громов Лев Александрович — археолог.

Вскоре на экране высветилось лицо моего папы. Мама вскрикнула и прикрыла рот от волнения, а затем трясущейся рукой прикоснулась к экрану и по её щекам потекли слёзы. Она разрыдалась, и тогда Нина Михайловна выключила панель. Потом мама узнала, что это компьютер и в нём содержится информация о многих живущих на планете людях. Когда мама успокоилась, она попросила опять показать ей папу, но Нина Михайловна возразила:

— Для ребёночка вредно, вот успокойся, и тогда ещё раз вместе посмотрим и почитаем. На следующий день тётя Нина включила комп и прочитала:

— Громов Лев Александрович, 1989 года рождения, археолог — исчез при странных обстоятельствах на всемирно известных раскопках случайно обнаруженного города Тота, названного так в честь божества Тот. До сих пор каких-либо сведений о Льве Александровиче нет. Нет и свидетелей, которые смогли бы пролить свет на таинственное исчезновение известного археолога. Вот значит как, пропал. Видать, всё, что ты рассказала — правда. Да и где же той правде не быть, в одни глаза твои посмотришь и сразу понимаешь — не от мира сего ты, — высказала свои мысли тётя Нина, а для себя решила на всякий случай спрятать маму у своей старшей сестры Надежды, живущей в пяти километрах, в деревне из семи домов.

На следующий день, взяв лошадь у соседа, она посадила маму в телегу и увезла подальше от городской суеты. Тётя Надя была удивлена неожиданному визиту, но приняла маму добродушно и всё суетилась, накрывая на стол. Мамины глаза всегда светились радостью, когда она вспоминала, как Нина Михайловна рассказывала своей сестре о ней, и как та то и дело качала головой и прикладывала руки к сердцу, охая и причитая.

После того, как тётя Нина уехала, мама осталась жить в стареньком доме с тётей Надей. Но прожила недолго, по телевизору показали сбежавшую из психбольницы опасную для окружающих больную. Сосед Нины Михайловны видел маму, когда она садилась в повозку, и доложил властям. Вечером раздался стук в дверь. Мама вздрогнула, и её сердце застучало в предчувствии беды. Тётя Надя, встав из — за стола, пошла и скинула крючок с двери, грубо её оттолкнув, в комнату вошёл полноватый мужчина. Он всё время кривил рот и, прижимая губы к зубам, пропускал воздух, издавая при этом цыркающие звуки. Мужчина нагло подошёл к столу и взял без спросу пирожок, быстро запустил его в рот и стал жевать, оглядывая комнату быстрым хищным взглядом. Не найдя для себя ничего интересного, он переключился на маму:

— Так, так, а вот и беглая, — дожёвывая пирожок, промышчал он и, посмотрев на тётю Надю, продолжил: — Скрываем?

Тётя Надя, окинув мужчину пустым взглядом, села снова за стол и стала пить чай.

Я никого не скрываю.

— А вот эту особо опасную особу.

— Особо опасного я в ней ничего не заметила.

— Так ведь по телевизору показывали.

— А у меня, как видишь, телевизора, нет. Новости не слушаю, что творится в мире — не знаю. Больно в грязи погряз весь этот мир — так что и смотреть не хочется!

— Ты давай не умничай! Укрывала? Укрывала, — сам задал вопрос и на него же ответил мужчина, — так что вы с сестрой теперь соучастники преступления.

— И какого? Позволь у тебя спросить!

— Сокрытия.

— Ну, это законом не наказывается. Не дураки, жизнь прожили, знаем.

— Законом, может, и не наказывается, а вот мной даже очень.

— И как, позволь тебя спросить?

— А вот как.

Мужчина подошёл к тётё Наде и, схватив её за волосы, натянул их, повернув её голову к себе, и нагнувшись над ней, прошептал, смотря в искажённое от боли лицо:

— Не потерплю у себя на участке строптивных старух, — отшвырнув её от себя, повернулся к маме и, прищутив злобные глаза, прошипел: — А ты даже беременная ничего такая — аппетитная, худенькая.

— Беги, Лангрия, беги! — крикнула тётя Надя и бросилась на ничего не ожидающего мужчину.

Мама помчалась, она успела добежать до леса, когда услышала нагоняющие её тяжёлые шаги и взволнованное дыхание. Мама сама задыхалась, да и бежать на девятом месяце оказалось совсем непросто. Она развернулась и замерла в страхе, её сердце учащённо билось, по щекам текли слёзы, а губы шептали:

— Нет, нет, нет.

Мужчина подходил уже не спеша, понимая своё превосходство и силу. Он замахнулся на маму, а она, пытаясь заслониться от его удара, выставила руки, защищаясь, вновь прокричала:

— Нет!

Из кольца на её руке выскочили две белые змеи с открытыми пастьями и стали вонзать свои зубы в толстое тело кричавшего в агонии мужчины. Тётя Надя с окровавленным лицом подбежала к ним, когда мужчина уже лежал мёртвым. Его тело раздулось ещё больше и напоминало воздушный шар. Тётя Надя, зажав рот рукой, переводила свой изумлённый взгляд то на мёртвого мужчину, то на всё ещё качающихся змей — призраков.

Мама поблагодарила змей и дала им команду спрятаться. Когда они исчезли, она попыталась оправдаться:

— Я не хотела его убивать, змеи — призраки чувствуют страх и боль жрицы и встают на защиту.

— Не волнуйся, девонька, туда ему и дорога, — посмотрела старуха на мёртвого, — столько зла людям сделал.

Не успела она договорить, как живот мамы пронзила сильнейшая боль. Мама схватилась за него и скривилась. Тётя Надя сразу поняла, что начались схватки. Она, осторожно обняв маму, повела её назад в дом, уложив на кровать, помогала, не отходила от неё почти сутки. Маме повезло, что тётя Надя раньше работала акушеркой в роддоме, благодаря ей я и появилась на свет. Мама говорила, что когда она закрывала глаза от боли, видела странное явление, будто солнце прячет тёмное пятно. Потом она узнала, что в тот день на другом

конце Земли было солнечное затмение.

Вечером приехала на лошади тётя Нина, и они перевезли меня и маму подальше в лес, в егерскую сторожку. Там мы прожили до холодов, а потом тётя Нина сказала, что с наступлением зимы в лес попасть будет очень сложно, да и сосед всё как-то с подозрением на неё поглядывает, когда она просит у него лошадь. Две сестры посадили маму со мной в проезжающий автобус и махали вслед, пока он не скрылся.

Дальше были скитания по разным городам и сёлам. Мама носила тёмные очки, чтобы скрыть цвет своих глаз и меньше привлекать внимания. Нам приходилось очень тяжело, без документов мама не могла найти работу и единственное, что она могла, это предсказывать, да и то с помощью змей-призраков. Магия в первой грани мира отсутствует и только благодаря кольцу маме удавалось заглянуть в прошлое и будущее. Так она и зарабатывала нам на хлеб, а про ночлег я уже рассказала. Дядя Толя помог нам с документами, и мы с мамой уже не боялись ходить по улицам большого города. Да и дядя Толя сказал, что Москва большой город, и затеряться в нём очень легко. В один из дней он принёс маме огромный букет, сказав, что только благодаря ей обрёл счастье и вскоре станет отцом. Он рассказал, что набрался смелости и признался в своих чувствах Лизе (оказывается, так звали женщину, к которой он нас приводил). Он всё время благодарил маму, но с рождением у него ребёнка всё реже и реже приезжал к нам. А когда понял, что мама умирает, то сидел и долго молчал, глядя в одну точку.

Когда мама умерла, приехали врачи, и какие-то дядечки, они записывали то, что мужчина им рассказывал. Он говорил, что сдавал нам свою квартиру, и о самочувствии Громовой ничего не знал, так как приезжал очень редко. Дядечки, записав с его слов всё о нас, посмотрели мои документы и забрали меня от мамы. Я кричала, билась в истерике, но они не обращали на меня никакого внимания. Вскоре, устав от рыданий, я замолчала и не отвечала ни на один вопрос, который они мне задавали. Устав от бесполезных попыток, они препроводили меня в детский приёмник, а оттуда меня забрала Вера Михайловна.

Алька замолчала, вновь вспоминать о родителях и своей жизни оказалось очень больно и нелегко. Молчала и Слава, прижавшись к руке Альки и нахмутив свой носик с конопушками, смотрела в пол и обдумывала услышанное.

Дед Макар вздохнул, не зная, как начать разговор с девчужками.

— Значит, говоришь другие миры.

— Ага, грани — так их мама называла. А ты не веришь, деда?

— Так отчего ж не верить — то. Вон как складно сказывала. Вот значит, как бывает, живёшь и совсем не знаешь мир, который тебя окружает. И вот что я вам скажу, мои крохи. Пора и мне посмотреть, существует ли тот другой мир...

Не успел он договорить, как его перебила Зарислава.

— Какой мир, деда?!

Макар тяжело вздохнул и погладил её по голове. Он смотрел на совсем ещё молоденьких девчушек, а у самого душа горела огнём от боли и печали. Проглотив подступивший к горлу комок, едва смог вымолвить:

— Туда, откуда не возвращаются.

— Нет! — закричала Славка. — Дедушка, родненький, не оставляй нас!

Она уткнулась ему в грудь и зарыдала. Заплакала и сидевшая рядом Алька.

— Ну что вы, что вы, крохи мои, море здесь развели, — прижал он их к себе и стал гладить, а потом и сам не выдержал. Горькие слёзы расставания и огромной любви к этим

двум крохам раздирали его и так больное сердце. — Хватит, хватит, стрекозы, вон и меня до слёз довели — баловницы!

Макар отстранил девчонок и посмотрел на их мокрые от слёз лица. Взял край рубахи и стал вытирать девчонкам глаза и носы, приговаривая:

— Вы уж тут без меня не озорничайте. Двор и дом исправно держите. Документы на всё наше хозяйство с Глафирой подписал на вас и оставил у Фёдора. Будет он после моей смерти за вами присматривать, пока замуж не выскочите. Да только не спешите, пару себе по сердцу подберите. Поняли?

Девчонки кисло улыгнулись, вытерли глаза и сели рядом с Макаром. Сидели тихо, боясь пошевелиться. Горько и больно было принять сказанное дедом. Теперь они ясно понимали, какая это будет разлука. Каждая лицом к лицу встретила и пережила это прощание, навсегда оставившее в сердце долгую и тягучую, щемящую тоску.

— Ну что притихли, птахи? Что притихли? — Дед поник и чуть слышно промолвил, хлопая легонько своей старческой рукой по девичьим плечам, успокаивая и их и себя: — Обещайте не бросать друг друга и помогать, когда меня не станет.

Девчонки посмотрели на него своими такими чудными глазами, в которых сейчас кипела боль, и прижались к нему ещё сильнее. Страх расстаться с единственным близким человеком на всём этом белом свете терзал их. Они долго сидели так, каждый думал о своём сокровенном, пока, наконец, Макар не произнёс:

— Все, стрекозы, вставайте, будем пить чай.

Алька и Слава нехотя поднялись и пошли накрывать на стол, а дед сидел и смотрел на их грустные и вмиг повзрослевшие лица. «Эх, птахи, птахи! Какую долю уготовила вам судьба? Хоть бы сжалилась да послала счастья моим крохам. Моим стрекозам озорным».

Вот и закончились зимние каникулы. Слава и Алка, собрав сумки, сидели и ждали дядю Федю, он должен был отвезти их в город. На душе у всех после разговора с дедом было тяжело. Страх давил и сжимал сердца от холодного предчувствия беды, которую не могли задержать или остановить. Макар засуетился, когда зашёл Фёдор.

Дед, поцеловав обеих девчонок на дорожку, перекрестил им макушки, благословляя. А они, уходя, остановились на пороге да вдруг бросились обе к нему, прижались и зарыдали. А он осерчал и строго пожурил их:

— Отставить слёзы в дорогу! И чтоб помнили мой наказ, стрекозы.

Макар с трудом смог произнести последние слова, подкатившие слёзы щипали в носу, нависли тяжестью в глазах, готовые в любую минуту вырваться горько — солёным потоком. Но стерпел дед, прогнал и заглушил рвущуюся боль, пусть внушки запомнят его улыбающимся. И он, сглотнув комок, подступивший к горлу, улынулся, а потом долго стоял и махал вслед уезжающей машине.

Фёдор оторвал от Макара девчат и увёз. Всю дорогу они сидели притихшие. Слушая музыку из приёмника, молча наблюдали за мелькающими за окнами стволами деревьев и накрытыми белым снежным покрывалом поля.

Через неделю они вернулись, теперь уже на похороны их деда. Вцепившись в гроб побелевшими руками, Зарислава рыдала навзрыд. Хоть деда и просил не рвать душеньку, когда он умрёт. Но она никак не могла отпустить человека, так горячо и трепетно любившего её. Она не могла поверить, что он уже никогда не скажет ей: «Зарюшка, краса ты моя ненаглядная». Никогда он не погладит её по голове и не посмотрит добрым заботливым взглядом. Как же ей было больно, когда её руки оцепили от его гроба. Принять то, что она

его больше никогда не увидит, она никак не могла. Даже после того, как кинула в яму на его гроб горсть земли, и когда смотрела на воткнутый над его могилой крест, она всё не могла поверить, что её дедушки больше нет. Они стояли с Алькой, обнявшись, а слёзы так и лились из их глаз, не переставая.

Опять дядя Фёдор сгрёб их в охапку, усадил в машину и увёз.

— Поехали, девчата, помяните своего деда, и на душе сразу полегчает.

Сидели они за поминальным столом, и им не лез кусок в горло. Притихшие, они время от времени бросали взгляды на двери дедовой спальни. Вскоре приглашённые на поминки разошлись и девчонки стали убирать со стола. Зарислава, наконец, разорвала гнетущую тишину.

— Аль, я не знаю, как мы будем жить без него.

Её плечи поникли, и, закрыв лицо руками, она опять разрыдалась. Алька подошла, прижалась к ней и тоже заплакала. Плакали они долго, рвали сердца горем и болью. Но в какой-то момент Слава почувствовала лёгкое прикосновение к своей голове. Как будто кто-то ласково погладил по волосам. И она перестала плакать, почувствовав, как её наполняет любовью, счастьем и спокойствием. И сразу пришли воспоминания о разговоре с дедом на похоронах бабушки.

«Ты почувствуешь, Зарюшка, когда к тебе прикоснется душа».

И Славка вспомнила и поняла, о чём говорил деда. Пришло спокойствие оттого, что он рядом, пусть и невидим, но всё равно рядом.

На следующий день девчонки сходили на могилку, постояли там, и больше Слава не рвала себе душу утратой близких ей людей. Она знала, они рядом. Пусть невидим этот холодный, страшный мир, безжалостно забирающий её родных. Пусть. Но для тех, кто действительно любит, нет никаких преград, чтобы передать свою любовь. Но бывало, иногда она просыпалась ночью, вытаскивала из воспоминаний образы деда и бабушки и терзала свою душеньку, и слёзы текли, не переставая, по её щекам.

Глава 7. Прощай детский дом! Да здравствует свобода!

Вот и незаметно прошла зима, а за ней и весна в подготовках к экзаменам. Славка решила поступать в институт на исторический факультет. После того, как деда рассказал ей о том, кого встретил в лесу, когда её нашёл, она перечитала уйму книг, ища в них ответ на волнующий её вопрос. Кто был тот странный и неизвестный зверь? Пока искала и сама не заметила, как увлеклась историей.

Алька решила после получения аттестата идти работать. Учёба стоила денег, а у Альки их не было. Хотя Славка сказала, что у неё хватит средств для обучения их обоих и уговаривала подругу тоже пойти учиться. Но Алька твёрдо решила для себя — она не будет ничьей обузой и сразу пойдёт работать. Да хоть продавцом, а уж после того, как накопит нужную сумму, вот тогда и выберет себе профессию по душе.

После последнего звонка они уехали в деревню готовиться к экзаменам. В детдоме ничего не запомнилось, из-за шума и беготни младших ребят.

Сидя за столом перед распахнутым настежь окном, Алька внимательно смотрела на экран компа. Лёгкий ветерок, влетающий в комнату, раздувал воздушные тюлевые занавески и обдавал Альку чуть тёплым воздухом. Воробьи, прыгая с ветки на ветку по старым яблоням в саду, звонко чирикали, радуясь солнцу и новому дню.

На столе стояла ваза с цветами, собранными сегодня утром Зариславой. Она уже убежала проведать дядю Фёдора и его мать, и Алька, наконец оставшись одна, смогла воплотить свою мечту. Она давно уже решила сделать Славке подарок в честь окончания школы и выпуска из детдома. Только вот который час сидя перед компом, она всё никак не могла ничего придумать. Раздосадованная на себя и на все сайты, она от досады и злости бухнулась головой об стол и выругалась: «Да что б вас всех. Ничего путного предложить не можете!»

Посидев так немного, она нехотя приподняла голову, оставив подбородок на столе. Её глаза оказались очень близко к экрану, буквы двоились, и тут она увидела всплывшую рекламу. В глаза бросилась необычная надпись — «Лавка чудес».

«Так, посмотрим, что интересного вы тут предлагаете», — проговорила она вслух и выпрямилась, заинтересовавшись увиденным. Но её изумлению не было предела, она вновь смотрела на сайты, предлагающие разную чушь. Только что увиденная ею реклама отсутствовала. Раздосадованная на всё на свете, она опять опустила голову на стол, уткнувшись подбородком, вновь стала смотреть на экран и тут опять увидела эту рекламу. Быстро приподнялась — рекламы не было. Удивлённая, Алька просидела так некоторое время, пока у неё не промелькнула одна догадка, и тогда она тихонько опустила лицо перед экраном и замерла.

Догадка оказалась верна, реклама никуда не исчезала, и девушка кликнула на неё мышкой, и сайт развернулся на весь экран.

— Ух ты! — восхищённо произнесла Алька. По всему экрану вспыхивали маленькие яркие звёздочки, надпись «Лавка чудес» то исчезала, то снова всплывала, окрашиваясь в новый цвет.

Алька, очарованная этой красотой, некоторое время восхищалась, а затем стала с вниманием читать перечень товаров: сушёные шкуры змей и летучих мышей, лечебные и

ядовитые травы.

— Что за хрень? — возмутилась она, сама не замечая того, что вставила любимое Славкино словечко, и продолжила чтение. Такой рекламы она ещё ни разу не встречала.

Алькины губы шептали непонятные слова: зуб дракона, драгоценные камни, добытые гномами в седьмой грани мира, золотая пыльца, собранная феями и доставленная из восьмой грани мира.

— Они, что, белены объелись — писать про такое? Какая ещё пыльца? Какой на хрен зуб дракона?

Она уже хотела уйти с этой страницы, когда в глаза бросилась ещё одна строка — амулеты, обереги, талисманы. И под этой строкой была фотография амулета в виде солнца, висевшего на чёрном кожаном шнурке. Золотисто-жёлтые, похожие на пламя костра извилистые стальные языки опоясывали центр. Сам круг пронизывали тонкие линии зигзагов, унося в мир фантазий.

— Какая красотища! Славке обязательно понравится, тем более она собирается на исторический. Вот пусть и изучает информацию о Яриле.

Алька хихикнула, представив восхищённое лицо Славки, когда она подарит ей этот амулет. Хотела уточнить стоимость, вдруг денег не хватит, но телефона на сайте не было, и ей ничего не оставалось, как записать предлагаемый адрес: Крутицкое подворье 4/Я. Довольная и счастливая, оттого что нашла подарок Славке, Алька отыскивала любимые песни и включила музыку на всю мощь.

Она кружилась в танце, когда в комнату ввалилась весёлая Славка со словами:

— Опять от своего Руваса тащишься.

Алька, счастливая, обхватила Славку и закружила её. Они смеялись и подпевали, а когда песня закончилась, завалились на диван, весело смеясь.

Неожиданно Зарислава вскочила и подошла к компу. Она окинула беглым взглядом экран и сразу нахмурилась. У Альки всё замерло внутри, вот так всегда, хочешь всё втайне оставить, но не получается. Не закрыла рекламу, вот и испортила весь сюрприз. Вздохнув, она уже собралась выдумывать, как бы выкрутиться, но от заданного Славкой вопроса осталась сидеть с открытым ртом.

— С чего это ты стала интересоваться строительством?

Я?!

— Ну ты даёшь, не я ведь! У тебя набрано — «Строительные бригады». Реклама открыта — «Умелые мастера». Алька, вечно ты всякой хренью интересуешься. Давай лучше математику зубрить.

Слава выключила комп и ткнула пальцем красную кнопку планшета, экран засветился, и появилась вчерашняя, не сделанная ими задача.

— Давай присоединяйся, строитель.

— Да, ладно тебе, может, я хотела дом подремонтировать, — на ходу сочиняла Алька, — вон крыша протекает, — и посмотрела на потолок, где от вчерашних дождей осталось жёлтое пятно.

— Да не парься, я уже договорилась с дядей Фёдором, он найдёт мастеров, и все сделают, будет в полном порядке.

Алька расстроилась, она ведь совсем не думала о крыше и просто соврала первое, что пришло в голову, а Славка давно всё подметила и обо всём договорилась. Но долго она не могла себя грызть, уверившись в том, что всё — таки тоже обратила внимание на проблему.

Успокоившись, погрузилась с головой в решение задачи.

Алька решила не откладывать в долгий ящик покупку подарка, хотя на душе было беспокойно как-то. Её всё волновал вопрос, как могло так выйти, что рекламу лавки не увидела Славка.

Совсем незаметно, в зубрёжке и сдаче экзаменов пролетел июнь. Очнулись девочки от суеты, когда увидели у себя на руках аттестаты. Вот и наступила их взрослая жизнь, наконец за ними не будет постоянного надзора.

Весёлые и счастливые, детдомовцы решили всем классом отпраздновать у реки это знаменательное событие. Закупив продуктов и водки, они развели костёр, разлили по бумажным стаканчикам горячительное и под крики: «Долой кандалы детдома и здравствуй свобода!» выпили залпом. Алька со Славкой пили впервые, обжигающая жидкость вкрутила в лёгкие спазм, и девчонки с открытыми ртами пытались вздохнуть, но не могли. Сначала все смеялись над ними, и лишь Макс, увидев, как у девчонок начинают синеть лица, подскочил и ударил обоих по спине. Девчонки зашлись в кашле и с трудом восстановили дыхание. Они сидели, прижавшись друг другу, бледные и угрюмые.

— Всё, этим двум водку не наливать! — выкрикнула Верка, вставая. — Нечего добро переводить.

Она окинула презрительным взглядом девчонок и рассмеялась, ее смех тут же подхватили одноклассники.

— Кто по второй? — вытянула она руку со стаканом. — Макс, наливай!

Парень встал и, разлив водку, окинул взглядом всех одноклассников и произнёс:

— Пока всё, у нас ещё шашлыки впереди.

— Ура! — прокричал белобрысый и длинный как жердь Фил. — Ребят, свобода, шашлыки и сколько хочешь водки.

Он легко опрокинул стакан с водкой, взяв ломтик солёного огурца, бросил его в рот и обернулся на Альку. Та сидела, обхватив коленки руками, бледная и грустная. Парень устроился рядом, приобнял её за талию и, наклонившись, прошептал:

— Алька, что, действительно так плохо? Давай прогуляемся, и тебе сразу легче станет.

— Гном, быстро убрал от неё свои клещи и подкати свои тухлые яйца к кому-нибудь другому, — нахмутив брови и сверля парня глазами, гневно прошипела Слава.

— Да ладно тебе, я ж от чистого сердца.

— Я тебя бл... — Славка обложила его матом и, подскочив с места, направилась к уже стоящему на ногах и пятившемуся назад парню. Её кто — то прижал к себе, смеясь.

— Слава, успокойся, никто не тронет твою сестру. Правда, Фил?

— Да сдалась она мне, — переминаясь на месте, бубнил парень и со страхом поглядывал на Славку. Связываться с этой взрывной и чокнутой девчонкой желания не было. Вон, глазюки свои жёлтые сузила, искры летят от злости.

Макс, видя, что Слава не сопротивляется, крепче прижал её к своему телу и крикнул однокласснику:

— Иди лучше мясо на шампур нанизывай, жрать уже охота. Желаящие помочь гному есть?

— Я помогу. — Верка плавно поднялась с расстеленного пледа, окинув стоящих саркастическим взглядом, и медленно пошла, виляя попой.

— А вы что, с ней больше не встречаетесь? — Славка повернула голову и посмотрела с удивлением на Макса. Ее впервые обнимал парень, и не просто обнимал, а при всех

прижимал к себе. И не сказать, чтобы Славке это не нравилось, совсем даже наоборот, было приятно и по всему телу расползлось какое-то непонятное трепетное чувство. Они столько тренировок провели вместе, и столько раз он поджимал её на мате под себя, но там она испытывала только раздражение и злость. А сейчас ощущала всё по — новому. От мужского тела исходила волнующая сила, и от этого почему — то было легко и трепетно.

Видя, что девушка не пытается вырваться из его объятий, Макс осмелел. Он прикоснулся губами к её уху и, смотря на танцующих возле костра ребят, прошептал:

— Пошли, прогуляемся.

У Славки слегка кружилась голова, но на душе было так хорошо, что она произнесла:

— Я бы с удовольствием, только Альку не могу оставить. — Она посмотрела на мирно спящую подругу, свернувшуюся калачиком.

— Сейчас улажу. Цыган, — обратился Макс к сидевшему на пледе парню, — охраняешь спящий объект и отвечаешь за неё своей головой. Понял?

— Понял, — хмурясь от недовольства, ответил тот и посмотрел на спящую.

— И пиджачок сними, укрой малую, видишь, замёрзла.

Парень нехотя снял пиджак и укрыл им Альку.

— Во, молодец, прям настоящий ухажёр — заботливый. Учить вас ещё всему надо, бестолковых.

Макс тоже снял свой пиджак и, накинув Славке на плечи, приобнял её и повёл подальше от костра.

— А почему у него такая кличка, он ведь совершенно на цыгана не похож? Полная противоположность, глаза сине-голубые, рост под два метра, плечи едва в дверной проём проходят, да и волосы русые, кучерявые, словно бесы лазали.

— А ты чё, не в курсах, его же у цыган отобрали, отсюда и кликуха.

Славка мало интересовалась ребятами, учившимися в её классе. Постоянно была занята на тренировках, да и мало кто с ней вообще разговаривал. За Альку она не переживала, цыгана почему-то многие боялись. Высоченный, ручищи что кувалды, и взгляд из-под бровей хмурый и нелюдимый. Он не пил вместе со всеми, а тихонько потягивал томатный сок, не обращая ни на кого внимания. Его тоже не трогали, сидит спокойно, вот и хорошо

— пусть сидит.

Как-то раз шпана решила над ним посмеяться, так столы в классе летали как пушинки в разные стороны. Физрук только и смог успокоить, больше желающих проверить силу цыгана не находилось. Учителя разводили руками, очевидно, весь ум в силушку ушёл.

И ещё одна странность была у цыгана, как-то в один из дней переваривал он одиноко свой очередной кол, сидя под столом в самом конце класса. Тяжко вздыхая и сетуя на все предметы, которые никак не откладывались у него в голове, он не сразу услышал, как в класс вошла Ирина Витальевна, училка по английскому. Она тихо села за учительский стол и, прижав к уху телефон, со слезами на глазах слушала собеседника. Наконец не выдержала и закричала в трубку:

— Сволочь, как ты можешь обвинять меня в том, что я не могу иметь детей! Ты знаешь прекрасно, что я бы всё отдала, лишь бы... — Она уронила голову на лежащие на столе руки, и её плечи сотрясались в рыданиях.

Цыгану стало не по себе, он не собирался подслушивать чужой разговор, так некрасиво вышло. Он поёрзал на полу и, не в силах больше слушать всхлипывания «англичанки», вылез из-под стола. Не спеша подошёл к рыдающей учительнице и замер, тяжело дыша.

«Англичанка» почувствовала, что рядом кто-то стоит, и подняла своё заплаканное лицо.

— А, это ты, Романов, — всхлипывая, произнесла она и стала вытирать лицо, — не обращай внимания, я сейчас. — Она достала зеркало и увидела своё отражение, опять потекли слёзы. — Муж от меня ушёл из-за того, что детей я не могу иметь.

Она смотрела на стоящего перед ней мальчишку двенадцати лет, сама не понимая, почему выложила ему свою нелёгкую историю. Слишком больно было осознавать, что тебе уже сорок один и приговор врачей — никогда не будет детей — резал лезвием по сердцу. Может, и смогла бы она перенести тяжелую судьбу, если б рядом был любимый человек, да вот и он сбежал. Поняв своё одиночество, она не в силах оказалась больше сдерживать рвущееся наружу отчаянье.

Цыгану нравилась эта спокойная и никогда не глумившаяся над ним училка. Он подошёл, погладил её по руке, а затем в его глазах застыло удивление.

— Так чего же вы ревёте, в течение года двойню родите.

Учительница перестала плакать, подняла раскрасневшиеся, опухшие от слёз глаза и, устало посмотрев на Яна, произнесла:

— Какую двойню, Романов?

— Так обыкновенную, мальчика и девочку. Вон уже и ангелы над вами летают, — улыбаясь и смотря куда-то вверх головы «англичанки», промолвил цыган.

— Вот спасибо, Романов, — погладила она его по курчавой голове, грустно улыбнулась, — ступай, у тебя сейчас какой урок?

— Геометрия, — сразу опустились его плечи, брови нахмурились, вздохнув, он развернулся и еле-еле поплёлся из класса.

— Глупый ты, Романов, для того, чтобы родить, мужик нужен, а он от меня сбежал. Да и чудес на свете не бывает, врачи давно вынесли свой вердикт, — проговорила она вслед уходящему Яну. Посидев немного, глядя печальными глазами на буйство зелени за окном, она и не подозревала совсем, что маленький мальчишка напророчил ей правду.

Через месяц её подруга, видя, как Ирка загибается от горя в четырёх стенах, вытащила её в ресторан. Подруга открыла шкаф, прошерстила все вешалки, и, остановив свой взгляд на красном мини-платье, лукаво улыбнулась.

Ирина возмущалась, стоя у зеркала и пытаясь натянуть пониже подол платья.

— Ты чего, в мой-то годы и такое платье! Смеяться будут.

Нина, покругив Ирину и отойдя немного, осмотрела её с ног до головы, произнесла с завистью в голосе:

— Эх, мне бы такие ножки! Все бы мужики мои были!

— Какие мужики!? В мои сорок! Был один и тот сбежал, — уже тише, возмущённо скривив маленький носик, сказала Ирина, глядя на себя в зеркало. Она смотрела в свои большие печальные серые глаза и, откинув за плечо длинный, пепельного цвета локон, схватилась за платье, чтобы снять его, но Нинка сцапала её за руку и потащила из дома.

В ресторане, выпив не один стакан мартини и подняв настроение, они смеялись и танцевали до самого закрытия. Выйдя из ресторана, шатаясь, попытались вызвать такси, но к ним подъехала машина, и из неё вышел незнакомец, про которых обычно говорят «средних лет, приятной наружности». Подруги узнали в нём мужчину, что сидел за столиком напротив и не сводил с Ирины глаз. Женщины захихикали, когда он предложил подвезти их. Ломаться не стали и, усевшись на заднее сиденье, шептались о чём — то, разглядывая мужчину, и прыскали от смеха. Мужчина посматривал на них в зеркало, щурясь, и тоже

улыбался, в его карих глазах плясали огоньки веселья. Сначала он отвез Нину, а затем поехал к дому Ирины. Мужчина повёл себя напористо, напросился на чашку кофе, но с таким видом, что отказа не примет. Ирина уступила. Правда, до кофе дело не дошло, он набросился на неё с поцелуями ещё у входной двери. Ирина не сопротивлялась, оставив его у себя на ночь, решив, что теперь её доля — мужчины-однодневки. То есть «одноночки», но Кирилл быстро разрушил её нездоровые мысли и стал приезжать к ней каждую ночь. Через месяц такого загула, на уроке у доски Ирину затошнило так, что она, закрыв рот рукой, выскочила из класса и побежала в туалет. Подумав о несвежем яйце, которое съела утром в столовой, она не ела целый день, и к вечеру стало легче. На другой день с ней произошла та же история, но только случилось это на уроке шестого класса. Когда она выбежала, все сразу загудели, чего это с ней?!

— Беременна, — невозмутимо высказался цыган и, положив голову на стол, стал смотреть в окно.

— Ты чё, цыган, с дуба рухнул!? — выкрикнула Верка. — Она уже старая, чтобы рожать!

— Дура ты, Верка, — не поворачивая головы, промямлил Ян и закрыл глаза, собираясь спать.

— Ты чего, цыган, совсем обхамел, страх забыл?

— А мне-то чего бояться, я в подоле, в отличие от тебя, не принесу.

Весь класс дружно заржал, смотря на Верку.

— Да я тебя сейчас! — Она подскочила к цыгану и стала бить его по голове книгой. В это время в класс зашла «англичанка».

— Винокурова, как ты себя ведёшь? Пройди и сядь на своё место.

— Ирина Витальевна, а чего Романов говорит, что вы беременны!

Учительница, не дойдя до своего стола, остановилась и с недоумением окинула взглядом класс. И затем её взгляд застыл на Яне, она хотела что — то сказать, но вновь зажала рот рукой и выскочила.

— А я что говорил, — откинувшись на спинку стула Ян, забросив руки за голову и развалившись, его рот при этом расплылся в довольной улыбке.

— Так чего, и правда беременна? — выкрикнул Васька.

— Правда. — Цыган посидел, покачался на стуле ещё немного и, окинув весь класс своими голубыми, сейчас похожими на бушующий океан глазищами, произнёс: — Только больше она к нам не вернётся. Мужика я ей классного подогнал, пусть порадуется жизни.

И он заулыбался во весь рот.

— Ты чё, цыган, того — колдуешь? — шёпотом произнесла Верка, её зелёные глаза округлились и стали ещё больше, а рот слегка приоткрылся в изумлении.

— Да совсем чуть-чуть, всего-то из дома её выгнал, — зевнув, он улёгся на парту дрыхнуть.

— Так, ты мне здесь что напорожил? Я, что, по-твоему, матерью — одиночкой буду?! — Верка стояла возле него, и её нижняя губа слегка подрагивала, а глаза стали влажными.

Цыган поднял голову, выпрямился и, смотря на неё, произнёс каким — то чужим голосом:

— Первенца не бросай, не делай его долю такой, что у тебя была. А мужик у тебя будет нескоро, ты ещё мелкая и мало чего понимаешь в жизни.

И так зыркнул на неё своими синими глазищами, что у Верки по спине побежали мурашки, но она не хотела сдаваться.

— Да больно умный ты, как я погляжу! — нахмутив брови и сжав губы, бросила она цыгану, уходя к себе за стол.

Весь класс затих, с недоумением и страхом они посматривали на едва сдерживающую слезы Верку. Умолчал Ян, что тем мужиком будет он сам и найдёт отчаявшуюся Верку через шестнадцать лет на мосту, собирающуюся сброситься с моста вместе с ребёнком. Он отвёл взгляд, вновь положил голову на парту и закрыл глаза, порой он так уставал от мелькающих перед лицом картинок.

— Во цыган даёт! — выкрикнул кто-то, но сразу замолк, так как дверь открылась и в класс заглянула директриса, прошла к учительскому столу,

— Ребята, Ирина Витальевна плохо себя чувствует, я её отпустила домой.

— Вера Михайловна, а правда, что Ирина Витальевна беременна? — не унималась Верка.

— С чего ты взяла, Вера! — Директриса удивлённо окинула взглядом класс.

— Так цыган сказал!

— Не цыган, а Ян. Вера, утомонись и сядь на место! — Она надела очки и, взяв в руки планшет с описанием урока, сказала: — Откройте учебник на странице двести пять и переведите текст.

— Так значит, правда.

— Так, Винокурова! По-моему, тебе одного предупреждения мало! Или, может, ты лучше на английском понимаешь?

Весь класс заржал.

— Вот видишь, Вера, ты срываешь урок!

— А чего он мне всякую гадость гадаёт на будущее, — уже всхлипывая, с мокрой поволокой на глазах проямлила Верка.

— Я тут причём это ведь твоё будущее! — не унимался Ян.

— Так, вы, двое, на выход с учебниками, будете читать перед всем классом — на английском!

Класс опять отреагировал смехом.

— Я вижу, у вас тут со всем весело и всё из — за Романова. Так давайте, введите меня в курс дела, и я тоже посмеюсь вместе с вами.

— Ирине Витальевне стало плохо, она выбежала из класса, а цыган сказал, что она беременна.

— Ну и что, я ей это ещё два месяца назад предсказал. Не верите, сейчас за ней приедет её мужик на такой тачке! — проговорил он восхищённо.

Все услышали визг тормозов под окнами и в страхе повернули головы, но потом весь класс подхватился с места и ринулся к окнам. Ирина Витальевна не спеша шла по аллее, а из машины вышел высокий, крепкого телосложения брюнет, и быстрым шагом направился к ней. Он осмотрел её взволнованным взглядом, подхватил на руки и понёс к машине.

— Вот это, да! — выкрикнул завистливо кто-то из девчонок, не выдержав.

— Так, класс, по местам, это ещё ничего не значит!

— Цыган сказал, она больше не вернётся в детдом.

Директриса вздохнула.

— Винокурова, выйди из класса и успокой свою буйную фантазию.

Верка вышла, поджав губы, чтобы вновь не разреветься. Она сама не понимала, почему вдруг поверила цыгану, от его предсказаний на душе было как-то противно и тошно. На следующий день весь детдом гудел, пересказывая, что снова приехал мужчина, который забирал вчера англичанку, и сказал, что она больше не будет работать, так как он не намерен подвергать опасности свою беременную жену.

С тех пор цыгана ещё больше стали бояться, избегая его тяжёлого взгляда. Верка погрустила неделю, а потом успокоилась. Кто его знает, а вдруг цыган ошибся, и его предсказания не исполнятся. Ян был единственным из класса, кто не сдал экзамены. Но похоже, его это мало интересовало, с малых лет он бредил десантурой и с нетерпением ждал осеннего призыва в армию.

Двое в обнимку шли по берегу реки, постепенно стали затихать голоса одноклассников, и доносились только отголоски музыки. Первой очнулась Слава.

— Мы так далеко ушли, не заблудимся?

— Не бойся, я здесь уже не раз бывал с ребятами. Пойдём к той берёзе, там лавочка есть, посидим, полюбуемся ночной красотой.

Они прошли совсем немного и оказались у небольшой поляны, а у самого берега реки действительно была маленькая лавочка. Макс сел и, потянув Славу за руку, посадил её к себе на колени. Она было дёрнулась, но он обхватил её и со всей силы и прижал к себе.

— Ну чего ты вырываешься, глупышка, я тебя не обижу, — прошептал он ей на ухо, обдав своим горячим дыханием. Он дал Славке привыкнуть к её положению и, видя, что она больше не вырывается, ослабил хватку.

Славка смотрела на чёрную гладь воды и отражающийся в ней огромный диск луны, светившей в эту ночь особенно ярко. Небо было чистым, и мириады звёзд слегка мерцали, навевая спокойствие и умиротворение. Вокруг стояла очаровывающая тишина, лес дремал и только мелкая рыбёшка, пытающаяся схватить ртом жёлтый лик луны, нарушала тишину лёгким всплеском воды.

— Красиво как! — не выдержала Славка и улыбнулась.

— Я знал, что тебе понравится. — Макс осмелел и стал водить рукой по спине Славки. — Зарислава, ты такая красивая, — взял её он лицо в ладони и собрался поцеловать.

Но она отстранилась:

— Ты чего, Макс?

— А что, я тебе совсем не нравлюсь?

— Да не знаю я, мы ведь с тобой столько времени на матах провели, что уже и не понимаю, как к тебе относиться.

— А я как вспомню о твоём теле и как тебя прижимаю, так внутри всё скручивается от возбуждения.

Макс осторожно прикоснулся губами к её плечу и, видя, что Слава его не отпихнула, уже более настойчиво, с ноткой возбуждения, перешёл от плеч к её шее. Славе нравились его поцелуи, от них по всему её телу расходились волны сладкого возбуждения, впервые она такое ощутила. Она закрыла глаза и с замиранием сердца прислушалась к своему чувствительному телу, вдруг ставшему таким слабым и податливым.

Тишину леса нарушил крик ночной птицы.

— Ух! У-а-а-а-ха — ха — ха-ха!

Славка дёрнулась:

— Ты слышал? Слышал? Кто это?

Макс раздосадованно прервался и ещё сильнее прижал к себе Славу.

— Ночная птица, сова, наверно, мышь поймала и радуется после вкусного ужина или обеда. Да кто его знает? Слава, Славочка, какое у тебя тело... — Макс приподнял её и повернул к себе лицом, коснулся губами желанных губ, поцеловал.

Они услышали, как ночную тишину нарушили взмахи больших крыльев — и практически над их головами пролетела птица, крича надрывисто и тревожно: «Ух! У — а-а-а-ха — ха-ха-ха-ха! Ух! У-а-а-а-ха-ха-ха — ха-ха!»

Славка встрепенулась, пронизывающий крик птицы напугал, всё тело налилось свинцовой тяжестью от страха, пробравшегося в каждую её клеточку.

— Какая странная птица, и кричит как человек.

Славка всматривалась в ночную темноту и следила за полётом птицы, пока та совсем не исчезла из виду. Её стал бить озноб.

Макс опять полез к ней со своими поцелуями. Славка попыталась встать, сидеть на лавочке с ним сразу расхотелось, всё волшебство ночи улетучилось. Да вот только у парня, очевидно, были совсем другие планы. Он резко вскочил и, завалив Славку на землю, стал шарить своей рукой по её ногам, одновременно пытаясь дотронуться губами до её губ. Слава отвернулась, почувствовав его руку в своих трусиках, и недолго думая, пнула его коленом в пах.

— Дура! — взыв от боли, промычал Макс и тут же отпустил её.

Славка сидела и смотрела на скрюченного и матерящегося парня. А ведь он ей даже нравился, всегда заступался и никогда не смеялся над ней. Но и намёка не было насчёт его чувств, да и какие чувства, если с Веркой давно спит. Славка вздохнула, нервно теребя в руках вырванную травинку.

— Зачем тебе это надо, Макс?

— Я ж говорю, нравишься ты мне! — шипя от боли, промычал парень.

— Лапшу будешь семиклассницам вешать, — схватила она его лицо своей пятернёй и зло всмотрелась в глаза. Её янтарный зрачок блеснул в темноте, а взгляд стал каким — то хищным и гипнотизирующим.

Макс тяжело проглотил застрявший в горле комок.

— Слав, я не лгу, ты действительно давно мне нравишься.

Она его оттолкнула и встала.

— Поднимай, бл..., свои копыта и пошли, все наверно уже поспорили и сидят ох... в предвкушении. Услышу, какую пакость о себе — удушю.

Она пошла не спеша, а за ней с понурой головой плёлся Макс.

К поляне они вышли, как ни в чём не бывало, мирно беседуя. Верка окинула их внимательным взглядом и сразу бросилась на шею Максусу.

Максик, где ты так долго был?

— Да ничего не долго, так, погуляли со Славкой, тренировки вспомнили. А шашлык готов?

— потирая руки, он улыбнулся Верке.

— Я тебе оставила, а вторую партию нанизали.

Только Макс присел, как вскочил цыган, мирно спавший рядом с Алькой.

— О, ребята гляньте, охранник проснулся! — прокричал Макс, и все дружно заржали.

Ян пятился от спящей Альки и бормотал, озираясь вокруг.

— Мамочки да разве такое возможно... Змеи, белые змеи кругом, страшные, злые. —

Полусонное лицо его исказилось не то боли, не то от страха, губы слегка подрагивали, а в синих глазах гуляла тьма.

Славка быстро подскочила к нему, схватив за грудки, зло прошипела ему в лицо:

— Ты чего мелешь, цыган?

Лицо её исказилось от гнева, сцепленные от злости зубы оголились из — за слегка приоткрытого рта и растянувшихся в оскале губ.

Цыган взглянул в её глаза, закрылся руками и закричал:

— А-а-а!

Все смолкли и замерли, смотря удивлённо на растерявшуюся Славку и рыдающего цыгана.

— Ты чего, Ян? — Она попыталась тронуть его за плечо, но он дёрнулся назад.

— Не трогай меня, не трогай, он искал тебя. Долго искал и вот сегодня нашёл. Веселится, радуется, очень страшный, глаза красные. А-а-а! — вновь заорал цыган. — Смерть, смерть, одна смерть кругом. Я не хочу видеть все те ужасы, что тебе придётся пережить. — Цыган сел, обхватил коленки руками, положил голову на них, закрыл глаза и закачался. — Не трогайте меня, не трогайте. Разве такое бывает?! Этого просто не может быть. Страшный, очень страшный, — шептал он.

Славка пробежала растерянно взглядом по стоящим вокруг и смотревшим на неё одноклассникам, в глазах некоторых читался интерес и любопытство, а у других застыл страх. Славка оторопела, она никогда не находилась под такими пристальными, изучающими взглядами. Сев рядом с Алькой, она потрясла её за плечо.

— Аль, Аль, проснись.

Внутри неё бушевала буря, пытающаяся перерасти в ураган, несущий в себе боль, страх, смятение и предательское предчувствие — всё то, что она только что услышала, правда.

Алька проснулась и отшатнулась в испуге от Славки, вначале не поняв, кто пред ней. Лицо, искажённое от боли, заострённые скулы, но самым притягательным и одновременно страшным были у сестры глаза, пылающие оранжевым огнём.

Алька медлила всего несколько минут.

— Зариславушка! — промолвила она, улыбаясь, протянула руку и погладила Славку по её рыжим кучерявым волосам.

Огонь в глазах Славки угас, она бросилась в объятия сестрёнки и разрыдалась. А та продолжала гладить её по волосам, успокаивая и шепча:

— Ты чего, сестрёнка? Скажи, тебя кто-то обидел? Так я разберусь и накажу обидчика, ты только скажи, Славушка.

В другой ситуации Славка бы просто поржала, скромная тихая Алька решила заступиться за неё, но сейчас её душа сжалась от боли, и, не вытерпев, Славка разревелась. Вспомнив бабушку и деда, их всеобъемлющую и искреннюю любовь, окутывающую её все детство, которой теперь ей так не хватало.

Почему Славка расплакалась, она бы и сама не сказала, щемящая тоска грызла её сердце, бредила, наполняла страхом от предсказаний цыгана. Но реветь долго ей не дали, приехал Фёдор Семёнович, утёр им носы и повёз в деревню. Расспрашивать, из — за чего ревели девчонки, не стал, мало ли, большие уже, может, любовь, а может, понимание того, что начинается у них взрослая жизнь.

Глава 8. Перстень жриц Аргадзона

Проснувшись к обеду, девчонки умылись, перекусили и поехали в детдом. Почти все свои вещи они уже давно перевезли в деревню, осталось забрать последние шмотки. Лёгкая эйфория от вчерашнего вечера улетучилась, и на смену ей пришёл страх с небольшой грустью. Как бы над ними не издевались и не обижали, всё здесь было таким привычным и родным.

Девочки сели на рейсовый автобус, заняли последние места и, положив головы друг другу на плечи, продолжили спать. Приехав в детдом, первым делом заглянули на кухню, на прощание обняли тётю Тоню и разревелись. Она вытерла своим фартуком их носы, как всегда, выдала по котлете с хлебом, и девчонки ещё раз прижались к ней, а потом, поцеловав её на прощание, пошли к себе в комнату. Покидав в рюкзаки оставшиеся вещи, направились к директрисе. По дороге заглянули к физруку, тот по-отцовски дал им напутствие в жизнь, девчонки расчувствовались, вновь похлопали носами, и пошли дальше с опущенными головами.

У кабинета директрисы они немного постояли и Славка робко постучала. Раздалось:

— Входите.

Славка и Алька с глазами, полными грусти, и опущенными плечами вошли в кабинет. Вера Михайловна расплылась в счастливой улыбке.

— А, девочки, рада, рада вас видеть! Проходите, присаживайтесь.

Она подождала, пока девчонки сядут на стулья и, окинув их материнским и чуть грустным заботливым взглядом, вздохнув, сказала:

— Время как летит, такие вы у меня красавицы выросли. Определились, где будете учиться?

— Я на исторический, а Алька работать, — ответила Славка и стала накручивать на палец длинный рыжий локон.

— Учёба — это хорошо, без образования в наши дни туго. И ты, Аля, поступай на вечернее отделение, главное — не тяни. Денег всегда будет не хватать, да и программу потом будет трудно вспоминать.

Она посмотрела на Алькирию сочувствующим взглядом и, как будто что-то вспомнив, встала, открыла сейф и достала оттуда небольшой ящик. Потом долго в нём что — то перебирала, хмурясь. Наконец найдя то, что искала, посмотрела на Алю довольно.

— Аленька, мне не хочется ворошить прошлое, напоминать тебе трагические события семилетней давности, — замолчала она ненадолго, но продолжила: — Когда я приехала за тобой в распредприёмник, мне передали одну вещь, оставшуюся после смерти твоей мамы. К сожалению, как потом выяснилось, документы у вас были поддельные, и разузнать что-либо о тебе и твоей матери не удалось.

Она открыла конверт и достала из него кольцо. Покрутив его, вспомнила, как, впервые увидев украшение, тщательно его рассматривала, вертела в руках и даже пыталась найти клеймо или пробу, а не найдя, расстроилась. На вид кольцо было совершенно простым, но большой белый камень наводил на разные мысли. Она тогда отнесла кольцо оценщику, но тот покачал головой. Дешёвка, камень — искусственное стекло, ценности не имеет. Сколько таких колечек, цепочек она оставила в ломбардах, трудно сказать, но всё это она делала не для себя. Ни копейки себе не присвоила, устраивала детям дни рождения, покупала

маленькие подарки, лишь бы увидеть счастливый детский взгляд. Она вспомнила, как сильно тогда была разочарована, и в какой-то момент хотела выкинуть кольцо, но потом решила оставить для девочки — на память о матери. Сразу было глупо его отдавать, и поэтому директриса отложила его в ящик. Момент настал, хоть какая — то память о матери.

— Это кольцо принадлежало твоей матери, сразу я не могла тебе его отдать. Сама понимаешь, могли и украсть. Возьми, — протянула она Але кольцо.

От вида кольца по телу Альки будто молния прошла, она вцепилась в стул и замерла, не шевелясь. Не отрываясь, смотрела на протянутое ей кольцо, и воспоминания окатывали её волнами боли, разлуки и горя.

Славка схватила её за руку и сильно сжала, поддерживая. Алька очнулась от воспоминаний, встав со стула, постояла в нерешительности, а потом медленно подошла к директрисе и осторожно взяла протянутое ей кольцо. Сжав его в кулаке, смотрела на директрису глазами, полными слёз.

Спасибо.

В голубых глазах Альки кричала тоска, пела свою печальную песню, обжигая сердце воспоминаниями. Девочка прижала кулачок к сердцу, соединив воспоминания и боль, и, не в силах больше терпеть, горько расплакалась.

Директриса кинулась её успокаивать.

— Алечка, девочка моя, что ж ты так сердце своё рвёшь. Маму уже не вернёшь, я тебе сейчас адрес напишу, где она похоронена, сходишь на могилку, цветы положишь, сразу легче станет.

Алька перестала плакать и подняла мокрое лицо на Веру Михайловну, её большие, распахнутые голубые глаза замерли ошеломлённо.

— Не смотри так удивлённо, там от могилы одно название, табличка с номером.

Директриса полезла в сейф, достала оттуда папку, на которой было написано «Личное дело Громовой А.Л.», надела очки и, поведив пальцем, нашла то, что искала. Переписав на листок данные, встала и протянула его Але.

— Возьми, Аленька, будет к кому сходить слёзы полить, некоторым и этого не дано.

Алька взяла трясущейся рукой листок с адресом и, посмотрев на директрису, вновь тихо сказала:

— Спасибо.

Вера Михайловна вздохнула, посмотрела на Славку.

— Хорошие вы девочки. — И уже совсем тихо добавила, застыв и уставившись куда — то в одну точку: — Только редко счастье своё находите. Боятся оно вас, что ли, или другие боятся...

И замолчала, с грустью поглядев на девчонок. Потом очнулась от своих мыслей и, уже улыбаясь, встала, ещё раз прижала воспитанниц к себе. Поцеловала им макушки, как бы благословляя.

— Бегите, вам ещё на автобус успеть нужно.

Девчонки нехотя высвободились из её объятий и неторопливо пошли на выход.

Всю дорогу в автобусе они ехали молча, каждая думала о смерти близких людей. Дома, сев на диван, они прижались друг к другу и долго молчали, пока на ночном небе не вспыхнули первые звёзды и яркий полумесяц, пробившись, через тонкие занавески, не коснулся жёлтыми лучами стола у окна, напомнив девчонкам, что на дворе уже давно наступила ночь.

Славка первая скинула оковы тоски. Посмотрев на полумрак в комнате, зевнула. Наконец, поняв, что сильно устала и хочет спать, вздохнула:

— Хватит горевать. Мы уже ничего не можем изменить. Завтра поедем и найдём могилу твоей матери.

Алька дёрнулась от последних слов и посмотрела на Славку.

— Слав, ты только не обижайся, я хочу сама сперва... — Она замолчала, пытаясь подобрать слова. — Понимаешь — сама.

— Да поняла я всё, ты там разужнай хорошо всё, а мы потом вместе съездим и памятник поставим. — Славка встала с дивана, потянулась. — Пора ложиться спать, меня баба Клава просила картошку окучить, побегу пораньше, пока солнце не сильно будет жарить. И ты давай не засиживайся.

Славка сходила в уборную, заглянула в холодильник, окинула взглядом содержимое полок и остановилась на колбасе. Её рот сразу наполнился слюной, в животе заурчало. Она взяла колбасу и, отрезав кусок, крикнула Альке:

— Колбасу будешь?

— Буду! — услышала она под звуки льющейся воды, доносящиеся из душевой.

Славка быстро нарезала колбасу и сложила дольки на тарелку, туда же добавила батон. Подхватив тарелку, пошла в спальню, включила плазму, подбила повыше подушку на диване и, сделав себе бутерброд, легла на кровать. Шла новая захватывающая игра «Призрачные миры». Славка уже доедала первый бутерброд, когда вошла Алька:

— Ничего себе, уже один уплела! Чего смотришь?

— «Призрачные миры». Подай мне бутик.

Алька наделала ещё бутиков, пару дала Славке, и сама, взяв тарелку, тоже улеглась на диван. Они с волнением смотрели на игроков, которые попадали в незнакомый мир и сражались с разными тварями и растениями. Игра была захватывающая и собирала миллионы зрителей и болельщиков, считалась одной из самых популярных в стране. Да и денежный приз финалисту становился всё больше и больше, потому что пока ещё никто не смог даже приблизиться к финалу. Миры и препятствия, в которые попадали игроки, были настолько реальными, что многим делалось дурно при виде очередной иллюзии в виде монстра, засовывающего в свою пасть очередного проигравшего. Славка не выдержала, увидев очередную сцену, где игрок не смог отбиться от гоблинов, и погиб.

— Слабак, я бы в один миг их разметала.

Алька захихикала.

— Да, ты у нас самая крутая, только мне кажется, ты бы всё равно не прошла. Уж больно всё там какое-то настоящее, мурашки вон по коже от страха бегут.

— А я ничего не боюсь, подумаешь, гоблин! — Славка кинула взор на пустую тарелку — как уплели бутики, даже не поняла. Зевнула и, взбив подушку, улеглась. — Всё, спим, мне уже скоро вставать.

Алька посмотрела на уже спящую Славку, улыбнулась, выключила плазму и тоже легла. Она долго не могла уснуть и смотрела на потолок, вздыхая время от времени — сказывалось нервное перенапряжение во время просмотра игры. Но вскоре веки её потяжелели, и она уснула.

Утром Алька проснулась от яркого света, пробивающегося из — под тонкой старенькой ткани занавесок.

«С первой полочки куплю новые солнцезащитные шторы, чтобы в выходные можно

было спать сколько душе угодно».

Она ещё немного повалилась и села на кровати. Приоткрыв слегка один глаз, посмотрела на аккуратно убранный диван, стоящий напротив.

«Уже унеслась к своей Никитичне. Помогает вносить свой вклад в повышении урожая путём окучевания и борьбы со злостными сорняками, забирающими все питательные вещества из почвы, тем самым уменьшая урожайность картофеля и других овощей, произрастающих на огороде. И зачем им всё это? Поехал в город и купил что нужно. Не, бабу Клаву ничем не прошибёшь — не буду есть искусственное. Сказала как отрубила, а кому огород сажать и полоть? Правильно — Славке. Уже, наверное, всё прополосала и сидит, чай попивает. Вот и я пойду, дел сегодня уйма, успеть нужно везде. Только как же себя уговорить открыть глаза».

Всё это время Алька сидела на диване, опустив ноги на пол, полусонная и с закрытыми глазами, пытаясь отвлечься. Наконец встала, не открывая глаз, и пошла в ванную. Обстановку в комнатах она уже выучила наизусть и поэтому без всяких происшествий оказалась в нужном месте. Войдя в душевую кабину, Алька включила воду и закричала — сон как рукой сдуло.

«Вот Славка, опять устроила сюрприз, вечно всю горячую воду выльет, а мне как специально одну холодную оставляет! Ну, ничего, я тоже ей когда —нибудь устрою что-то подобное! Только вот ещё бы встать раньше, чем она».

Весь сон смысла прохладная вода, и Алька наконец проснулась.

Вытерлась, накинула халатик и направилась на кухню. Включив чайник, пошла к холодильнику и, открыв дверцу, долго рассматривала его содержимое. Не найдя ничего вкусного, печально вздохнула. Подойдя к окну, посмотрела на улицу и залюбовалась открывшимся видом. Чистое, без единого облачка небо наполняло сердце радостным трепетом и счастьем. Яркое красное солнце практически стояло в зените. На яблонях в саду щебетали птицы, радуясь теплу и жизни. Зелёный цветущий ковёр из трав простирался от дома и до самого леса. Лёгкий ветерок, влетающий в окно, приподнимал тюлевую занавеску и обдавал Альку прохладой, сотканной из аромата зелени и разнотравья. Алька глубоко вдохнула и закрыла глаза, наслаждаясь запахами ещё утренней свежести, приносимыми ветром. Денёк наверняка будет жарким, Альке предстояла поездка в душный суетливый город.

Она с неохотой отошла от окна, услышав свисток чайника. Заварив себе чаю, села за стол и только теперь заметила стоявшую на столе сковородку, накрытую полотенцем. Откинув его, приподняла крышку и увидела поджаренные сырники и небольшие булочки.

— И когда только ты всё успеваешь делать? — проговорила она вслух и с наслаждением откусила ещё тёплую выпечку. Насытившись, ополоснула кружку и пошла в спальню, собираться.

Надев джинсы и футболку, Алька взяла сумочку и проверила, все ли нужные адреса на месте, убедившись в этом, достала из кармашка кольцо, отданное ей директрисой, и с интересом стала его рассматривать.

Алька напрягала память, стараясь вспомнить, было ли на руке у её матери это кольцо, но сколько ни хмурила лоб и не закрывала глаза, пытаясь в уме воспроизвести давние события, но так ничего и не вспомнила. Она видела у матери кольцо, но совершенно другое, хотя с таким же большим камнем... только голубого цвета.

Покрутив кольцо, рассматривая его со всех сторон, Алька поднесла его к окну и

посмотрела на тусклую игру граней белого камня.

— Нет, не помню, — проговорила она с досадой. — Может, она мне его не показывала, потому что для неё это было что-то личное. Всё равно память».

И уже не сомневаясь, Алька надела кольцо на палец левой руки. Оно оказалось впору, и девушка удивилась, ведь на первый взгляд кольцо казалось огромным и скорей предназначалось для какой-нибудь дамы.

Полюбовавшись вновь на игру камней, она решила отрезать себе кусочек булочки. Взяв нож, стала резать пополам душистую булку, но случайно попала по пальцу. Кровь мгновенно потекла из раны, Алька еле слышно заскулила.

— Ой, мамочки, что же я наделала?

Она вытянула руку подальше от себя и слегка приподняла. Зажмурился глаза, пошла к раковине. Алька с детства боялась крови, от её вида мутнел рассудок, сладковатый запах вызывал тошноту. Она чувствовала, как струйка крови потекла по пальцу прямо на только что надетое кольцо. К горлу подкатил комок, голову повело, Алька остановилась и стала глубоко дышать ртом, стараясь унять тошноту и головокружение. Падать в обморок никак не хотелось.

Она не видела, как камень в кольце ярко вспыхнул, когда ручеек крови протёк по нему. Из камня выскочили две призрачных змей. Они, разинув пасти, покачались, разминая тела от долгого сна, и повернули головы к новой хозяйке кольца. Она накормила их своей кровью. А они за время своего заточения, измеряемого несколькими тысячелетиями, забыли вкус крови, вкус мяса. Они забыли, как острые клыки вонзаются в горячую плоть.

Хозяйка добрая душой. Их острые раздвоенные языки коснулись в благодарность лица девушки. Чешуя на их телах заиграла переливами красного, но через мгновение стала вновь белой. Змеи-призраки взметнулись ввысь и одновременно обхватили своими клыками камень, медленно замирая и превращаясь в золотые крупоны.

Алька наконец почувствовала, что ей стало чуть лучше, подошла к раковине и, включив воду, подставила палец под холодную струю. В ноздри сразу ударил сладковатый запах крови, девушка отвернулась и держала палец под водой до тех пор, пока он не замёрз. Очень медленно повернула голову и посмотрела на руку, кровь перестала течь, и у Альки вырвался вздох облегчения.

Она пошла в спальню, открыла аптечку и, взяв бинт, вновь посмотрела на палец.

«И почему я порезала именно тот палец, на котором было надето кольцо?»

Представив, как она его снимает и задевает рану, из которой вновь течёт кровь, Алька скривилась вся, как будто лимон целиком съела. Махнув рукой, стала осторожно обматывать палец, в итоге забинтовала всю кисть. Посмотрев на свои труды, нахмурилась, и как раз в это время в дом вошла Славка, закричав с порога:

— Алька! Сестрёнка, ты дома?

Алька спрятала руку за спину, подхватила сумочку со стола и вышла из комнаты.

— Славка, вернулась, чего-то ты сегодня долго. Опять Никитична чаем поила?

— Неа, ещё круче, решила мне сарафан сшить. Прикинь, открыла сундук, ему, небось, лет двести, и стала отрезки доставать. Пока она их все достала, развернула, показала, рассказала, в каком магазине покупала. А потом, когда устала, мне пришлось эти отрезки назад складывать. Да ещё чтобы точь-в-точь как у неё было, иначе сундук не закроется. Надыбалла она мне какой-то отрез ситца оранжевого цвета, сарафанчик тебе сошью, говорит, чтобы мальчики тобой любовались. А то вы все одни да одни с Алей, а так гладишь и

понравишься кому. Прикинь, как увидят меня мальчики, — рот Славки расплылся в довольной улыбке, она состроила рожицу и закатила глазки, — так и упадут, сражённые наповал от красоты оранжевого сарафанчика.

Алька прыснула, а Славка, согнувшись пополам, схватилась за живот и зашлась в весёлом звонком смехе. Насмеявшись до слёз, они вытирали щёки.

— Всё, не могу, живот болит от смеха, а ты, я смотрю, уже собралась, так поторопись, а то автобус уедет. А я пока чего-нибудь вкусенького на вечер сварганю.

Алька встала, поцеловала Славку в щёчку.

— Всё, сестрёнка, не скучай, поехала я.

Всё это время она была начеку, пряча от Славкиного взгляда свою перебинтованную руку.

«Если бы Славка увидела, считай, поездку можно отменять. Были бы охи и вздохи, и вызов скорой, потому что вдруг гангрена или рана вновь откроется, и кровь невозможно будет остановить. Славка такая шумная и взбалмошная, всегда так сильно переживает. Фух, пронесло».

У Альки на лбу выступили капельки пота не то от переживаний, не то от жары. Девушка достала платок и вытерла лоб, увидев автобус, заспешила на остановку. Сидя на последнем сиденье, Алька мало обращала внимания на пассажиров и меняющийся пейзаж за окном, всеми мыслями она уже была на Химкинском кладбище.

Проехав практически весь город, вышла на остановке из автобуса. Учащённо билось сердца. Ледяные пальцы на руках слегка тряслись от волнения, она то и дело их мяла и растирала, пытаясь согреться и успокоиться. Увидев павильон цветов, обрадовалась, и на душе почему-то стало легче. С переживаниями и воспоминаниями о маме она совсем забыла о цветах.

Витрины павильона были выполнены из красивого разноцветного стекла. Войдя, Алька обрадовалась окутавшей её прохладе, перемешанной с ароматами цветов, стоящих в больших напольных вазах.

Походив немного, выбрала шесть белых роз, кончики лепестков которых окаймляли мелкие голубые стразы. Заплатив, вновь вышла на улицу и уже не обращала внимания на раскалённый пылающий жар, на спешащих куда — то прохожих, на трели птиц, распевających в кустах, росших вдоль забора, что отгораживал кладбище от шумного города.

Войдя в главные ворота, Алька подошла к указателю и стала рассматривать план кладбища. Буквы и цифры плыли перед её глазами, с большим трудом она нашла номер могилы матери и направление. Сориентировавшись, не спеша пошла, то и дело поглядывая на указатели. Идя по дорожке, чувствовала трепет взволнованного сердца и страх, гуляющий по её жилам. Он скручивал и наполнял ноги тяжестью и выкручивающей болью.

Алька остановилась и постаралась себя уговорить. «Ничего ведь страшного нет, сейчас ты увидишь её могилу и наконец поверишь в то, что её на самом деле нет в этом мире. Она в том месте, откуда возврата нет. Всё это время ты успокаивала себя мыслью, что она жила совсем рядом. Наблюдала за детдомом, прячась за углом соседнего дома, боясь показаться. Боялась не дать своей дочери того, что есть у неё в детдоме».

За этими тяжёлыми мыслями она не поняла, как ноги привели её к нужной могиле. Алька стояла над заросшим травой, едва видневшимся холмиком земли, с воткнутой в него небольшой табличкой, на которой чёрной краской было написано «Громова Лангрия Дмитриевна».

Алька не сводила глаз с имени матери. Её не интересовали ни фамилия, ни отчество, она знала, что они выдуманные, а вот имя — самое красивое, самое необыкновенное, как журчащий ручей, несущий живую прохладу и жизнь, — оно одно-единственное на всём белом свете. Вот она, жестокая правда, леденящая душу и открывающая глаза перед реальностью. Мамы больше нет — вот она, правда. И все Алькины детские мечты рухнули разом в бездонную пропасть.

Она копалась в своих воспоминаниях, пытаясь вытащить образ матери, но у неё ничего не получалось. Сплошной серый туман и в нём едва проявляющийся образ, как бы она ни боролась, пытаясь увидеть его, ничего не выходило. Может, поэтому не было слёз, не было душевного терзания и боли, и не было слов.

Алька не знала, что говорят, стоя у могил, со Славкой было легко, она всё время разговаривала возле могил деда и бабушки, будто они были живыми. Алька вздохнула, положила цветы на холмик земли, постояла ещё немного, смотря, как переливаются голубые стразы на белых лепестках роз от лучей солнца.

— Я приду и познакомлю тебя со своей сестрой. Она очень хорошая, добрая и памятник тебе закажем. Я обязательно вспомню тебя и попрошу художника нарисовать твой портрет на чёрном холодном мраморе. Мне будет так легче разговаривать с тобой, ты не скучай, мы придём скоро.

Алька смахнула со щеки одинокую слезу, развернулась и пошла.

Внутри неё пела грустную песню пустота, и чем — то эта мелодия была похожа на песню из детства, которую пела мать. И чем дальше Алька уходила, тем слабее и слабее слышала она слова песни, и всё твёрже и увереннее становились её шаги по мраморной крошке дорожек кладбища. Дойдя до выхода, Алька была уже совершенно спокойна.

Времени оставалось предостаточно до последнего автобуса в деревню, так что можно было не спеша отправиться за подарком Славке. Алька достала листок с адресом.

— Так, метро Пролетарская, 1 — й Крутицкий Переулок, 4/Я, — повторив ещё раз, она положила листок в сумочку. Дорога до нужного места пролетела быстро.

Аля шла не спеша, разглядывая старинные строения, людей практически не было, и ее это радовало. Не любила Алька большое скопление народа, вся эта толчея была не для неё. Пройдя несколько раз вдоль и поперёк весь переулок, она никак не могла найти литеру «Я». Она остановилась возле литеры «А», несколько минут постояла, посмотрела, оглянулась по сторонам в надежде увидеть нужный адрес, но кругом были древние строения из красного кирпича.

— И ни одной живой души, как назло. У кого спросить?

Алька разговаривала сама с собой, ей уже стало не по себе, и она решила выбросить эту затею с амулетом и поискать что-нибудь другое в подарок, и в этот момент боковым зрением заметила мелькнувшую чёрную тень.

Она резко повернулась и замерла — на неё, оскалив пасть, двигалась большая чёрная собака. Её грязная шерсть, местами склоченная в комки, местами свисавшая длинными тонкими сосульками, вызывала какое-то отвращение. Да и вонь шла от собаки омерзительно-могильная.

От этого смрада у Альки к горлу подкатила тошнота. Алька старалась дышать урывками. Острые клыки, видневшиеся из оскалившейся пасти собаки, вызывали у неё панический страх. Вначале она смотрела только на них, но, оторвав взгляд от пасти, мельком посмотрела собаке в глаза и замерла, парализованная ужасом. Ибо в тот момент ей показалось, что сама

смерть смотрит ей в глаза, или её прислужница-тьма. У собаки не было зрачков, а радужку заполняла шевелящаяся, вылезая и возвращающаяся обратно чернота.

У Альки перехватило дыхание, от макушки головы до самых пят прокатил ледяной озноб, да и вокруг, казалось, померк свет, стояла тишина, не было слышно монотонного гудения города. Где Алька взяла в себе силы, чтобы очнуться от гипноза, она и сама не знала.

Тяжело вздохнув, она, наконец, стала потихоньку приходить в себя. Первым делом вспомнила, что знала о бешеных собаках, другого определения она не могла дать смотревшей на неё твари. «Может, сбежала откуда и теперь бросается на людей. Поэтому поворачиваться спиной к ней никак нельзя. Нужно потихоньку, маленькими шажками, дойти до арки, которая буквально в паре шагов от меня».

Алька очень медленно переставила ногу назад и замерла. Она чувствовала глухие удары своего сердца, стучавшего тяжело и надрывисто от страха, скрутившего её тело в тугую жгут. Страх добавляли то и дело капающие на землю слюны из оскалившейся морды собаки. Взяв себя в руки, Алька осторожно стала двигаться назад, стараясь делать это совсем незаметно. Когда она увидела боковым зрением стенку арки, выложенную из красного кирпича, чуть не заплакала от облегчения.

Собака по-прежнему стояла на месте и не сводила с неё своих чёрных глаз. И только когда Алька прошла всю арку, она услышала недовольное рычание. Это было последней каплей для нервной системы. Внутренний голос кричал — беги, спасайся! Только ноги были совсем деревянными от страха, и всё, что она смогла сделать для своего спасения — это отскочить к стене арки, прижаться к ней спиной и зажмурить со всей силы глаза.

Её тело ощущало прохладную кирпичную кладку, и это приносило облегчение. Алька, чувствуя исходящую от старой стены древнюю силу, прижималась к ней всё сильнее. Как будто это могло её спасти от острых зубов собаки.

Порыв ветра вновь принёс смрадный запах, исходящий от собаки, и её грозный рык прозвучал где-то рядом. Алька дёрнулась, услышав его, и от испуга вся сжалась. Мысленно она кричала — спасите меня кто-нибудь, пожалуйста, спасите!

Она не видела, как две белые призрачные змеи одновременно появились из — под бинта. Раскрыв свои капюшоны, они распахнули пасти и бросились навстречу собаке. Зависли перед её мордой, озлобленно шипя. Из пастей то и дело появлялись раздвоенные языки, трясущиеся в нетерпении. Собака попятилась назад, а змеи, как будто только и ждали этого, разом набросились на объект, пытавшийся причинить их хозяйке вред. Восемь острых клыков вонзилось в морду собаке, и та, завизжав от боли, упала на землю и стала метаться, пытаясь лапами сбросить ядовитых созданий, причиняющих ей столько боли. Но вскоре её попытки освободиться становились всё слабее, и, пройдясь когтями по чешуе в последний раз, собака дёрнулась в предсмертных муках и замерла, вытянувшись. Змеи извлекли свои клыки из мёртвого тела и вернулись в кольцо.

Алька стояла с закрытыми глазами и не видела смертельного поединка своих заступниц. По её щекам бежали горячие слезы, и она едва сдерживала рвущиеся из груди рыдания. Но в какой-то миг она почувствовала, как страх лёгкой струящей дымкой стекает вниз из её тела в землю и исчезает. Пришло успокоение и понимание, что собаки больше нет. Слезы прекратились, Алька вытерла рукой мокрые щёки и открыла глаза, но вновь их зажмурила со всей силы, не поверив тому, что увидела.

Постояв немного, Алька постаралась успокоиться, вздохнула тяжело и вновь открыла

глаза. Она с замиранием сердца смотрела на представшую её взору красоту и не верила в то, что видит. Белокаменный город был завораживающе красив. Каждый дом — старинная архитектура, а одно здание, видневшееся вдалеке, захватывало своей высотой. Пик его уходил в небо и скрывался в белых облаках. Ярко-красное солнце не обжигало, а скорее ласково касалось своими теплыми лучами. Три ярких радуги, переливающихся разными цветами, зависли над городом как защитный купол, наполняющий всё живое в нём силой и благодатью.

Алька улыбнулась от охватившего её счастья и радостного трепета. Она осторожно сделала первый шаг, всё ещё не веря в то, что видит, и боясь, что эта красота может исчезнуть. Но город не исчез, и она не спеша направилась по тротуару, выложенному из белого гладкого камня.

Слегка приоткрыв рот от удивления, она с интересом рассматривала клумбу, на которой распустились необычные цветы. Завернув за угол первого дома, остановилась и вновь замерла от восторга. Перед ней расстилалась большая площадь, в центре которой звенел фонтан. Он мало чем отличался от фонтанов, которые Алька видела, разве что был очень большим и занимал практически всю площадь. В нём на хрустальных сталактитах стояли маленькие разноцветные феи. Из их поднятых и соединённых вместе ладошек взмывали потоки воды, окрашиваясь в цвет, которым была наделена фея.

Что это были феи, Алька не сомневалась, так как в мультиках видела их сотни раз. Она подошла ближе к фонтану, и её глаза широко распахнулись, когда из рук фей вода перестала литься, и показался огромный золотой дракон, гордо сидевший на голубом сверкающем камне в самом центре фонтана. Правда, любовалась Алька им недолго, так как из рук фей в небо вновь взметнулись струи воды и, падая вниз сплошным потоком, закрыли дракона.

Алька даже разочаровалась немного, она подошла поближе, присела на край каменного фонтана и опустила руку в воду. К ней тотчас подплыли золотые рыбки, рассмешив её, когда стали касаться своими ртами пальцев.

Услышав детский смех и разговор, Алька вскинула голову и посмотрела на идущих к фонтану людей. Увидев её, они остановились, в их глазах появилось недоумение, в скором времени сменившееся на страх. От их взглядов ей стало не по себе, весёлое настроение в один миг улетучилось. Она резко встала и, слегка опустив голову, прошла мимо застывших людей. Настроение ещё больше испортилось, когда Алька заметила, как женщина, схватив ребёнка за руку, отошла.

Алька уже давно не обращала внимания, как реагируют впервые увидевшие её люди, но никто никогда не прятал детей за спину.

Она сразу вспомнила, какую улицу искала, оглядевшись по сторонам, заметила справа от себя трёхэтажный дом. Зеркальные окна первого этажа притягивали взгляд своим сиянием и дивной игрой струй фонтана, что отражался в них. Красивый парадный вход с двумя круглыми колоннами, державшими стеклянную крышу, располагался посередине здания. Между первым и вторым этажом висела вывеска «Лавка чудес».

Настроение сразу вернулось. Неужели она нашла? Нужно будет Славку привести сюда, показать всю эту красоту. Может, мало кто знает об этом месте?

Всё это Алька обдумывала, осторожно поднимаясь по хрустальным ступенькам. Она чуть постояла в замешательстве перед белой деревянной дверью, но, отогнав волнение, схватилась за ручку и толкнула дверь.

Вошла в помещение, и все мысли вмиг улетучились — на неё смотрели мёртвые

стеклянные глаза неизвестного существа. Она очнулась, когда услышала грубоватый женский голос:

— Что вы ищете в нашей лавке?

Алька посмотрела в ту сторону и увидела двух девушек чуть старше её. Одна рассматривала свои ногти, а другая — Альку. Она водила взглядом по Алькиной одежде, и её нос с небольшой горбинкой слегка приподнимался, а губы то и дело брезгливо кривились. Оценив одежду, она, наконец, посмотрела на саму девушку и замерла в ожидании.

Альке вновь стало неудобно, из — под чёрных вразлёт бровей на неё смотрели зелёные холодные глаза. Алька вспомнила о Славке, её сестренка не ступевалась бы от такого взгляда, а еще такой разнос бы устроила, чтобы на всю оставшуюся жизнь запомнили. И Алька, собрав всю волю в кулак, ответила:

— Я видела рекламу вашего магазина и меня привлекла одна вещь. Это амулет солнца. Хотела бы его приобрести.

Алька видела, что пока она говорила, глаза девушки всё больше расширялись от удивления. Вторая девушка перестала пялиться на свои ногти и тоже смотрела на Альку во все глаза. После некоторого молчания первой очнулась та, что любовалась своими ногтями.

— Слышь, Верди, она, наверное, спрашивает амулет, который нам дед принёс. Ну, помнишь... такой ещё грязный, вонючий.

— Кто ж такого не запомнит. Только не пойму, о чём вообще говорит эта белобрысая?

— Т тебе какая разница, нам хозяин деньги платит за прибыль. Дай ей, что просит, и пусть убирается поскорей. Если кто придёт из верховных и увидит эту, получим мы нагоняй.

Верди зашла за прилавок, подняв стеклянную витрину, достала амулет солнца.

При виде его настроение у Альки вновь поднялось, она представила, как будет дарить такую красоту Славке.

— Сто ранний.

Алька не обратила внимания на последнее слово девушки, а открыла сумочку и достала кошелёк. Протянула девушке сотку. Та, нахмутив брови, посмотрела на протянутую ей бумажку, подняла глаза на Альку и ухмыльнулась.

— Слышь, она ещё и чокнутая, суёт мне какую — то бумажку вместо ранний. Если платить нечем, зачем пожаловала, голову нам морочишь.

— А может, она надеялась на свою магию и хотела нас вокруг пальца обвести. Да не знает глупенькая, что у нас всё под защитой.

Смотря на Альку, девушки залились звонким смехом, но смеялись они так, что Алька вновь съёжилась и отступила со слезами на глазах. Она не обратила внимания на то, что открылась дверь и в магазин кто-то вошёл.

— Что здесь происходит?! — резко прозвучал бархатистый мужской голос.

Только этого Альке не хватало, стало так стыдно. По её лицу пошли красные пятна, в сужившихся глазах читались растерянность и боль.

— Да вон, пришла мошенница, хотела нам вместо ранний бумажку подсунуть.

Алька опустила голову и, ни на кого не глядя, кинулась к двери. Рванув её, выбежала на улицу. Её грудь поднималась и тяжело опускалась от глубокого дыхания, её распирало от унижения и боли. Хотелось закричать во всё горло, чтобы освободиться от несправедливости, сжимающей в тиски лёгкие и сердце. Она не слышала приближающихся поспешных шагов и только когда на её плечо легла чья — то ладонь, вскрикнула и повернулась, выставив руки вперёд, словно защищаясь.

— Девушка, простите моих продавцов. Они на испытательном сроке и не умеют себя вести.

Последние слова молодой человек говорил всё тише и тише, во все глаза глядя на Альку. Губы незнакомца застыли на последнем произнесённом им слове и были слегка приоткрыты.

А она не могла оторвать взгляда от красивого лица и серых глаз с необычным тёмносиним ореолом вокруг зрачка. Высокий и широкоплечий, с прямым носом и широким подбородком, придававшим их обладателю чарующую притягательность. Длинные, цвета пепла волосы шевелил ветер, и парень был похож на сказочного принца. Да и одет он оказался по Алькиным меркам шикарно и необычно. Белые брюки из тонкой кожи обтягивали его крепкие натренированные ноги. В тон брюкам была и белая рубашка, сшитая из тончайшего лёгкого материала. Три растёгнутые пуговицы открывали загорелую кожу, покрытую светлыми волосами.

Казалось, всё вокруг замерло, и только эти двое смотрели друг на друга во все глаза. Две прозрачных змей, почувствовав страх, боль и растерянность хозяйки, вновь высвободились из кольца и ринулись на её защиту, вонзив свои острые ядовитые клыки в руки стоящего рядом человека.

Парень вздрогнул и удивлённо перевёл свой взгляд на змей. Алька увидела, как мышцы на его лице чуть передёрнулись от боли. Затем он вновь посмотрел на неё своими серыми глазами, едва шепча:

— Прошу меня простить. Я осмелился прикоснуться к жрице Аргадзона, за что и получил достойную расплату.

Только после этих слов с Альки сошло наваждение, и она, наконец, обратила внимание на змей. От их вида содрогнулась в испуге, но затем посмотрела на руку и её глаза расширились от удивления. Она постояла некоторое время, потом недоумённо перевела взгляд на незнакомца. Увидев, как по его лицу прошли чёрные нити, закачала головой, как бы отрицая то, что видит. В её груди разрастались боль и жалость. Поняв, в конце концов, что эти змеи появились из её кольца, она закачала головой, и всё внутри у неё закричало: «Нет! Нет! Нет!»

Змеи дёрнулись, уловив приказ хозяйки. И вытащив клыки из тела незнакомца, быстро скрылись под бинтами, вернувшись в кольцо.

Молодой человек слегка качнулся, его лицо чуть побелело, и даже цвет глаз поменялся, став темно-серым. Алька совсем растерялась. «Значит, всё, что мне рассказывала мама — правда. Про змей и Аргадзон». Сердце в груди пылало огнём от жалости к незнакомцу. Комок боли подступил к горлу, в носу зашипало, и на глазах выступили слёзы. Они закапали, как весенний первый дождь. Алька стала разматывать бинт с руки и когда убрала его полностью, стала снимать теперь уже ненавистное ей кольцо с пальца. Она нервничала, пальцы слегка подрагивали, и в них совершенно не было силы. Ей всё никак не удавалось стянуть кольцо со слегка опухшего пальца. Наконец у неё всё же получилось

— и не раздумывая она кинула его в сумочку.

Алька подняла лицо на незнакомца, а по её щекам все ещё текли слёзы.

— Вам больно? — едва проговорила она.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Я не стою ваших слёз. Жизнь не вечна, и если мне суждено умереть, то я умру, унося с собой ваш образ. Не каждому смертному дано любоваться красотой одной из жриц

Аргадзона. — Он вытащил из кармана рубашки носовой платок. — Позвольте, — и, не дождавшись разрешения, стал вытирать с её щёк слезы.

В его глазах читалось, что он считает её совсем ещё ребёнком, но прекрасным ребёнком.

— Прощу, вас не плачьте. Вот, возьмите, — протянул он ей платок, и Алька взяла его, и уголки её губ слегка приподнялись.

Слёзы сразу прекратились, и она успокоилась. Посмотрев по сторонам, Алька поняла, что не понимает, в какую сторону ей идти.

— Вы мне не подскажите, как мне до улицы Крутицкой дойти?

Брови незнакомца слегка приподнялись в изумлении, он немного постоял в замешательстве, обдумывая её вопрос, а затем указал рукой вперёд.

— Прощу!

Мысли в голове у Альки крутились роем. «Это я во всём виновата! Я! И амулет Славке не купила. И змеи укусили парня. Хотя, может, всё-таки они не настоящие? Ведь просвечивались насквозь. И мамы нет, чтобы расспросить».

Алька тяжело вздохнула, вспомнив могилу матери. Терзающие мысли прервал незнакомец.

— А вот и улица, которой вы интересовались.

Он стоял и смотрел на Альку.

Она в замешательстве остановилась. Арка, через которую она прошла, отсутствовала.

«Как же так? Я ведь хорошо помню злую собаку... и старую кладку арки».

Ей даже сейчас казалась, что руки помнят прохладу кирпича. Она повернулась и посмотрела растерянно на незнакомца.

— Ничего не понимаю, а арка где?

Незнакомец замер.

— Простите, вы уверены, что вам нужно в первую грань мира?

Алька не совсем поняла его вопрос, но чтобы не показаться совсем дурочкой, произнесла:

— Конечно, я немного заблудилась, мне на улицу Крутицкой нужно, там ещё постройки древние.

Парень, казалось, был в замешательстве и молча смотрел на жрицу, явно недоумевая, зачем жрице Аргадзона первая грань мира? Но, кажется, решил не спрашивать её.

— Разрешите вашу руку.

Алька взглянула в серые глаза незнакомца и положила свою ладонь в его руку. И тут же они оказались в ярком голубом потоке. Буквально через несколько секунд свечение исчезло, и они стояли возле арки. У входа лежала мёртвая собака, это можно было понять по её вытянутому телу, по ползающим и жужжащим над ней большим зелёным мухам. Алька попятилась в испуге и натолкнулась на незнакомца.

Он нежно слегка обнял её за плечи.

— Не бойтесь.

Она чувствовала своей спиной его сильное тело, его руки дарили тепло и покой. Её окутала сила незнакомца, Аля на миг закрыла глаз от блаженства и непонятного томления. Она никогда не испытывала ничего подобного. Повернувшись, она посмотрела на незнакомца и улыбнулась.

— Спасибо, мне пора.

Незнакомец залюбовался её улыбкой и красотой.

— Никого прекраснее в мире я не видел.

Поддавшись внутреннему порыву, он взял её руку и поднёс к своим губам. Алька не отрывала своих глаз от больших губ незнакомца, его прикосновения оказались очень волнующими. Ей так хотелось продлить минуты общения, но незнакомец отпустил её руку и вытащил из заднего кармана брюк знакомый ей амулет солнца.

— Разрешите исправить то недоразумение, которое произошло в моей лавке, и преподнести вам подарок. Вы ведь хотели приобрести именно эту вещь?

— Да — хотела, — едва проговорила Алька. Она протянула руку и взяла амулет. Рассматривая, покрутила, улыбнулась и приложила его к сердцу. Подняла светящиеся от счастья глаза на незнакомца. — Спасибо.

Альке очень не хотелось уходить, но как себя дальше вести с незнакомцем, она не знала, поругав себя за излишнюю скромность, развернулась и пошла.

Незнакомец стоял до тех пор, пока она не скрылась за поворотом. Кинув взор на мёртвую собаку, уловил остатки чёрной магии, но резкая боль, что прошла через всё тело, отвлекла, и он поспешил под арку. Развернувшись, сделал несколько шагов назад, встав к стене, закрыл глаза. Открыв их, оказался в своём мире.

Молодой человек не спеша зашагал по белому камню, и мысли его были одна мрачней другой. Необходимо срочно встретиться с адвокатом и написать завещание. Ещё никто не спасался от яда призрачных змей Аргадзона — никто. И он не питал иллюзий на свой счёт.

Он не знал, сколько у него осталось времени, на этот вопрос ему не ответил бы никто из живущих в двенадцати гранях мира живых существ.

Белый маг Леон Кранд Даунг решил не терять времени и отправился к себе в особняк. Адвоката можно вызвать и туда, а пока нужно заняться ядами и попытаться поискать противоядие. Хотя внутренний голос ему шептал: «Не тешь себя напрасными мечтами. Ты просто отстрочишь время своей смерти».

«Пусть! — отвечал маг. — Я хочу бороться за себя!»

«Борись — если хватит сил».

Но почему-то вот этих самых сил становилось всё меньше и меньше.

У Альки всю дорогу перед глазами стояло бледное лицо незнакомца, и её мучили тревоги. Анализируя, что случилось на улице Крутицкой, девушка всё больше приходила к мнению, что слишком нереальным было то, что она видела.

«Я ведь несколько раз обошла улицу вдоль и поперёк, пока искала ту самую лавку. И собака эта страшная... Только странная она какая-то была, особенно взгляд. И если бы я не закрыла глаза от страха и не попятилась, то наверняка не очутилась бы в том странном месте. Сколько «если»! Да и было такое ощущение, что я попала в совершенно другой город. Город в городе, противоестественно это как-то. Ой, я ведь совсем забыла о змеях, появившихся из маминого кольца».

Алька открыла сумочку, порылась в ней и нашла кольцо. Она покрутила его в руках, что же рассказывала мама о кольце и змеях — призраках?

«Мама говорила, что змеи закусали мужчину до смерти, когда он хотел причинить ей вред. И сейчас вон как клыки свои в парня вонзили. Ой! — Алька вспомнила, как по лицу незнакомца скользили чёрные извивающиеся нити. — Mamочки, что же я натворила?! Он умрёт! И я больше никогда не увижу его серых глаз. Я его вообще больше никогда не увижу!»

В носу заципало, из глаз вновь посыпались слёзы как горошины. Прислонившись к

стеклу в автобусе, она оплакивала незнакомца и свою несчастливую жизнь. Когда подъехала к деревне, платок, который он дал, был насквозь мокрым. Не спеша девушка побрела к дому, и когда открывала калитку, уже почти успокоилась. И только опухшие красные веки да натёртый нос, которым она иногда шмыгала, выдавали недавние переживания.

Алька поднялась по ступенькам, открыв двери, вошла в дом. Её обдало ароматом свежей выпечки и теплом. Это была не раскалённая уличная жара, а тепло самого дома. Любовь живших здесь когда-то людей осталась в нём и теперь окутывала и согревала девушек, которые здесь поселились. Альке стало хорошо, печаль и боль отступили. Она сняла кроссовки и услышала крик Славки:

Алька, это ты?!

Не успела она открыть рот, как Славка выбежала из спальни:

— Алюшка, моя хорошая! — Славка подбежала к ней и обняла. — Бедненькая, и глазки красненькие, и носик весь распух, — приподняв передник, вытерла им Алькин нос, — вот и ладненько, ну эти слёзы подальше, а я такой пирог испекла, сейчас поужинаем, и легче станет. Правда?

Славка заглядывала в глаза сестрёнки, пытаясь уловить её настроение. Алька улыбнулась, смотреть на Зариславу было одно удовольствие. Она всегда находила нужные слова, чтобы поддержать, всегда была рядом в самые тяжёлые и трудные моменты.

— Всё, хватит мокроту разводить, садимся за стол, у меня уже внутри свело от голода! — Алька улыбнулась Славке, прошла к раковине, вымыла руки и под села к столу.

Слава быстро доставала из закровов всё съестное.

Алька даже рассмеялась:

— Слава, успокойся, иначе мы съедим месячный запас.

— Да и фиг с ним, зато сытыми будем.

— Мы будем сытыми от одного твоего пирога. Да, кстати, с чем он?

— С клубникой. У баб Клавы насобирала. Она нам её с сахаром перетрёт — на зиму. Будет зашибись. — Она закрыла глаза, на ее лице засияла мечтательная улыбка.

Девчонки поужинали, убрали со стола и пошли в комнату.

— Ты в курсе, по просьбам народа игру «Призрачные миры» перенесли на три часа пораньше? Так что раздеваемся и смотрим пятый сезон, — выдала Славка и прыгнула на диван. Взяв пульт, включила плазму, подбила подушку и легла, довольная.

Алька тоже подбила подушку и прилегла. Наконец, после продолжительной рекламы, заиграла музыка и раздался голос ведущего.

— Да-а-а-мы и гос-с-пода! Леди и джен-н-тель-мены! — нараспев говорил ведущий, — приглашаю вас бросить все свои дела и окунуться в «Призрачный мир» с нашими игроками. Сегодня в пятом сезоне игры будет сражаться всем вам известный по второму сезону знаменитый игрок Викинг.

Появился светящийся разными цветами круг, и из него вышел мужчина под два метра ростом. Черные волосы были коротко подстрижены под ёжик, торс, оголённый до пояса, бугрился от мышц. Брюки плотно облегли тело и подчёркивали крепкие, натренированные мышцы ног. Кроме того, на мужчине были инертные мокасины. Они сохраняли температуру тела в любых погодных условиях, и к тому же были совершенно непромокаемы.

Камера показала арены и взрепевших зрителей и вновь переключилась на ведущего.

— А сейчас представляю вам другого игрока из Австралии...

— Какой он лапочка, — не выдержала Славка, осоловевшими глазами глядя на

ведущего. — Аль, скажи, что он просто супер! — Она посмотрела на Альку, та молча лежала и смотрела в потолок. — Аль, ты чего? О маме всё думаешь? — Славка встала и подошла к Альке. — Ты не переживай так сильно. Маму уже не вернёшь... — прилегла она рядом с Алькой, погладила подругу по белоснежным волосам, сочувствуя.

— Я не переживаю, Слав, просто грустно. Я сегодня где только ни была... Сначала на кладбище, а потом в таком месте, что теперь не понимаю, существует ли то, что я видела, на самом деле? Хотя если у меня остался платок, то тогда, наверное, существует.

— Не поняла, что за платок?! — Славка приподнялась и вопросительно посмотрела на лежащую рядом сестру.

— Не знаю, — мечтательно пропела та, — это платок одного незнакомца.

— Ого! — Брови Славки взметнулись в изумлении. — А ну, колись! Лежит тут, мечтает, а я и ни сном ни духом ни о чём! — Славка чуть ущипнула Альку за бок. От нетерпения её уже начинало бесить отрешённое состояние сестры.

Алька вскрикнула, потирая бок, и зашипела сквозь зубы:

— Ты чего, больно ведь.

— Больно ей! Тебя же по-другому из твоего сонного состояния никак не вывести! Да я тебя сейчас всю щипать начну, чтоб неповадно было! Я же вижу, втюрилась! И лежит, молчит! Ой, не могу больше! — Славка вскочила и заходила по комнате, воображение подкидывало ей всевозможные образы и распалило любопытство всё сильнее.

Алька села и медленно произнесла:

— Я только сейчас поняла, что и правда влюбилась. А разве такое бывает?

— Всё, не могу больше! Я тебя сейчас не ущипну, а просто придушу!

— Тогда ты ничего не узнаешь! — Смех распирает Альку, и она, не выдержав, расхохоталась.

— Посмотрите на неё, она ещё и ржёт как лошадь! — Славка села, сложив руки на груди, и надула губы. Нахмутив брови, исподлобья посмотрела на Альку.

Алька села рядом со Славой.

— Не сердись. Я больше его всё равно никогда не увижу. У меня такое чувство, что он из другого мира.

Брови у Славки снова приподнялись, она подобрала ноги, уселась удобнее на диване, помолчала немного. С трудом проглотила подступивший к горлу комок страха.

— И где ты его повстречала, на кладбище, что ли?

— Причём здесь кладбище! Там такое место необычное было. И он. — Алька тяжело вздохнула. — Он такой. — Она вновь замолчала, подбирая слова. — Очень красивый.

— Во описание! Зашибись! — Славка опустила ноги на пол и по привычке стала монотонно трясти правой ногой в быстром темпе. Нервы её были уже на пределе, она даже успела сгрызть ноготь на одном из пальцев. Неизвестность доводила её до бешенства. Не выдержав, вскочила и стала ходить по комнате взад — вперед, сильно стуча пятками по деревянному полу.

Алька мечтательно погрузилась в воспоминания, глаза её застыли.

— Высокий, пепельные длинные волосы заплетены в косу...

Славка остановилась, у неё медленно стала отвисать челюсть, повернувшись к Альке, она так и замерла с широко распахнутыми от удивления глазами и чуть открытым ртом.

— Белая рубашка идеально подчёркивала его широкие плечи, белые брюки, по — моему, из очень тонкой кожи, плотно облегли его крепкие натренированные ноги.

— Всё, пипец, я больше не могу! — Славка упала на диван, раскинув руки в разные стороны. Затем, вспомнив что-то, вскочила. — А лет-то ему сколько?

— Не знаю. Мне показалось, что он намного старше меня.

— Вот, блин, ничего ты никогда не знаешь! Полночи выпытывала у тебя про чувака, а ты толком ничего не можешь объяснить!

— Так чего объяснять, по-моему, ему за тридцатник.

— Ну, это ещё не совсем старый. Завтра же поедем, и ты мне его покажешь! Хочу хорошенько рассмотреть его кожаные брюки, и во всех ли местах они его хорошо облегают.

— Да ну тебя! Дурочка!

Алька засмеялась и повалила сестру на диван. Они поборолись, играючи и хохоча, а затем разбрелись по своим диванам. Славка выключила плазму.

— Ты и смотреть не будешь? — удивилась Алька.

— Какая игра, у меня сестрёнка влюбилась первый раз в жизни! Вот завтра посмотрю на него.

— Чего? — Г лаза у Альки полезли на лоб и рот приоткрылся.

Она представила, как Славка с головы до ног осматривает незнакомца въедливым взглядом, и от одних только этих мыслей уши и щёки у Альки стали напоминать варёного рака.

— Завтра? — прошептала она. — Ой, я ведь совсем забыла, мне завтра на собеседование нужно.

— Не поняла, какое собеседование? — Славка вновь приподнялась, облокотившись на руку.

— Я тебе не говорила, но я хочу стать врачом. Ты ведь знаешь, я так боюсь крови. Поэтому и решила этот год поработать санитаркой в больнице. А уж на следующий год буду поступать в медицинский.

— Вот это да! И ты всё это время молчала?!

— Слав, это ты такая боевая и энергичная, а я всего боюсь. Вдруг у меня ничего не получится.

— Не дрейфь, я буду каждый день резать свои пальцы и показывать тебе кровь, чтобы ты перестала бояться. А ещё лучше устроюсь с тобой в больницу медсестрой, летом всё равно делать нечего.

Алька представила, как Славка мечется вокруг больных, суёт им градусники и тащит всех в процедурную на клизмы. От такой заботы больные бегут из больницы, лишь бы быть подальше от настойчивой и заботливой рыженькой медсестры.

— Слав, а ты знаешь, мест больше нет. Я так долго уговаривала главврача, чтобы он меня взял.

Враньё Альке давалось с трудом, и если бы сейчас было светло, то Славка увидела бы её пылающие ярко-красные щёки и обо всём догадалась.

— Вот зараза! — выругалась Славка, — А я уже размечталась, как клизмы буду делать! Буду выбирать самых молодых — и в процедурную. Я их быстро бы всех вылечила! Знаю я этот молодняк, лишь бы не работать и не учиться, придумывают разные болезни. Меня не проведёшь!

Славка лежала на подушке, засунув руки под голову, и ухмылялась от собственных мыслей.

— Слав, ты не огорчайся так сильно, а вдруг у тебя будут палаты, где одни старики

лежат? Молодые редко ведь болеют.

Славка нахмурила брови, представив озвученную картину.

— Да и то верно, ну эту медицину. Вот история... — Славка вздохнула мечтательно. — Это жуть!

Она опять погрузилась в грёзы, но теперь напряжение спало с её лица, и полусонные глаза сияли от счастья. Вскоре с мечтами об учёбе она тихо засопела, погрузившись в сон.

Алька встала с дивана, укрыла сестрёнку одеялом, погладила по голове.

— Спи ты, ходячее приключение. Больных я от тебя спасла, пусть на историческом от одного твоего вида содрогаются. Достанешь ты всех профессоров своими вопросами, будут тебе рассказывать, чтобы ты отстала, даже то, чего никогда не было на белом свете.

Алька улыбнулась, представив эту картину, и легла на свой диван. На душе было легко и радостно, мыслями она вновь вернулась к незнакомцу. Она не верила в то, что змеи из кольца могли причинить ему вред, обняла покрепче подушку и погрузилась в сладкие сны.

Алька отработала уже неделю, она даже не представляла, насколько это тяжело — мыть полы и убирать палаты. Нужно было дать себе небольшой отдых, да и амулет не терпелось Славке подарить. Вечером Алёка сходила к Никитичне и пригласила ее и Федора Семёновича отметить начало своей трудовой деятельности, заодно отдохнуть.

Баба Клава прослезилась и, тяжело поднимаясь с лавки, промолвила:

— Спасибо тебе, девонька, спасибо, родненькая, да я уже больно стара, боюсь, не дойду! А вот Фёдора отправлю, пусть с вами, молодыми, отдохнёт, а то всё работа да работа. Да и Славе передай, пусть с утра забегит, я ей сарафанчик сшила. Хоть глаза уже плоховато видят, но вот должна я её хоть как — то отблагодарить. Столько мне помогает, и пол помоеет, и грядки переполет, и пирогов напечет. Вот кому — то счастье достанется, хорошая жена будет — заботливая. Ты не обижайся на старуху, ты тоже девушка видная и красивая, глаз не отвести, только больно скромная и тихая. А у Зариславы столько энергии, ни минуты на месте не посидит, и бойкая такая. Вот жалко, что Глафира не дожила, посмотрела бы на свою красавицу. — Никитична смахнула старческой рукой брызнувшие слёзы. — Ну да ладно, что ж теперь поделать! А ты ступай! Ступай, родимая! Как Фёдор приедет, всё передам, не волнуйся!

Алька ушла, но обиды на Никитичну за то, что та расхваливала Славку, совершенно не было. Что правда то правда, Славка на удивление энергична, весела и добродушна. Как солнышко, раздаёт всем тепло и заботу. Алёка, улыбаясь, вошла в дом.

— А ты где была!? — подлетев к ней, спросила Слава.

— Слушай внимательно, завтра мы устроим на поляне пикник. Ходила, приглашала Никитичну, но она отказалась, ссылаясь на старость, а вот дядю Фёдора пришлёт. И ещё она просила, чтобы ты к ней с утра забежала. Можешь, конечно, не с утра, я всё равно долго сплю. Если к обеду не проснусь — буди, ты ведь меня знаешь, могу весь день проспять.

— Так спи, пикник сможем и вечером сварганить.

— Вечером? Нет, я ведь тебе подарок купила, а его нужно днём примерять, для большего эффекта.

Славка подскочила:

— Подарок! Давай показывай! Я уже вся изнываю от нетерпения.

— Нет, сестрёнка. Подарок увидишь только завтра, — вымолвила Алёка и, подняв голову, прошла мимо сестры в спальню.

Славка смотрела в спину уходящей Алёке, хмурия брови и кусая ноготь. Если Алёка

назвала её сестрёнкой, то вероятность того, что она покажет подарок, составляет ноль процентов. Так было уже несколько раз, единственное слово, действующее на Славку, как ушат холодной воды, было «сестрёнка». Почему, она и сама не знала, может, оттого, что у Славки в этом мире роднее Альки уже никого не было. И это слово проникало ей в сердце, наполняя спокойствием и светом. Светом любви, так необходимым каждому на земле. От этого слова Славка замирала, и чувства родства и любви охватывали её всю.

Знала ли Алька о том, что Славка так реагирует на это слово, неизвестно. Но догадка была налицо, если подруга скрылась, уверенная в том, что Славка отстанет с расспросами.

Славка, понутив голову, прошла в комнату и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать. Взяв пульт, включила плазму и, надув губы, лежала и смотрела передачу. Алька, видя, что Славка обиделась, под села к ней на диван.

— Славущка, найди мне рекламу про морщины.

Брови Славки приподнялись, губы стали ещё пухлее.

— Зачем тебе?

— Нужно же знать, чем твои морщины выводить, вон как хмуришься и губы надуваешь.

Алька прыснула от смеха. Славка подскочила и, завалив Альку, стала щекотать, приговаривая:

— Я тебе покажу... крем от морщин! Я тебе покажу, как меня неизвестностью изводить!

Алька визжала на весь дом, вырываясь от Славки, но так и не призналась. Мало того, когда Славка, наконец, от неё отстала, она встала и, уходя к своему дивану, произнесла:

— За то, что ты так надо мной издевалась, я тебе не расскажу ни о первом, ни о втором подарке.

Славка вновь села на диван, провожая взглядом подругу, её шея при этом всё больше вытягивалась, и всё внимание было сосредоточенно на спине Альки. В какой — то момент Славка, потеряв равновесие, рухнула на пол, но быстро вскочила и юркнула под одеяло. Её всю разъедало любопытство, но она понимала — если Алька не призналась, то все попытки выудить из неё правду потерпят фиаско. И тогда Славка подумала о том, что она сама-то не догадалась купить Альке подарок. Она перебрала мысленно сотню идей, но так ничего и не пришло ей на ум. Вымученная, она наконец под утро уснула и проснулась, лишь когда лучи восходящего солнца пробились через небольшую дырочку в стареньких оконных занавесках. Они, веселясь, щекотали и согревали веснушки на круглых щёках Славки и играли с рыжими пушистыми ресницами.

Славка потянулась и улыбнулась новому дню. Посмотрела на качающегося туда — сюда мишку в настенных часах, и у неё округлились глаза. Быстро вскочив, она понеслась в душ, на ходу ругая Альку с её сюрпризами. Выскочив из душа, заорала на весь дом:

— Рота! Подъём! Та — та — та — та! Труба завет! Алька, всех женихов проспишь! Просыпайся, уже обед! Я побежала к бабе Клаве, а ты готовь продукты для пикника, и про подарки не забудь!

Славка ушла и унесла с собой шум, взбалмошность и суету. Алька улыбнулась, перевернулась на другой бок и, обняв одеяло, погрузилась в мечты, перетёкшие в сладкий сон о принце в белых кожаных брюках.

Славка, через некоторое время залетев на крылечко, рванула дверь и остолбенела с открытым ртом — в доме стояла гробовая тишина.

— Алька! — заорала она так, что посуда в шкафу слегка задрезжалась.

Алька открыла глаза, потянулась лениво, её веки налились свинцом, и от тяжести опять закрылись, правда, ненадолго, потому что в комнату влетела Славка. Она дёрнула одеяло и отшвырнула его в сторону — схватив сестру за плечи, стала трясти и кричать.

— Алька! Алька! Немедленно просыпайся! Дядя Федя звонил, скоро подъедет, а у нас ещё ничего ни готово! Не хочешь идти на пикник, подарки мне давай и спи, сколько влезет!

При слове «подарки», Альке пришла счастливая мысль: «Может, и правда отдать подарки и спать спокойно, а Славка пусть одна идёт на пикник».

Она повернулась, села, чуть приоткрыв глаза, и вновь зажмурилась. Затем вновь распахнула их от удивления.

— Слава, какая ты красивая!

Слава, собравшаяся отчитывать сестру, так и замерла с открытым ртом. Затем покрутила головой, осматривая себя, и расплылась в довольной улыбке.

— Нравится? Это мне баба Клава сшила.

— Очень нравится, ты прям как солнышко стала, вся рыженькая и светишься от счастья.

Алька передумала дарить подарок сейчас, на поляне под открытым небом будет намного приятнее его получить.

— Я сейчас, мигом. — Алька вскочила и побежала в ванную, на ходу крикнув: — Собирай корзину с продуктами, а я плед и полотенца возьму.

У Славки немного приподнялись брови в удивлении, видеть подругу такой бойкой ей ещё никогда не приходилось. Услышав, как полилась вода в душе, она пошла на кухню за продуктами. Дальше сборы проходили в тишине и спокойствии, девушки всё делали слаженно.

Подняв большую корзину, наполненную продуктами, Славка покачала головой.

— Ничего себе! Ты что, весь холодильник опустошила? — увидев, как Славка перегнулась под тяжестью корзины, возмутилась Аля. Она в это время скрутила плед, и в одно из полотенец завернула амулет солнца. Прикупленный билет на игру «Призрачные миры» она решила отдать вечером. Игра всё равно будет только через три месяца, но билеты уже распроданы, этот она и то втридорога купила.

— Почти. Есть-то что-то надо! — выкрикнула Славка.

— Ладно уж, давай помогу.

Алька подошла, и они дружно взялись за ручки. Всю дорогу Слава пыталась выудить у сестры, какой та купила подарок, но Алька смеялась и не сдавалась.

Поставив корзину на землю, они расстелили плед и разложили продукты. Алька посмотрела в сторону деревни. Но, не увидев дяди Фёдора, оглядела окрестности. На

поляне, где они устроились, буйствовали всеми оттенками радуги полевые цветы. Наполненный жаром ветерок ласково обдавал теплом. В воздухе носились похожие на вертолёты стрекозы. Кузнечики, потревоженные нарушителями их спокойствия, вначале притихшие, теперь распевали свои песни, стрекоча. Перелетая с цветка на цветок, недовольно жужжал большой лохматый шмель. Он сел на жёлтый, похожий на собачью морду, цветок, засунул в него голову и передние лапки и, жужжа, попытался протиснуться в бутон полностью, но толстенькое брюшко никак не хотело пролезать в узкое отверстие. Повозившись, он взлетел и недовольно зажужжал.

Алька подняла голову и посмотрела на голубое небо без единого облачка. В вышине распевали свои песни жаворонки. Похожие на самолёты ласточки кружили над поляной, ловя мошкору и бабочек. Из растущего рядом леса донеслась песнь кукушки.

— Хорошо-то как! — с восхищением произнесла Алька. На душе было радостно и светло. Ей казалось, что внутри у неё всё поёт и замирает от этой красоты.

Слава сидела, поджав губы, и не разделяла радости сестры, внутри у неё всё бурлило от нетерпения и ожидания. Алька же всё это время была невозмутима и делала вид, что не понимает, что от неё хочет подруга. Наконец, сжалилась над ней и протянула полотенце.

— Вот тебе мой подарок, замарашка.

Слава некоторое время сидела неподвижно, смотрела на полотенце, затем перевела разочарованный взгляд на Альку и, вздохнув, взяла подарок. Её руки замерли, когда нащупали в полотенце что-то твёрдое. Янтарные глаза вмиг вспыхнули золотом, сотни огней заблестели и заиграли во взгляде, наполнив его озорным восторгом. Потихоньку Славка стала разворачивать полотенце, от восхищения она вздохнула и ненадолго замерла изумленно. Затем поляну и всё, что находилось вокруг, оглушил её визг. Подскочив, она кинулась к Альке.

— Сестрёнка, где ты его достала?! Это же! Это! — Славка глотала ртом воздух, не в силах справиться с охватившим её возбуждением.

— Это амулет солнца! — произнесла за неё Аля.

— Да, да — точно! — Слава рассматривала амулет. — Ой, посмотри, какая чеканка из золота, наверное, даже грани солнца потёрты. А что, если этот амулет носили жрецы в древней Руси? — закрыв глаза, Славка представила события давних лет. — И где ты его только откопала?

— Не откопала, а увидела рекламу, написала адрес — и амулет у меня.

При воспоминании о загадочном месте и молодом человеке, подарившем ей амулет, Альке стало грустно. Как бы она ни старалась, но парень не выходил у неё из головы. И днём и ночью, она раз за разом возвращалась мысленно в то место, и сразу перед её взором появлялся он. Она искала сотню предлогов появиться возле странной и загадочной арки, но скромность не позволяла ей этого сделать. Так она и мучилась, терзаемая влюблённостью к незнакомцу.

— Алька, смотри, дядя Фёдор идёт!

Алька бросила взгляд на Фёдора Семёновича и вновь посмотрела на Славу. До чего же сестрёнка была хороша. Небольшого росточка, в ярко-оранжевом, сильно расклешённом сарафане, державшемся на удивительно тонких ляпочках — он ниспадал чуть ниже колен крупными воланами. Рыжие распущенные волосы волнами спускались ниже поясницы и блестели от лучей яркого солнца. На груди же красовалось солнце в виде амулета. Глаза у Славы возбуждённо горели, на слегка пухлых щёчках играл румянец, губы расплылись в довольной улыбке.

— Фёдор Семёнович, смотрите, какой мне ваша мама сарафан сшила! — Она крутанулась, демонстрируя обнову подошедшему Степановичу. — А сестрёнка, смотрите — какой амулет подарила! — Слава взяла амулет в руки и подставила солнцу. — Вон как на солнце переливается!

Она ткнула пальцем в золотую чеканку в виде солнца, демонстрируя игру металла. Яркая вспышка света озарила поляну, и на том месте, где только что стояла Зарислава, никого не было.

Алька и Фёдор Семёнович замерли в растерянности и изумлении.

Глава 9. Наследный принц Вампирии Альстрейд

Наследный принц Альстрейд первого королевства Вампирии, довольный и счастливый, стоял на крыше своего родового замка. Он смотрел на дворцовый парк — синие и фиолетовые лианы опутывали беседки, которые для ночных встреч облюбовала молодёжь. Невысокие деревья с листвой от бурого до тёмно-зелёного цвета, остриженные в форме шаров, были замысловато высажены по оттенку листвы, и с места, откуда принц лицезрел всю эту красоту, напоминали летящих птиц.

Альстрейд заострил внимание на видневшемся вдалеке Водопаде Ведьмы — самом загадочном месте в их королевстве.

Почему оно считалось таким?

Потому что водопад видели лишь немногие, и он был окутан тайной. Слухи ходили разные...

Мысли наследного принца прервались, облака над тем местом, куда он смотрел, прорезали яркие лучи солнца, рассекая туманную взвесь, закрывающую Водопад Ведьмы от любого взора. Лучи солнца, словно прожектора, осветили две высокие горы, похожие друг на друга как близнецы. Горы покрывала растительность с сиреневой листвой, плавно меняющая цвет на красный, она обрывалась у кромки озера, расположенного у самого подножия. В озеро с гор устремлялись семь водопадов, их воды окрашивались в цвет буйной растительности, что виднелась на склонах.

Принц едва дышал от вида этой красоты, в один миг ему даже показалось, что он слышит шум потоков воды, которые льются в озеро, над которым вновь поднимался туман. Альстрейд смотрел на серое небо, и гонимые ветром облака медленно плыли по нему, закрывая солнце. Карие глаза принца с восхищением смотрели, как серая взвесь вновь прячет от посторонних глаз загадочное видение. Хмурое небо опять зависло над головой наследного принца, не пропуская лучей обжигающего солнца, и ничего уже не напоминало о том, что Альстрейд сейчас увидел.

А видел он...

«Это же надо, какая удача! Увидеть один водопад, поговаривают, к большой прибыли. Два — к переезду. Больше трёх. не помню. Шесть — точно к наследству. А вот увидеть сразу все семь водопадов — встретить свою истинную любовь!»

На лице принца расплзлась довольная улыбка, у него было отличное настроение, в его жизни всё складывалось как нельзя лучше. Всего месяц назад отец пригласил в их замок принцессу Оженель, из пятого королевства Вампирии, сделав таким образом намёк сыну, что тому пора завязывать с холостой жизнью. Девушка была довольно мила, немного холодна и заносчива, но за скрывающиеся под платьем округлые формы можно было простить ей такие черты характера. Женидьба, конечно, пока не входила в планы Альстрейда, но с отцом спорить только себе хуже.

Принц покрутил в руке фамильное кольцо с крупным чёрным камнем, переданное ему сегодня отцом — неужели Оженель и есть его истинная любовь?

Альстрейд вспомнил разговор с отцом месяц назад.

— Сын, я прекрасно понимаю тебя, — говорил ему правитель, — ты находишься в самом прекрасном возрасте для мужчины. Занимая в обществе высокое положение, ты мало думаешь о своих поступках. Пока ты учился в военной академии, а затем служил в

королевском гарнизоне, я слышал о тебе только хорошее. Но как только ты вернулся во дворец, мне практически каждый день на стол ложатся письма от обиженных отцов и братьев. Ты, я надеюсь, понимаешь, о чём они пишут. И чтобы они навсегда забыли о позоре своих дочерей и сестёр, мне приходится откупаться золотом. И если так дальше будет продолжаться, то, боюсь, или наша казна опустеет, или тебя убьёт какой-нибудь ревнивец.

— Отец, я ведь не виноват, что девушки прохода мне не дают, они сами затаскивают меня в постель. — Рот принца расплылся в довольной мечтательной улыбке.

— Не смей мне перечить! — зло прокричал король.

Альстрейд нахмурился. Отец никогда не повышал на него голоса, неужели всё так серьезно?

— Так вот, ставлю тебя в известность, я отправил письмо королю Эймону, в пятое королевство. У него на выданье дочь, и я предложил ему заключить союз между нашими детьми. И заодно укрепить связи между королевствами. Для этого я пригласил принцессу Оженель к нам во дворец, чтобы вы могли присмотреться друг к другу.

— А если она мне не понравится?

Мысль о том, что он может не понравиться кому — то, даже не пришла принцу в голову. Высокого роста, с хорошо сложенным телом — за время учебы в военной академии оно стало сильным и накачанным, да к тому же сногшибательным для всех девиц королевства. Чёрные как вороново крыло волосы, чуть ниспадающие до плеч, всегда были тщательно уложены и смазаны маслами. В темно-карих, почти чёрных глазах блестел огонь веселья, и затухал он только тогда, когда их хозяин с чем —нибудь не соглашался или злился. В один миг его смоляные брови сдвигались, черты лица заострялись, тонкие губы сжимались от напряжения. Самым неотразимым в своей внешности принц считал чёрные усики и в тон им аккуратную длинную бородку. Он видел, с каким обожанием девушки смотрят именно на эту деталь в его облике. Помимо красивой внешности, он имел титул, а это весомый козырь в ухаживании за красавицами.

После приезда Оженель в замок мало что изменилось в жизни принца. Он был с ней мил и любезен, восхищался, как и положено по этикету, её красотой и умом, но не более. Как только наступала ночь, он перемещался к друзьям в кабак «Летучая мышь», пил игристую кровь и гулял до утра. Его отец, видя, что сын не изменил своего поведения и не проявляет никакого интереса к принцессе, решил схитрить и поставить сына перед выбором. Вызвав наследника к себе, король, смотря на него хмуро, строго сказал:

— Я вижу, ты не собираешься прислушиваться к моим пожеланиям!

Альстрейд возмутился:

— Отец, я всё делаю, как ты велел: я любезен, внимателен, и с утра до вечера стараюсь угодить принцессе!

— Вот именно! С утра и до вечера, а ночами ты... — Король замолчал и зло посмотрел на сына. — Хватит! Или ты делаешь предложение Оженель, или я опять отправляю тебя в гвардию! Будешь муштроваться с утра до вечера — сразу поумнеешь!

Брови Альстрейда сдвинулись к переносице, лицо нахмурилось, когда он вспомнил об унылых буднях в армии.

— Я согласен, отец. Завтра же сделаю предложение Оженель.

Король заулыбался.

— Вот это другой разговор, я знал, что ты сделаешь правильный выбор.

А чтобы подбодрить сына, он вынул из кармана коробочку, украшенную драгоценными

камнями. Покрутил её в руках, глядя на переливающиеся на свету камни, и засомневался в правильности своего решения. Но быстро отогнав нерешительность, открыл её, извлёк перстень и протянул сыну.

— Это родовой перстень. Каждый из наших предков дарил его своей жене. Последняя, кто его носил, была твоя мать.

Принц взял кольцо, бросив взгляд на грустное лицо отца. Столько лет прошло, а отец так и не смирился с её уходом. Да что там говорить, Альстрейд тоже сильно скучал по матери. Он покрутил в руках большой тяжёлый перстень — крупный чёрный камень держали четыре длинные толстые крапоны, похожие на острые зубы зверя. Приглядевшись к широкому ободку, Альстрейд увидел на внутренней его стороне гравировку. Внимательно пригляделся к буквам, но разочарованно отвёл взгляд, когда понял, что ему незнаком язык, которым написаны слова.

Король, заметив это, улыбнулся.

— Не печалься, я всё объясню тебе в день твоего бракосочетания с Оженель. Но это не единственный мой подарок. За то, что ты сделал правильное решение, тебя ждёт ещё один очень большой сюрприз.

Альстрейд, спрятав кольцо в нагрудный карман. Окинул взглядом верхушки близстоящих крыш. Посмотрел на самую высокую и острую, с железным флюгером, на самом пике она была в виде летучей мыши, и улыбнулся. Представил, как вечером опять отправиться в кабаки, и у него приподнялось настроение. Вот будет кутёж! Он устроит такую попойку по поводу расставания со своей холостяцкой жизнью, что всё мужское, а может, и половина женского населения Вампирии, будут долго помнить и рассказывать детям и правнукам, как пили и гуляли. Только вот до ночи ещё далеко, нужно слетать к Леону во вторую грань мира, поделиться с ним предстоящими изменениями в жизни.

Довольный и радостный, Альстрейд представил образ друга — и его подхватила энергия портала. Перстень на руке принца блеснул, и перед ним тут же появилась переливающаяся красным свечением магическая энергия другого портала, в котором стояла девушка.

Длинные, чуть ниже пояса волнистые рыжие волосы... Отдельные золотые пряди копны взлетали от энергии портала. В тон волосам на девушке был оранжевый сарафан чуть ниже колен, державшийся на тонких маленьких лямках. Широко распахнутые невинные глаза с янтарной радужкой не мигая смотрели на Альстрейда. Они не выражали каких — либо чувств. Длинные рыжие ресницы, тонкие и светлые дугообразные брови. Слегка вздёрнутый небольшой носик, на котором красовались рыжие веснушки. Смотря на них, принцу захотелось улыбнуться. Но самым притягательным казались её маленькие, слегка приоткрытые алые пухлые губки. А ещё — оголённая шея с тоненькой синей жилкой.

Альстрейд хищно улыбнулся, так вот о каком подарке говорил отец! Такая красотка! А у папаши есть вкус! И сколько же он отвалил за живого человека?

Принц сразу понял, что девушка — именно человек. Целый рой неизвестных запахов переполнял портал и кружил голову. По закону миров вампирам запрещалось пить человеческую кровь, наказание — мгновенное сжигание. Но всегда бывают исключения — иногда человек добровольно соглашается на смерть, отдав свою кровь. И той же самой кровью он должен записать своё согласие.

Стоило это, конечно, уйму денег. Потому что сначала нужно нанять мага, который согласится в мире людей найти такого добровольца, а затем ещё перенести его в Вампирию. За свою жизнь Альстрейд слышал всего о двух таких случаях.

Ай да отец! Вот так порадовал! Запах человеческой крови пробудил все древние инстинкты рода. Альстрейд почувствовал, как его клыки начинают расти, он едва сдерживал своего зверя. Сначала он насладится другим способом с человеческой девушкой, а потом устроит себе пир. Вот это подарок! Испытать наслаждение с человеческой девушкой... Она необыкновенно хорошенькая!

Принц коснулся плеча девушки, провёл пальцем к небольшой груди. В предвкушении наслаждения поддел тонкую ткань и натянул её. То, что он увидел, оправдало его ожидания — упругие и манящие холмики возбудили в Альстрейде волну жгучего желания. В нетерпении он скользнул рукой под сарафан. Его пальцы прикоснулись к твёрдому небольшому сосочку девичьей груди, губы расплылись в мечтательной улыбке.

И тут же рука девушки резко взлетела вверх и её тяжёлый кулачок со всего маха впечатался Альстрейду в глаз. Принц вылетел из портала и ударился головой о ствол встретившегося на его пути дерева. Ярчайший сноп искр вспыхнул в его глазах. Над головой закружились и запели маленькие птички неизвестного вида и рода.

Девушка выскочила из портала, упав на колени. Тонкая ткань лифа сарафана провисла, явив взору наследного холмики её груди. Жар возбуждения снова прокатился волной по его телу и ударил в голову. К кружащим птичкам добавилась ещё стайка, и они дружно и весело загомонили.

Принц облегчённо выдохнул, когда девушка быстро вскочила, но неожиданно сразу заорала на весь лес.

— Ты что, охренел?! Бля... ходячая, да я тебя х... урою. Ты куда руки суёшь — козёл бородатый! Я тебе сейчас, козлячья твоя морда, все рога пообломаю! Ты что, совсем страх потерял. — Она слегка наклонилась над лежащим принцем, в её янтарных глазах плясали оранжевые огоньки гневного пламени, чёрный зрачок расширился, бешеным взглядом она поедала Альстрейда.

Во всей её пламенной речи наследный принц Вампирии смог разобрать только несколько слов. Остальное для Альстрейда осталось загадкой, у него сложилось впечатление, что девушка одновременно разговаривала на двух языках. Он успокоил себя тем, что не знал второго наречия, но какие-то сомнения всё-таки закрались. Ведь магическая энергия порталов, окутывая находившегося в нём, и наделяет знаниями языковой речи существ, живущих в той грани, куда следует перемещающийся.

Наследный принц с отвисшей челюстью и ошарашенным взглядом смотрел на орущую на весь лес девушку. Вся живность в лесу затихла вместе с ним, будто с испугом вслушиваясь в крики. И лишь одна птица, не справившись с любопытством, прилетела на столетнюю берёзу и удобно устроилась на нижней ветке, под которой сидел Альстрейд с осоловевшими глазами, внимательно следя за бегающей девушкой.

Ворона решила поддержать пламенную речь рыжей и во всё горло каркнула. Девушка остановилась и, подняв голову на птицу, осмелившуюся перебить её тираду, вновь заорала:

— А ты чего здесь расселась, бл... и каркаешь? Я тебе сейчас каркну, возьму твой клюв и засуну в заднее место, чтобы навсегда забыла, как рот открывать!

Ворона поводила головой, с ещё большим удивлением рассматривая рыжеволосую, орущую на весь лес, а потом, взмахнув крыльями, переместилась на верхнюю ветку от греха подальше и вновь каркнула, но тут же вспорхнула и полетела быстрее куда подальше от кинутой в неё палки и бранных слов.

— Ах ты, кошёлка старая, раскаркалась тут, без тебя тошно! Попадись ты мне ещё,

точно голову откручу!

Наследный принц с трудом сфокусировал взгляд на бегающей перед ним рыжеволосой. Её волосы вспыхивали огненными вспышками от попадавших на них лучей, что умудрялись пробиться через густую листву. Хаотичные движения сейчас больше напоминали пламя взбесившегося костра. Оранжевый сарафан взлетал от резких движений, оголяя божественно стройные ножки.

Альстрейда вновь обожгло жаром от вида загорелой кожи. Не отрывая затуманенного взора, он медленно вёл взглядом вверх, рисуя в уме обнажённое девичье тело. Обрисовав округлые бёдра, плавно перешёл к тонкой талии, которую сейчас обнимали изящные пальчики. Принцу показалось, что они были очень напряжены. Идя дальше взглядом, он выхватил согнутые локти, взгляд ещё поднялся и с замиранием сердца принц остановил его на округлостях груди. Воспоминания были ещё очень яркими, и уголки губ Альстрейда чуть приподнялись в счастливом предвкушении, но тут же опустились от раздавшегося вопля.

— Ах ты... чмо болотное! Ты чего меня таким взглядом рассматриваешь! Тебе, видать, мало! Так я добавлю, чтобы на всю жизнь запомнил, бл... рогатое, чтобы ты ручищи с глазищами не распускал!

Острая босая пяточка со всего маха въехала наследному принцу в берцовую кость. Его брови взлетели и остались там надолго, глаза расширились так, что напоминали блюдца из королевского столового сервиза, подаренного отцу. Тогда ещё совсем юный принц с интересом рассматривал подарок, вертя крохотные чашечки и блюдца в руках и недоумевая, зачем они им нужны. Но отец его успокоил, сказав, что это очень дорогой подарок, и выполнен он из песков вод озёрных нимф. Уже то, что они разрешили кому — то коснуться их вод, делает смельчака героем. Альстрейд был удивлён и спросил, зачем им нужен такой подарок? На что отец ответил, улыбаясь, что сервиз подарен от чистого сердца, ну а применение ему всегда можно найти. Можно, например, угощать кофеом послов из других граней.

Сейчас наследный принц с полной уверенностью мог сказать, что размер его глаз и блюдца из сервиза совпадают. Крик боли застрял где-то в горле, да там и остался.

Рыжий сарафан вновь взлетел вместе с копной рыжих волос и стал удаляться, теряясь среди белых стволов берёз.

Наконец, фейерверк перед глазами принца пропал, и птички тоже улетели в неизвестном направлении, и от этого стало сразу как — то легче. Прислонившись головой к дереву, Альстрейд смотрел, как между деревьев мелькают оранжевый сарафан и голые пятки. Рыжие волосы девушки поднимались в такт её прыжкам и опадали, словно пламя костра.

«Что это сейчас было?» — спросил он жалобно у себя самого, надеясь получить ответ. Но внутренний голос подозрительно молчал. Глаз опух и болел, на затылке наверняка будет синяк. Он потрогал голову, и его лицо перекосилось от боли, так и есть, вздулась огромная шишка. Нужно ощупать ногу, возможно, эта бешеная её сломала. Кусать её уже совершенно расхотелось, можно подцепить какую-нибудь заразу, а ещё хуже — какой-нибудь неизвестный вирус бешенства.

Принц осмотрелся, вокруг росли высокие деревья с белыми стволами и зеленой кроной, закрывая собой палящее солнце в двенадцатой грани мира. Это его и спасло, кожа вампиров сгорает от попадания только прямых солнечных лучей.

«Двенадцатую грань редко кто посещает, магии мало, живут только оборотни, и они

яростно защищают свои земли от чужаков. Может, у них эпидемия бешенства гуляет? Вернётся назад эта чокнутая и покусает ещё. Ноги пора делать из этого незнакомого мира. Без магии я словно младенец, вампирская сущность не проявляется, и как теперь возвращаться во дворец? Желания совсем нет, не поймут придворные. Не поймут. А отец! Что это был за подарок?! Или решил посмеяться надо мной?»

От этих мыслей принц вскочил, злой и разъярённый. И тут же его лицо исказила гримаса боли, захромав к порталу, он едва себя успокоил. Нет. Никто не узнает, что только что с ним произошло! Чтобы он объяснял, что его побила девушка, такого он даже под пытками не стал бы говорить! Поездка к другу не отменяется, но принимает весьма неприятный исход. Конечно, синяки сойдут через сутки, но он ведь обещал друзьям устроить попойку в «Летучей мышь». Придётся просить мага, чтобы подлечил. Очень не хочется, но выбора нет.

Альстрейд вздохнул. Сразу ведь обо всём догадается, но хоть синяки уберёт. Вот это отец и подфартил с подарком, не ожидал он такого от короля! Не ожидал! Решил отомстить за гульбу по ночам, но, ничего, Альстрейд еще разочарует батюшку. Очень захотелось посмотреть на его оторопевшее лицо, когда принц предстанет пред правителем целым и совершенно невредимым, довольным и счастливым. Альстрейд остановился, злорадно улыбнулся, клыки сами удлинились от воспоминания об убегающей девушке.

Может, кинуться за ней вдогонку и разорвать на мелкие кусочки, всё равно ведь оплачено?

Он осторожно шагнул, бросил взгляд на больную ногу, потрогал шишку на голове. Всмотрелся в ряды берёз, с надеждой увидеть оранжевый сарафан.

«Пятки сверкали так быстро, уже, наверное, и след простыл. Где мне её теперь искать?! Нарвусь ещё на оборотней, скорей всего, они уже бегут спасать своё рыжее создание. Так орала, что наверняка всю двенадцатую грань мира переполошила. А, ну её!» — махнув рукой, он решил не искать девушку.

Наследный принц повернул кольцо внутрь ладони, и перед ним засветилась голубая магическая энергия. Она подхватила вошедшего и понесла по порталному переходу, и каждый раз, когда он пересекал очередную грань, она меняла цвет на тот, что был присущ только данному миру.

Принц не замечал ничего вокруг, внутри кипела злоба — на себя, на девчонку, но, конечно, больше на себя.

«Слюни распустил, размечтался, а она как опытный боец всё это время была начеку и только ждала момента. Вот тебе и учёба в военной академии, и служба в гарнизоне. Где все твои навыки, принц Альстрейд? Где боевая выправка? Хорошо, что друг — маг. Связала же нас судьба на поле боя десять лет назад. Крупная была заварушка, гоблины и орки прорвались в седьмую параллель мира. Вот тогда и набирались добровольцы на улаживание этого конфликта. Отлично меня дубиной приложили, чуть череп не проббили. Тогда у меня тоже птички в глазах летали, правда, немного покрупнее, а потом сразу наступила темнота. Леон вовремя подоспел, раскидал заклинаниями орков и, подхватив меня, скрылся в портале. Да и в лазарете меня навещал. Так и сдружились».

Принц прервал свои мысли, яркая золотистая вспышка осветила портал, предупреждая Альстрейда, что он находится во второй грани мира.

— О, Леон, привет!

Вскинув руку, Альстрейд поприветствовал сидевшего в кресле мага и осторожно

опустился в другое кресло, стоявшее напротив. Леон с бледным, как полотно, лицом никак не отреагировал на появление гостя, он держал в руках книгу и сосредоточенно читал.

— Я даже не сомневался в том, что ты читаешь. Ты хоть девушку заведи, или сходи прогуляться. Одна скукота, как ни появлюсь у тебя — ты с книгой. Я вот, в отличие от тебя, жениться надумал!

— Надумал или приказали? — произнёс Леон, не отрываясь от книги.

— Да чего мне приказывать, Оженель девушка красивая, аппетитная.

— Тебя во дворце не кормят?

— Чего ты к словам придираешься, я же образно.

— Я понял.

Маг оторвал взгляд от книги и, нахмутив брови, замер, поглядев на вампира. Он осмотрел его несколько раз с головы до ног, и его брови в это время то взлетали вверх, то сближались на переносице и вскоре он, ухмыляясь, вынес свой вердикт:

— Тебя, наверное, отмолотил чемпион по боксу.

— Вечно ты со своими словечками, лично я ничего не понял из того, что ты сказал.

— Чего непонятного, я сказал, наконец, тебя побили.

— А почему чемпион по боксу?

— Судя по твоим мелким ушибам и синякам.

— Так сильно заметно?

— Не очень, но сразу видно, что это была девушка. Парень не будет бить ногой лежачего, да и шишка на голове не от руки, а вот синяк под глазом — это нечто! Синенький такой, с отливами чёрного. — Маг с трудом сдерживал рвущиеся вверх уголки губ, стараясь не рассмеяться. — Неужели одна из твоих воздыхательниц узнала, что ты женишься, и решила напоследок как следует отколошматить тебя сковородкой?

— Ни одна вампирша не поднимет руку на наследного принца своего королевства!

— Я об этом догадался, и позволь тогда у тебя спросить. В каком измерении тебя носило?

— Да от тебя ничего нельзя скрыть. — Альстрейд встал и возмущённо посмотрел на друга. — Может, хватит издеваться, лучше полечи, не могу же я во дворце в таком виде появиться! А у меня сегодня мальчишник в «Летучей мыши». Кстати, тебя тоже приглашаю.

— Хорошо. — Леон закрыл глаза и направил руку на лицо вампира.

Альстрейд почувствовал сначала лёгкое тепло в области глаза, затем — возле затылка и ноги. Постепенно жар в этих частях тела нарастал, а затем сменился покалыванием.

— Всё, можешь открыть глаза. — Леон откинулся на спинку кресла, его серые глаза были пусты и печальны.

Альстрейд открыл глаза, потрогал затылок, глаз, ногу.

— И как это у тебя получается? Я всегда знал, что ты когда-нибудь обязательно пригодишься. — Довольный принц направился к холодильной полке. — У тебя случайно в холодильнике не затерялся мой коктейль? О, спасибо, вижу! — Вампир взял бутылочку с красной жидкостью, на красочной этикетке красовалась надпись: «Синтетическая кровь». Вернулся и сел в кресло, развалившись, открыл крышку и сделал глоток. Затем спросил, будто только об этом вспомнив: — Слушай, хочу у тебя спросить, ты иногда как-то странно выражаешься, словечки разные непонятные, откуда их знаешь?

— Ничего странного, моя «Лавка Чудес» находится практически на пересечении двух граней мира. Мира магов и мира людей. В наш мир могут пройти единицы, и то случайно, а

вот магам ничего не стоит посетить иной мир. Мы же от них ничем не отличаемся. Единственное различие — магия, но она не проявляется в первой грани.

— Девушки из первой грани, — призадумался вампир, — какие они?

— Они очаровательны, милы, нежны, — улыбнулся маг, погружившись в воспоминания.

— И? — продолжил за него вампир в нетерпении.

— И очень отличаются от всех жительниц двенадцати миров. Не внешностью, есть у них какая-то внутренняя красота и сила духа. С чего это ты проявляешь интерес к их миру? Хочешь посмотреть? Но ты ведь знаешь, что сгоришь под лучами их солнца, да и от человеческого запаха проявится твоя суть. А это, как ты понимаешь, чревато, то есть — смертельно.

— Пока желания нет! — резко ответил вампир, вспомнив злой взгляд рыжей. — А вот скажи, все ли слова тебе понятны, когда ты общаешься с ними?

— Нет, конечно, у меня на этот случай есть энциклопедия.

— Чего?

— Книга такая, находишь по списку неизвестное слово и тут же читаешь, что оно означает. К тому же я дописываю туда новые слова. Речь сильно изменилась за несколько столетий. Какое слово тебя интересует?

— Козёл, — не раздумывая, вымолвил вампир.

— Что? — Брови Леона взлетели вверх в одно мгновение, он смотрел на друга с расширенными глазами, вскоре его плечи стали трястись от пытающегося вырваться смеха и, не в силах более сопротивляться, маг зашёлся в весёлом хохоте. Он пытался что — то сказать, но от смеха не мог произнести ни одного слова.

Вампир зло смотрел на друга и наконец, не выдержав, вскочил с кресла. Маг, видя, что друг обиделся, встал, всё ещё давясь смехом, и подойдя к столу, взял толстую книгу. Перелистнув несколько страниц и найдя то, что хотел, стал читать.

Козёл — жвачное парнокопытное животное, семейства полорогих с длинной шерстью...

Не успел он дочитать, как наследный принц подскочил к нему и вырвал книгу из рук. Ноздри Альстрейда расширились от злости и частого дыхания, в глазах забурлила злоба, клыки вновь выросли, он был готов не то что искушать — загрызть ту, что так его оскорбила.

На зачарованном листе книги шевелилось для лучшей убедительности изображение небольшого животного с длинной бородой и двумя острыми рогами. Придурковатости животному добавляли тупое выражение глаз и длинные острые уши. Животное быстро двигало своими челюстями, вероятно, что — то жевало, при этом борода козла дёргалась из стороны в сторону. Неожиданно козёл перестал жевать и издал визгливый, чуть вибрирующий гортанный противный звук «Ме-ме-ме».

Книга в руках вампира от неожиданности заходила ходуном, подлетела вверх и чуть не упала. Альстрейд успел её поймать и зло сощурил глаза, но потом, что — то вспомнив, вновь открыл книгу и по алфавиту нашёл ещё одно неизвестное слово, боясь очередной вспышки веселости друга.

Проверив весь список животных на «ч» и не найдя там того, что слышал, призадумался. «На болотах бывал не раз, видел всяческую живность и нечисть, но про «чмо» не слышал. И в словаре нет, может, данный вид обитает только в первой грани мира? Тогда почему в словаре ничего нет? На лице принца блуждала масса эмоций, сопоставив всё сказанное рыжей, он пришёл к выводу, что это слово могло быть на другом, неизвестном языке.

Даже магия оказалась бессильна в попытках перевести пламенную речь бешеной. Вновь

открыв книгу, Альстрейд решил опять спросить мага.

— Вот... — но не успел договорить, как увидел, что друг на него внимательно смотрит, и, судя по глазам, всё ещё смеётся.

— Может, расскажешь, кто эта таинственная незнакомка, умудрившаяся наставить синяков наследному принцу вампиров, да ещё обозвать его козлом. И кто — то мне сейчас говорил, что не собирался посещать другие грани.

Леон больше не смеялся, внутреннее предчувствие чего — то нехорошего нарастало как лавина векового снега, скользящая вниз с отвесной скалы. Перекипев от злости, Альстрейд хмуро посмотрел на друга и, махнув рукой, проговорил:

— Хорошо, начну по порядку. Сегодня я дал согласие на свадьбу с Оженель и отец вручил мне родовой перстень в знак одобрения. Я, окрылённый мечтами, поднялся на крышу нашего замка. Стою, любуюсь красотами королевства, вспомнил про тебя, решил поделиться с единственным другом радостной новостью. Открыл портал, намереваясь войти в него, и вдруг открывается другой портал, и меня подхватывает бушующая в нём энергия, неся в неизвестном направлении. В портале стояла хорошенькая девушка. Все мои древние инстинкты пробудились при виде человека. Я подумал, что это подарок от отца за то, что я согласился жениться. Сарафанчик на девушке был, я тебе скажу, более чем откровенный, маленькие тоненькие ляпочки и кусок оранжевой ткани. Я захотел лицезреть ее очаровательные груди, прошёлся пальчиком по ним и получил в глаз.

Вампир ждал, что друг опять рассмеётся, но тот, наоборот, стал очень серьёзным, и тогда принц продолжил:

— Вылетел я от этого удара в двенадцатом измерении, и прям головой в дерево. Портал осветило зеленым, вокруг всё тоже зеленое, солнце сквозь листву светит до рези в глазах. Девушка упала, встала, отряхнулась и накричала на меня, половину слов я не разобрал. Но за козла она мне ответит.

У вампира вновь заблестели глаза от предвкушения встречи, клыки оголились, очнувшись от мыслей, он закончил:

— Вдобавок ударила меня своей маленькой, но очень сильной стройной ножкой, и убежала.

— А ты?

— Что я?! Открыл портал, куда мне было деваться, ты ведь знаешь, что в двенадцатом измерении магии очень мало... и моё тело... — Вампир замолчал, вспомнил, насколько он был беспомощным и слабым. — Вот если бы эта рыжая попалась мне в любой другой грани, я бы. — Перед глазами вспыхнули янтарные зрачки, искрящиеся бешенством. Хотя, может, лучше вообще не трогать нервное создание. Подумав уже более спокойно, Альстрейд продолжил: — Куда мне было деваться еле живому, вспомнил, что у меня друг маг — поможет, вылечит.

— Ты её оставил одну в незнакомом мире? — закричал маг.

— Да что ты кричишь! — Вампир вскочил с кресла и нервно заходил по гостиной. — Поверь, эта девушка нигде не пропадёт! Да и почему ты решил, что мир ей незнаком? Убегала она совершенно уверенно.

— Это ты сам так решил, что нигде не пропадёт! — У Леона перехватывало дыхание от гнева. — Ты понимаешь, что жители двенадцатой грани не перемещаются в порталах!

Вампир призадумался.

— Да, что она человек, я понял сразу, у меня даже клыки стали расти. Но потом я

решил. в общем, неважно, что решил. Затем меня больше стали волновать мои синяки и непонятные слова, которые не смогла перевести магическая энергия двенадцатой грани. Ну а кто у нас специалист по словам и лучший лекарь? — И он смотрел вопросительно на мага. — Правильно — мой лучший друг. Вот я и ринулся к тебе, и какое мне дело до. — Вампир подбирал нужное слово. — До девушек, не умеющих себя вести.

Принц не успел договорить, его перебил маг — спокойно и обречённо:

— Боюсь, её уже и в живых нет. Оборотни не впускают в свою грань чужаков. Убивают всех, кто заходит на их территорию. Тебе ещё повезло, что рядом никого не оказалось.

О себе Альстреид не беспокоился, но вот от мысли, что девушку убили, сжалось сердце. Он вспомнил её золотистые волосы, легко поднимающиеся от движения энергии портала. Даже после всех оскорблений, которые она ему нанесла, Альстреид не хотел, чтобы она умерла. Может, и не умерла?

— Да я обо всём на свете забыл, когда её увидел! — Принц продолжил нервно ходить перед магом. — Так, может, она всё-таки из двенадцатой грани мира, и ей ничего не угрожает? -

Альстреид, высказав свои мысли, смотрел на мага, но тот, не обращая внимания на принца, рассуждал.

— Люди первой и двенадцатой грани очень похожи. В первой грани мира вообще не знают о порталах и гранях. Исключения можно пересчитать по пальцам и этих людей всегда кто — то сопровождал. В двенадцатой грани, насколько я помню, только шаманы. Возможно, новенькая ведьмочка появилась, но её энергии не хватит, чтобы перемещаться в порталах. Или... — Маг замер от промелькнувшей мысли. — Или... если только на ней нет артефакта. Было ли что-то необычное на девушке?

— Сарафанчик ярко-оранжевого цвета на тонюсеньких ляпочках. — Вампир расплылся в довольной улыбке, вспоминая девушку.

Маг не выдержал и зло, чеканя каждое слово, спросил:

— Ещё что, помимо са-ра-фан-чика?

— Амулет в виде солнца, он ещё ярко так сверкал.

— Что?

У Леона из груди вырвался стон боли, он закрыл лицо руками, чтобы вампир не видел его, отчаянья. Он вспомнил худенькую девушку, с печальными глазами цвета неба. И тот страх, когда на него напали змеи Аргадзона. Он тогда подумал, что она увидела змей впервые и совершенно не знает, как пользоваться кольцом главной жрицы Аргадзона.

«И зачем она задействовала артефакт, чтобы попасть в двенадцатую грань? Живут там племена оборотней, людей мало, небольшие поселения. Но только как такая хрупкая и слабая девушка смогла побить вампира? Змеи должны были встать на ее защиту. Змеи.»

Маг поднял голову, его пронзила смутная догадка:

— Какая в портале была девушка? Блондинка с голубыми глазами, худенькая, небольшого росточка?

Вампир покачал головой.

— Волосы рыжие, цвет глаз под стать волосам, сарафанчик оранжевый на тоненьких ляпочках. — Принц на миг расплылся в мечтательной улыбке, но что — то вспомнив, нахмурился и быстро проговорил: — И ещё, по-моему, она бешеная. Зрачки словно огонь пылали, кричала на каком-то странном языке, магия не смогла перевести. Только обрывки речи. — Принц припомнил блеск в чёрных расширенных зрачках девушки и нахмурил брови.

Маг вздохнул с облегчением, хмыкнул:

— Единственный язык, который не может перевести магия — это нецензурная брань.

Её очень часто используют в первой грани мира.

— Зачем?

Им так легче выражаться.

— И они понимают, о чём говорят?

— Ты не поверишь, некоторые индивиды, только научившись ходить, уже вовсю используют брань. Взрослое население общается ею между собой, но основная масса людей не употребляет такой лексикон, считая это дурным тоном.

Леон успокоился, когда понял, что в портале была не та девушка, которой он отдал медальон. Вновь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, постепенно расслабляясь. Лицо его было бледным, и вампиру показалось, что друг испытывает сильнейшую боль. Почему-то Альстрейду стало неприятно оттого, что маг успокоился, узнав, что в портале была совершенно другая девушка. Принц гнал от себя мысль, что рыжая мертва. Не могла девушка быть мертвой. «Тфу ты!» — выругался вампир, отгоняя прочь всплывший в памяти образ.

И тут же спросил:

— Всё стало ещё запутанней. Если она из первой грани мира, то зачем ей понадобилась двенадцатая? А если она из двенадцатой грани, то что она делала в первой грани? Как отличить человека от оборотня? Может, слетать и посмотреть, как там она?

Леон открыл глаза и хотел встать, но вновь упал в кресло, Альстрейд увидел, как у друга перекосилось лицо от боли.

— Что с тобой? Ты болен?! — Вампир окинул взволнованным взглядом мага.

— Я умираю. Если тебе нетрудно, подай мне флакон с перламутровой жидкостью. Он на столе.

Вампир бросился к столу, взял флакон и быстро подал магу. Леон открыл флакон и сделал глоток. Закрыв глаза, он сидел какое — то время неподвижно, когда боль отпустила, закрыл флакон и положил в карман.

Альстрейд смотрел на друга и не в силах был поверить в то, что услышал.

— Что случилось? — только и смог он спросить.

— Меня укусили змеи Аргадзона.

— Что! Этого не может быть! — с болью в голосе произнес вампир и схватился за голову. — О них столько времени ничего не было известно. Как и где это случилось?

— Возле моей собственной лавки. Вышло как — то до нелепости глупо.

Маг рассказал другу всё, что с ним произошло.

— Должно же быть противоядие, — с надеждой в голосе спросил вампир.

— Ты прекрасно знаешь, что его нет. Было когда — то, но никто не помнит. Я перелистал уже не одну книгу, но пока лишь в одной нашёл описание того, как изготавливали кольца и достоверны ли эти описания, не знаю. Был один магический камень небывалой небесной силы. Побоявшись, что камень может попасть в недобрые руки, боги поделили камень на две части и первый отдали жрицам Аргадзона. Кому был отдан второй камень, в книге умалчивается. Может, и не было второго камня, может, это игра богов. И все знают, что сделали жрицы с этим подарком. Они заточили в камень призраки умерших змей. Но как ты знаешь, даже после того, как змее отрубят голову, она может отомстить. Так и змеи Аргадзона жалят своим смертельным ядом, ибо от яда призрака — нет противоядия. Всё, что я смог сделать, чтобы отсрочить свою смерть, это собрать у людей все противоядия

смешать их во флаконе и принимать по глотку. Но, как видишь, я лишь даю себе небольшую отсрочку.

— И ты не остановил жрицу Аргадзона? Хотя найдётся ли тот, кто сможет их остановить? Говорят, они очень злые, и чуть что не по ним, сразу выпускают своих змей.

— Всё было странно. Она очень похожа на жриц Аргадзона, но совершенно другая. Хрупкая, ранимая, и сперва я подумал, что она маг. Кольца я не видел, у неё была перебинтована рука. И только когда змеи — призраки вонзили в меня свои клыки, я понял, что передо мной стоит жрица. Вот только всё стало ещё запутанней. Откуда у такой юной девушки кольцо верховной жрицы? В тот момент я так сильно растерялся. Подарил ей амулет, который она хотела приобрести в моей лавке, и когда понял, что она не понимает, как выйти из нашего мира, проводил её в первую грань мира. А дальше яд слишком быстро стал распространяться по телу, и мне пришлось составлять противоядие.

— Но как амулет солнца смог попасть к совершенно другой девушке?

— Возможно, она его ей отдала или подарила?

— А она догадывалась, какая в нём сила?

— Не думаю, в мире людей нет магии. Мир людей. Вот она — главная составляющая во всей этой головоломке. Обе девушки из мира людей и по их поведению можно понять, что они ничего не подозревают о гранях миров. Тогда первую будут искать жрицы Аргадзона, так как всплеск магии змей-призраков они уже почувствовали и кинутся на поиск утерянного кольца. Ведь столько лет они ничего не знали о нём, и я сомневаюсь, что найдётся смельчак, попытавшийся их остановить. А вот для какой цели задействовали артефакт, чтобы перенести другую девушку в двенадцатую грань мира? Это следует выяснить.

Предчувствие беды уже не несло снежной лавиной, оно накрыло мага, скручивало в тугую жгут, перекрывая дыхание. Леон встал, хмуро посмотрел на вампира.

— У меня нехорошее предчувствие. Отправляйся в двенадцатую грань и узнай, что стало с девушкой? Если она жива, попытайся у неё выяснить, как она активировала артефакт? Может, конечно, я зря волнуюсь, вдруг в мире людей родилась сильнейшая ведьма. И для чего-то ей понадобилась двенадцатая грань мира. Очень много нерешённых вопросов. Возьми плащ магов, под ним ты будешь невидим, и он защитит тебя от солнечных лучей. Ах да, ещё он будет подавлять твою вампирскую сущность и заглушать запахи. То кольцо, что у тебя на пальце, слишком слабое, так как служит еще и для перемещений в портале. Хотел подарить этот плащ тебе на свадьбу, да судьба распорядилась по — другому.

От хмурого взгляда мага и его указаний Альстрейду впервые стало не по себе. Он не стал медлить, повернул кольцо и исчез. В портале принц накинул на себя магический плащ. Посмотрел на руки и, не увидев их, восхитился удивительной вещью.

Обессиленный маг упал в кресло и вновь закрыл глаза. Он вспомнил об одном заклинании, разделяющем душу и тело. Тело без души считается мёртвым, и яд не будет распространяться. Леон встал, и его губы стали шептать заклинание.

Альстрейд вышел из портала у знакомой берёзы. Сощурился, зло всматривался в стволы деревьев, не замечая трелей птиц и витавшей вокруг мошкары.

«И где мне тебя искать, козочка ты моя рыженькая? Найду! Я тебе покажу — козла! Такого козла, что ты всю оставшуюся жизнь будешь помнить! Такими словами, — заскрежетали от злобы зубы принца, — обзывать наследного принца! Столько стыда испытал, пока объяснял Леону о синяках».

Идя, Альстрейд не замечал ничего вокруг. Он то и дело отбрасывал тонкие берёзовые ветви, хлеставшие его по лицу и выводящие из себя ещё больше. Не зная, в какую сторону идти, он иногда останавливался и прислушивался к разносившимся по лесу звукам. Но кроме щебета птиц и шелеста листвы, ничего не слышал.

Наконец удача ему улыбнулась, он уловил монотонные удары непонятого происхождения. Принц постоял немного, изучая звук, и двинулся в его направлении. Однозвучные удары становились всё ближе и ближе. Он увидел ветхие хижины, накрытые соломой крыши домов, давно почерневшие от дождей и солнца. Рядом с жилищем в загонах находились невиданные животные. Альстрейд удивился тому, что его совсем не тянет отведать свежей крови. Ещё раз мысленно поблагодарил Леона. Пройдя всю деревню, увидел впереди стоящих людей, они с вниманием смотрели на человека, ходившего в шкуре и бившего в большой круг непонятной палкой. Этот круг и издавал глухие звуки, которые вначале не смог разгадать вампир.

Принц обошёл людей, и замер, не поверив глазам. Дыхание его остановилось от увиденной картины. Возле большого почерневшего камня к столбу была привязана рыжеволосая девушка. Её лицо было бледным, глаза закрыты. Вампир уже хотел скинуть плащ и искромсать всех стоявших здесь людей. Но с облегчением заметил, что девушка пошевелила руками.

«Жива!» — пронеслось у Альстрейда в голове. И сразу стало на душе легко, а внутри заиграло озорство. Сейчас он поиграет со всеми в кошки мышки.

Принц подошёл к девушке, та упорно пыталась ослабить верёвки, которыми была привязана к столбу. От трения была содрана кожа на запястьях. Принц хотел тотчас её освободить, но должен же он ей отомстить, и тогда он шепнул ей на ушко.

— Привет, рыжеволосая козочка. Помнишь меня?

Глава 10. Двенадцатая грань мира

Зарислава часом ранее бежала, кипя от злобы и возмущения. «Вот бл... зараза, и откуда только взялся?! Да чтоб меня вот так кто-то облапал!»

Славка до сих пор чувствовала прохладные пальцы незнакомца на своём теле. От накатившей вновь волны бешенства резко остановилась, вспомнив нахала. Её пальцы сжимались в кулаки и вновь разжимались. Губы — тонкая линия, ноздри раздулись, как у быка перед красной тряпкой. В расширенных и смотрящих в одну точку глазах сверкали молнии злости и негодования.

Она развернулась, прошла несколько шагов назад, но решила, что незнакомец, наверное, уже ушёл. Разочарованно поскрежетала зубами от досады, и вновь побежала по лесу вперёд, матеря парня на чём свет стоит. Мысленно Славка вновь и вновь переживала недавние события.

Вот она счастливая и радостная, протянув руки, кружится. Тогда её занимала только одна мысль — наконец они покинули ненавистные стены детдома и у них с Алькой впереди взрослая самостоятельная жизнь. Сестрёнка такой красивый амулет с изображением солнца подарила, похож на древнеславянский. А может, и правда с тех времён сохранился, носила его какая-нибудь девушка или жрица.

Славка вспомнила, как потрогала пальцами солнце на амулете и как вздрогнула от яркой вспышки. Её тело неожиданно подхватил поток, и она поняла, что перемещается в пространстве. Вокруг неё кружило голубое свечение, иногда вспыхивали яркие разноцветные вспышки. Попытка пошевелить рукой или ногой ни к чему не привела. Всё её тело было парализовано

«Это ещё что за напасть? — удивлённо подумала она, но тут же обрадовалась. — Как хорошо, что я не парализована полностью и могу проанализировать ситуацию. Итак. Я была на поляне с Алькой и дядей Фёдором. Затем амулет вспыхнул — и я куда-то лечу, словно в лифте. Или мне это кажется? Так, если не кажется, то почему я не могу шевелиться? И где Алька и дядя Фёдор? Очень много странного, и кто это мог мне подстроить? Ай, поняла! Вот, я дурочка»

И она вела мысленный разговор сама с собой до той самой минуты, пока её не озарила ярко-красная вспышка, с болью резанувшая по глазам.

Открыв глаза, Славка с изумлением увидела, как сквозь сплошную голубую завесу появилась чья-то нога, а затем и весь её хозяин.

«А это что ещё за хлыщ? — подумала девушка. Перед ней стоял высокий черноволосый парень и с интересом, немного удивлённо рассматривал её.

«Вот незадача, и ведь похож сильно на кого — то. Хотя такой драной бороды я ни у кого не припомню. Терпеть не могу бородатых!»

Пока она ломала голову, где могла видеть этого парня, взгляд незнакомца стал каким — то плотоядным.

«Какого лешего уставился?!» — мысленно заорала она.

Единственное, что она могла делать в той ситуации — раздувать ноздри от гнева и мысленно материться на чём свет стоит. Но, конечно, парень её совершенно не слышал, он расплылся в довольной похотливой улыбке. Подцепил пальцем лиф сарафана и натянул ткань. Увидел её ничем не прикрытые груди, и лицо его изменилось, в глазах появился

хищный блеск, и незнакомец замер.

«Вот зараза! — сколько тогда отчаянья было на саму себя. — И чего я лифчик сегодня не напялила? Ой, ой, ой, а чего это с ним такое творится?»

Оцепенение у парня спало и, не отрывая своего жгучего похотливого взгляда, этот козёл полез рукой к Славкиной груди, схватив пальцами сосок.

Зарислава замерла, её глаза напоминали ночь, в которой штормит буря. Как она ему тогда заехала кулаком! И ведь он явно не ожидал такого от худенькой маленькой девушки.

Если честно, она сама от себя такого не ожидала, но от возмущения и бушевавшего гнева забыла напрочь все приёмы борьбы. Хорошо хоть кулак тогда не подкачал и силушка богатырская! Хотя нет, силушка не богатырская, а обычная девчачья, но всё равно не подвела, откликнулась в самый подходящий момент.

Вспышки какие-то разные: то красная, то зелёная... Славка неудачно вывалилась в каком — то лесу, но душу грела картина лежащего возле берёзы молодого человека, схватившегося за затылок. Девушка сжала кулаки, едва сдерживая рвущиеся ярость и гнев.

И Славка начала орать.

— Куда руки пихаешь, козёл бородатый? Да твою ж мать.

Дальше в ход пошёл весь словарь её матерных слов. Она вспомнила все ругательства и даже придумала парочку новых. Но это всё равно не успокоило бурлящее внутри бешенство.

На незнакомца её крики никак не подействовали, словно он не знал ни единого слова, этим самым он ещё больше разозлил девушку. К счастью, часть злобы она смогла выплеснуть на ворону, но этого оказалось очень мало. Да и взгляд у парня вновь стал похотливым.

Горячая волна гнева перекрыла Славке разум, и она со всего маха упечатаала парня пяткой

— для большей убедительности, чтоб уж наверняка дошло.

«Ой, как нехорошо. Чтобы сказал учитель, увидев, как я бью лежащего и беззащитного. Хотя сам ведь напросился!»

Чтобы к ней вот так нагло кто-то пристал в детдоме! Да сроду такого не было! Все старались лишний раз обойти стороной. А этот урка необразованный! Козёл недобитый! Посмел её тронуть! Да ещё за самое сокровенное! Самое родное и любимое!

Но ничего, получил, зараза, по заслугам. Наверное, шишку себе набил — вон за голову как держится. Мало получил, будет знать, как руки распускать!

Выпустив гнев, девушка бежала среди тонких стволов берёз. Вглядываясь вдаль, Слава пыталась разглядеть знакомые крыши домов деревни Шатур. И очень удивилась, увидев непривычные серые брёвна домов, покрытых не то камышом, не то соломой такого же серого цвета. Славка даже остановилась, удивлённо рассматривая местность.

«Ничего подобного раньше не видела, хотя нет, видела. в учебниках по истории. А значит, объяснение этому может быть одно, Алька обещала ещё один подарок, и этим подарком оказалось участие в игре “Призрачные Миры”».

Самая любимая тема — Русь изначальная. От этой догадки у Зариславы даже дух перехватило.

«То первое препятствие в виде козла я, по-моему, прошла успешно. Теперь второе испытание — почин. Точно, почин или по-простецки — деревня. Тут тоже ничего сложного не должно быть. Деревни мало изменились с тех пор, мебель чуть лучше стала, да техника кой-какая появилась. А так — дом, сарай, огород, живность, вот тебе и почин».

И в подтверждении своих мыслей она услышала блянье овец.

«Ура!» — закричала она сама себе, и понеслась со всех ног к видневшимся избам. Неожиданно из-за огромной ели вышли два здоровых парня и преградили ей дорогу.

Это оказались не просто здоровяки, а бугаи какие-то. Волосы чуть светлее, чем у самой Славки, чуть раскосые глаза с пшеничным зрачком. Длинные и большие прямые носы, а губы и подбородок прячутся в кучерявых рыжих бородах. Широленные вышитые льняные рубахи, перетянутые кушаком, босые ноги — парни в своих серых портках были похожи на самбистов.

Славка остановилась и слышала позади движение. Она повернулась и увидела ещё двух парней такого же телосложения, как и те, что встретили её на дороге к деревне.

«Клоны, что ли? Сколько же Алька бабла отвалила за такую игру?! Так, и что там у них дальше за препятствие? Чего эти парни от меня хотят? Стоят и молчат, и смотрят как бараны на новые ворота».

Славка улыбнулась своей мысли о баранах, и брови её резко поползли вверх, а глаза стали округляться. Потому что на дорогу вышел пятый игрок.

— Пипец, какое страшилище! — прошептала Славка и с интересом стала рассматривать нового игрока. Скорее то, что виднелось из-под накинутой длинной медвежьей шкуры. А виднелись только сморщенные худые руки с короткими скрюченными пальцами и такое же исчерченное морщинами пепельно-серое лицо. Тонкие посиневшие губы замерли в напряжении. С подбородка свисали длинные, сбитые от грязи волосы. Не менее замызганные босые ноги виднелись из-под разорванных портков, и вообще старик вонял жутко.

Славка сморщила нос и поежилась, встретившись с хищным взглядом, сверлящим её из — под прищуренных век.

Шаман стоял, не шевелясь, смотрел на неё. Он сразу понял, что это его внука.

«Наконец, наконец я тебя привёл. Сколько лет поисков. Все грани миров перевернул. Столько крови своей попортил только на одни заклинания, и не счесть. Да, хорошо, что в ней и моя кровь есть, по ней и нашёл беглянку. Такая же вертихвостка, как и её мать. Разыскал пропажу у реки, напугал, нагнал страху. Только вот пробиться до её разума не смог, слишком энергичная, на месте не посидит, должно быть, кровь отца — оборотня бурлит. Хорошо, смог взять власть над её подругой...»

Мысли шамана оборвались криком внучки, его глаза расширились лишь на миг, окутав девушку своей холодной зовущей чернотой.

Хмуря свой маленький носик, Славка проронила:

— Ну и воняешь ты, дед, хоть бы помылся.

Ей вдруг показалось, что её слова резанули старика хуже хлыста.

Он кивком дал команду парням, и те бросились на Славку.

Она растерялась на мгновение, увернулась от громаднейших рук парней, пытавшихся её схватить, и бросилась со всех ног наутёк. Опять забыв напрочь про все приёмы борьбы. Да и какие приёмы для таких здоровяков — только лом, поэтому и говорят, что «против лома — нет приёма».

Лома у Славки не было, и она неслась, сверкая пятками, и думала: «Вот сейчас игроки ржут, наблюдая за мной, и время засекают на скорость бега. Да ещё ставки ставят, за сколько я преодолею второй тур игры».

Она кляла на бегу Альку и грёбаную игру, и того хама, что так бесцеремонно её облапал.

«Увижу, зубы выбью! Нет, лучше не ждать, когда увижу, а разузнать, где живёт, и припечатать так, чтоб мало не казалось!»

Щёки её пылали не то от бури эмоций, не то от бега.

Славка с лёгкостью перемахнула куст чуть ниже её роста, а преодолев очередное препятствие, и увидела, что летит на волков, которые раза в два выше неё. Летит на троих — здоровых, породистых, с чёрной, блестящей на солнце холкой, с жёлто — янтарными глазами, в которых застыло удивление и восхищение. Они как египетские львы стояли с гордо поднятыми головами.

В одну из этих голов и врезалась Славка. Правда, не в голову, а в морду, обхватив по инерции руками шею волка и вцепившись в его длинную жёсткую шерсть руками, повиснув на нём. Поняв, что не касается ногами земли, Славка взглянула в глаза волка и икнула от страха. Её шею обдало волнами жаркого дыхания из длинного носа. Колючим, слегка пренебрежительным взглядом он внимательно смотрел ей в глаза.

Славка тяжело сглотнула, она могла дать голову на отсечение, — хотя нет, голову жалко, так уж и быть пальчик, — что глаза у волка человеческие. Разумный, оценивающий мужской взгляд нельзя спутать ни с чем, даже у того нахала взгляд был другим.

Вспомнив о нахале, Славке сразу стало легче. «Вот дура, испугалась, это же иллюзия!» — расплылась она в довольной улыбке. Она обхватила ногами туловище волка, одной рукой посильней вцепилась в его шерсть на шее, а второй схватила зверя за ухо и слегка потрепала его, приговаривая:

— Да ты мой маленький, серенький, — и потёрлась своим носом о его. Но этого ей показалось мало, сложив губки бантиком, она чмокнула зверя в чёрный влажный кончик носа, продолжая ворковать: — Не бойся, я тебя не обижу, мой ты хорошенький.

Взгляд волка после всех её манипуляций замер в удивлении, а затем сменился на пронизывающе-изучающий. Правда, ненадолго, так как Славка услышала чей-то сильный ржач. Обычно так смеются парни, обкурившись веселящей травки. Она осторожно повернула голову в ту сторону и увидела совершенно голых молодых накачанных ребят, валяющихся на траве и заходящихся в приступах смеха. Она быстро отвела взгляд и с ужасом уставилась в глаза волка.

— Ма-ма-ма-ленький, — едва выговорил один из парней через смех. — Се-се... А-а-а! — не в состоянии продолжить, он гоготал и бил рукой по траве, что лошадь копытом. — Серенький, — наконец выговорил.

— Ты мой хо-ро-шенький, — подвывал второй парень, — не обижу-у-у-у!

Вдруг Славка почувствовала, как под её руками зашевелились мышцы волка и послышался треск его костей. Длинный нос на глазах стал уменьшаться, с морды исчезала шерсть — и вскоре Слава смотрела в лицо молодому человеку с колючим уничижающим взглядом. Его сузившиеся зрачки метали молнии гнева, ноздри то и дело раздувались от тяжёлого, пылающего жаром дыхания, губы замерли в напряжении.

Славка теперь крепко обнимала руками жилистую шею парня. Она чувствовала, как под её пальцами в такт его сердцу, набирая темп, забились учащённо жилка. Смех на поляне прекратился, и наконец до Славки дошло, что она висит, вцепившись в шею совершенно голого парня. Что парень был голым, она почувствовала через свой сарафанчик из лёгкого ситца.

Славка опять тяжело сглотнула застрявший в глотке комок страха. Поведение парня резко изменилось, он повернул голову набок, взгляд его стал озадаченным, а зрачки

блеснули так, что Славку обдало волной похотливого восхищённого жара.

«Эко как тебя распёрло, бедолага» — подумала она и наконец вспомнила приёмы борьбы, быстро крутанулась вокруг шеи парня. Оказавшись за его широкой голой спиной, подобралась и со всей силы оттолкнулась от неё ногами. Парень не устоял и полетел вперёд, а Славка, кувыркнувшись в воздухе, приземлилась на ноги и рванула от парней. Но бегство её было недолгим, ибо она со всего маха врезалась в одного из здоровенных «клонов».

— Вот зараза! — выругалась она и дёрнулась, но сильные крепкие руки уже связывали её верёвкой. Она услышала, как затрещали сломанные кусты и к ним выскочили те три парня, от которых она только что удрала.

— О, да вы только посмотрите — лисы! А мы-то голову сломали, думая, от кого так шибко убегала рыжая, что, не раздумывая, бросилась на шею нашему Шону! И не просто бросилась, а вцепилась так, что мы даже подумали, что задушит, но решили, раз девушка хочет, почему бы и нет, пусть висит! А сколько ласковых словечек она ему на ушко шептала, впору сватов засылать!

Парни каждое своё выкрикивание сопровождали всё тем же смехом.

— Хватит! — заорал запыхавшийся старик.

— О! Шаман! Ты никак малую насильно замуж хочешь отдать?! — не унимались парни.

— Не, не, он сам решил на ней жениться, а она, как увидела и унюхала такое счастье, сразу дёру дала!

— А-а-а! — ржали парни. — Сил больше нет, мы за всю жизнь так ни разу не смеялись.

Шаман дёргался от злости. «Можно усмирить навечно этих вонючих отпрысков волков, но стая вынюхает, ворвётся в почин и испортит задуманное. Осталось совсем немного — потерплю».

— Хватит. Пошутили и ступайте к себе, — сладко-ядовитым голосом запел шаман, — мы границы не нарушали, вы тоже, а с непослушной сами разберёмся. Ступайте, ступайте, — махнул он головой «клонам», давая указание нести связанную девушку в почин.

Славку небрежно перекинул через плечо один из «клонов», не спеша направившись в сторону деревни. Девушка, связанная по рукам и ногам, пыталась придумать план мести — что она со всеми ними сделает, когда освободится от верёвок. Игра всё сильнее ей не нравилась, слишком были реальны все эти события.

«Одна иллюзия оборотней чего стоит, и какие только придурки согласились бегать нагишом перед зрителями. А, чего там, вон качки на сцене — прикроют своё срамное место фиговым листочком и ходят с довольными рожами, да ещё и мышцами дёргают как парализованные. Интересно, сколько баллов я набрала? Башка болеть начинает, и нос скоро в лепёшку превратится от постоянных ударов об эту проклятую спину».

Размеренный ход её мыслей прервали, бросив на землю возле большого камня в чёрных разводах. Дальше было ещё интересней, потому что её подняли и привязали к стоящему рядом столбу. Она подёргала руками, но верёвки сразу впились ей в кожу.

«Вот дерьмо! Зачем же так сильно привязывать, я ведь игрок, мне должны сделать маленькую поблажку. Алька ведь деньги платила, а они, скоты, чего придумали. Ещё и почти весь почин пригласили поглазеть на меня. Наверное, те, кто ставки делал, решили поучаствовать, так сказать, слиться воедино с атмосферой игры. А этот прыгающий придурок с бубном... и где только такого откопали. Так и кажется, что при очередном ударе о бубен силы покинут деда, и рухнет он носом в землю, а там сразу и богу душу отдаст».

Всё это время Славка ожесточённо дёргала верёвки, связывающие её руки, содрванная

кожа на руках больно щипала. Бросая взгляды на стоящих вокруг людей с пустыми, ничего не выражающими глазами, она сжималась от непонятного страха. Слишком всё чужое. Приходили мысли о реальности происходящего, но чтобы выяснить это, нужно снять верёвки. И Славка, уже уставшая и измождённая, вновь продолжила своё занятие.

В какое-то мгновение ей показалось, что рядом кто-то стоит. Она замерла, осторожно повернула голову, но никого не увидела. Постояла, окинула взглядом местность, застыв в нерешительности, а потом опять продолжила дёргать верёвку.

Альстрейд дотронулся пальцем до её кожи на запястье и повёл им вверх до самого плеча. Почувствовав чьё-то прикосновение, Славка вновь вздрогнула. Но вампир продолжил свои игры и остановился у тоненькой ляпочки её оранжевого сарафана.

Девушка вновь дёрнулась в сторону.

— Не смей меня трогать, козёл недобитый, — зло прошипела она, сразу вспомнив, кому так понравились ляпочки на её оранжевом сарафане.

«Вот же баба Клава! — Славка сжала со всей силы зубы от злости. — Я тебе сарафанчик сошью, чтобы ты мальчикам понравилась. Вот и накаркала, наверное, в роду ведьмы были. Вернусь, спрошу как следует, уговорю её, чтобы она себе тоже сарафанчик сшила. Глядишь, какому-нибудь деду и приглянется.

— Я ещё не трогал, а только балуюсь, — с усмешкой прошептал ей вампир.

— Освобожусь, на куски порежу.

Принц хмыкнул, представив её угрозу, и затем совсем другим тоном произнёс:

— Что шаману от тебя надо?

— Да почём я знаю! Хрен знает, где нахожусь, волки выше меня ростом, какие — то чокнутые клоны, меня поймали и привязали к столбу. Такое ощущение, что кино снимают, но нутром чувствую где-то подвох. Думала, что попала в игру «Призрачные миры», но что — то она мне всё больше и больше не нравится, уж больно всё по-настоящему происходит. И этот с бубном так завывает, будто прирезать меня хочет.

— Ничего себе... то есть принести тебя в жертву.

— Похоже на то.

— А ты откуда знаешь про жертвы?

— Историю люблю читать.

— У вас тоже преподают историю? — опять ухмыляясь, сказал вампир.

«Во debil! Вопросы какие-то странные задаёт! Зрителям зачем это всё? Допустим, поржали они, когда ты меня лапал. А сейчас зачем прикидывается дурачком? Ладно, подыграю — посмотрю на твоё поведение».

— Ты чем болтать, лучше развяжи мне руки, очень они у меня чешутся, прям сил нет.

— Хорошо, только когда я тебя развяжу, ты сразу этому с бубном рожу не бей. Дай посмотреть на его ошарашенное лицо, когда он увидит тебя освободившуюся от верёвок. Хорошо, козочка моя? — прохладное дыхание коснулось уха Славки.

— С огнём играешь, козлик мой, — прошипела Зарислава.

Вампир хмыкнул, но верёвки развязал и остался стоять рядом с девушкой в предвкушении дальнейших событий. А в том, что они будут захватывающие, он не сомневался, темперамент у рыжей зашкаливал, на себе испытал. Принц засмотрелся на девушку, едва сдерживая улыбку — сколько же сильных эмоций появлялось на её лице.

Песнопения подходили к концу, все застыли в ожидании кульминации. Шаман взял нож с алтарного камня и подошёл к стоящей у столба девушке.

У Альстрейда с лица сошла улыбка. Девушка вначале показала шаману свободные от верёвок руки и покрутила ими, хвастаясь. И пока тот стоял с ошарашенным лицом, она, долго не думая, со всего маха заехала ему между ног. Шаман остолбенел от боли, узкие глаза вылезли из орбит, и он рухнул плашмя на землю, схватившись руками за своё мужское достоинство. Неизвестно, было ли у старика достоинство, но даже если что — то и имелось, то было отбито напрочь.

Принц выпрямился по стойке смирно и отступил назад, рот его слегка приоткрылся, он с изумлением расширенными глазами наблюдал за рыжей. «Как же мне, оказывается, повезло при первой нашей встрече. Врежь она так, как только что шаману, можно было сразу забыть про наследников».

Вампира передёрнуло от собственных мыслей и от того, что происходило вокруг. Дальше девушка пошла вразнос, когда к ней бросились здоровые парни, прислуживающие шаману. Она бегала вокруг них и наносила точные удары ногами и руками в определённые части тел, и половина бравых детин уже валялись на земле. Вампир замер от удивления и восхищения, всё ещё не в силах поверить в то, что видит.

Рядом зашевелился шаман, и тут Альстрейд понял, что тот начинает читать заклинание. Медлить было нельзя, против магии вампиры слабы. И принц пронёсся между лежащими парнями, схватил на ходу девушку и скрылся в портале.

Глава 11. Вторая грань мира

Зарислава дёрнулась, когда её обхватили сильные руки, и попыталась вырваться, но услышала строгий голос.

— Не дёргайся, вывалишься из портала и попадёшь назад к шаману.

Девушка стояла к принцу спиной, он крепко прижимал её к себе и смотрел на её макушку. Кудрявые рыжие волосы поднимались и щекотали его лицо. Вокруг была тишина, близость девушки наполняла принца непонятными волнующими чувствами. Он бы мог давно отпустить нахалку, но ему чертовски нравилось прижимать её к своему телу. Тем более что девушка не знала, что он мог сразу освободить её из своих объятий. Но ему не хотелось это делать. Наследный принц замечтался, захотел коснуться губами рыжей макушки, но помешала яркая вспышка. Портал открылся, и они оказались в доме мага.

Выйдя из портала, принц с неохотой отпустил руку девушки.

Она хмуро глянула на вампира, осматриваясь по сторонам.

— Куда ты меня приволок? — Слава быстро пробежала взглядом по большой комнате, в которой они оказались.

Большие мягкие диваны у стен, два кресла возле круглого стола недалеко от окна. Одна из стен из чёрного переливающегося стекла. Славка подумала, что это плазма. Проводив взглядом парня, который шёл и бурчал себе что — то под нос, она заметила, что он прикоснулся рукой к светлой панели, и та с лёгкостью открылась, явив Славкиному взору полки с различными бутылочками. В это время вампир закатил глаза от возмущения, подошёл к холодильной полке и, качая головой, пробормотал себе под нос:

— О предки всего нашего королевства, помогите мне не сойти сума от словечек этой рыжей бестии! — открыв дверцу холодильной камеры, он достал бутылочку, откупорил и залпом выпил. Посмотрев на ещё одну бутылку, он протянул руку, чтобы взять её, и замер от услышанного.

— Так и будешь пить в одно жало, хоть бы чем угостил. У меня на нервной почве аппетит всегда разыгрывается, а со всеми этими событиями я готова слона проглотить.

Вампир, дослушав, погладил свою бородку, обдумывая слова девушки, и, решив что — то для себя, взял бутылочку и направился к Славке. Его глаза застыли в предвкушении.

— Прошу.

Слава схватила бутылочку, открыла и отхлебнула, но сразу выплюнула, сморщив лицо.

— Что за... — Она недоговорила, поглядела на бутылочку и стала читать этикетку, но ничего не поняв, спросила: — Что здесь написано? Непонятный язык.

— Синтетическая кровь, — с невозмутимым лицом ответил принц.

— Шутишь?

— Даже не собирался. Я поделился с тобой своим ужином.

— Ты пьёшь эту гадость?

— Это не гадость — а кровь, пусть даже и синтетическая.

— Серьёзно кровь?! Да ладно! — Славу вновь посетила мысль, что игра не окончилась, а следует продолжение.

Славка нервно заходила по комнате, иногда останавливаясь, чтобы погрызть от волнения ноготь, и снова продолжала бродить, разговаривая сама с собой.

— Так, значит, продолжение следует. Хорошо. В принципе так и должно быть. От рук

убийц красавицу должен был спасти принц. Хотя ты на принца не очень похож. Как там говорят — на безрыбье и килька сойдёт. Вот Алька, вот сестрёнка, удружила! А я чуть не поверила во всё это. Надо же, какая закрученная игра... всё как по — настоящему.

— Мне это уже начинает надоедать! Леон, ты где?! — услышав очередное оскорбление в свой адрес, возмущённо закричал вампир и обхватил голову руками.

Он прошёл мимо Зариславы к двери. Не успел её открыть, как Славка спросила:

— Здесь ещё кто-то есть?!

Вампир повернулся и ответил:

— Да, мой друг Леон.

— Так, значит, это его хоромы?!

— Это хоромы?! — изумлённо вымолвил вампир и осмотрел небольшую по его меркам гостиную, в которой они находились. Хмыкнул, открыл дверь и вошёл в комнату.

На кровати лежало неподвижное тело мага. Внутри у Альстрейда всё похолодело, неужели его друг умер? Принц редко видел мёртвых вампиров, ну а тем более магов. Большой разницы он не заметил, с приходом смерти все становятся одинаковыми: бледными, бездыханными, холодными и безразличными к тому, что происходит вокруг.

С приходом смерти каждый отрекается от всего, что его связывало с жизнью. И не понимают мертвые, какие оставляют шрамы на сердцах любящих их живых существ, будь то вампир, маг, гоблин или эльф. Разницы нет — всем одинаково больно.

Вампир только собрался подойти к другу, как в него неожиданно врезалась девушка.

— Вот блин! Развешают тут разных занавесок, ни пройти, ни проехать! — зло выкрикнула она и скинула с лица длинную тяжёлую гардину, висевшую над входом в спальню. Выпутавшись, остановилась и посмотрела на лежащего. — Болен? — спросила она и бесцеремонно ринулась к кровати.

— Умер, — ответил вампир и подошёл к столу. Его привлёк необычный пузырьёк и лист бумаги. Он стал читать: — Альстрейд, я решил отстрочить свой уход в иной мир. Возьми флакон и высыпь из его содержимое на область моего сердца.

Вампир не стал рассуждать, для чего это, если друг просил, значит, надо. Он вернулся к Леону, открыл пузырьёк и проделал всё, о чём написал маг.

Девушка стояла рядом и с тоской смотрела на лежащего. Светловолосый парень заметно отличался от спасшего её вампира. Они были словно день и ночь. Умерший и в плечах казался шире, и в росте превосходил. Единственное сходство — бледность кожи, только вот у лежащего она ещё вдобавок чуть отдавала серостью. Но всё равно Славка никогда не видела таких красивых и хорошо сложенных парней.

— Красивый — проговорила она с восхищением.

От её слов у вампира внутри зашевелилась ревность.

«Ишь как смотрит! Глаз своих янтарных не спускает, а для меня ни одного взгляда и приличного слова».

Не успел он додумать, как Леон вздохнул и открыл глаза. Он посмотрел на вампира, затем перевёл взгляд на девушку.

— Привет.

— А-а-а! — закричала рыжая и спряталась за принца. Она вцепилась в него и орала: — Ой, мамочки, страхи — то какие! Мертвяк поднялся! Мамочка, родненькая, мамочка, помоги!

Вампир расплылся в довольной улыбке и кивнул другу.

— Привёл, воспитываю. Правда, ещё пока плохо получается, совсем не понимаю её речь. Так, некоторые слова, и то с большим трудом.

Леон облегчённо вздохнул и встал.

— Может, представишь меня?

— Если он сейчас не заткнётся, я сойду с ума! — провизжала Зарислава.

— Переводи, — наклонившись, промолвил вампир, ухмыляясь.

— Ты бы её сначала успокоил и объяснил, нельзя детский мозг так травмировать.

— Она ребёнок?! — Вампир кинул удивлённый оценивающий взгляд через плечо на рыжеволосую.

— Конечно, ещё ребёнок. В человеческом мире она ещё юна.

— Зато словами бросается как взрослая, да и двенадцатой параллели не представляешь, как досталось. Перебила половину мужского населения, а некоторых вообще сделала евнухами.

Зарислава притихла, высунула голову из-за спины вампира и прислушалась к разговору парней. Леон улыбнулся и нараспев сказал:

— Прелестное дитя, разрешите представиться — белый маг Леон Кранд Даунг.

— Я с мертвяками не знакомлюсь. Не отвяжешься от вас потом! — пробурчала она и спрятала руку за спину для большей убедительности.

«Призрачные миры» ей всё сильнее не нравились. Происходящее больше походило на реальность. И она не чувствовала угрозы пока ни от одного человека. Конечно, не считая тех моментов, когда этот вампир потерял голову от её оранжевого сарафана. Но вернулся же, помог спастись, поэтому можно опустить его хамство. Да и сейчас он ведёт себя хорошо. И понимая, что вот эта широкая спина, за которой она спряталась, на данный момент — лучшая её защита, Славка ещё больше прилипла к вампиру.

— Рыжая красавица, вам не стоит меня бояться, давайте выйдем в гостиную, и я коротко расскажу, куда вы попали.

Зарислава бегом выбежала из комнаты, а за ней вышли два друга. Маг сел в кресло, тяжело дыша, даже несколько шагов забирали силу. Когда его дыхание восстановилось, он улыбнулся, глядя на девушку, и взмахнул рукой, приглашая её сесть в кресло. Зарислава покачала головой и осталась стоять возле окна, найдя это место самым безопасным.

— Хорошо, раз вы желаете стоять там, то я не буду возражать. Могу ли я задать вам несколько вопросов, и тогда я расскажу, почему вы очутились сегодня в неизвестных вам местах.

Зарислава кивнула.

— Чтобы нам было легче общаться, могу ли я узнать ваше имя?

— Славка, — хмуро ответила та.

Вампир возмущённо покачал головой, показывая Леону, что другого он и не ожидал. Мужское имя очень подходило рыжеволосой. Маг едва улыбнулся и продолжил:

— Я бы хотел услышать ваше полное имя, а Славой, наверное, вас называли близкие. Девушка постояла, обдумывая что-то, и произнесла:

— Зарислава, так меня нарекли в доме малютки, а Славкой меня называли в детдоме.

Маг напрягся, его пальцы сжались на подлокотниках кресла.

— А теперь, раз я знаю ваше полное имя, давайте перейдём на ты. Ко мне ты тоже можешь обращаться просто — Леон, а это мой друг — вампир Альстрейд.

Зарислава окинула принца оценивающим взглядом и, ухмыляясь, сказала:

— Ну да, а у меня в огороде растёт кипарис. Придумал бы что — нибудь поинтересней.

— Значит, ты нам не веришь. Но ты ведь перемещалась в портале, очутилась в двенадцатой грани мира, а сейчас находишься во второй грани мира — мире магов.

— Хватит мне мозг выносить. Сказки вы мне тут рассказываете про магов и вампиров — так я вам и поверила — дурочку нашли! Скрытые камеры понаставили, и сейчас полмира смотрят и ржут от меня. — Славка, сморщив носик, продолжила: — Я устала, есть хочу, а вы тут со своими расспросами, задолбали совсем.

Маг опять молча смеялся, только плечи слегка тряслись.

— Я тебе говорил, что она исчадь ада, — возмущённо сказал Альстрейд.

— Чего ты сказал, кровопивец, — в тон ему съязвила Славка, а сама стояла и думала: «Вы надо мной издеваетесь, а я вам той же монетой!»

— Я больше так не могу, это переходит за все рамки приличия. Меня за всю жизнь столько не оскорбляли, сколько эта, — указал принц рукой на Славку, — за один день.

— Да ладно, переживёшь, большой уже мальчик. — Зарислава отвернулась к окну, давая понять, что больше не собирается разговаривать с полоумным.

Леон рассмеялся.

— Вы двое ругаетесь, будто вместе лет сорок прожили.

— Да боже упаси с таким жить! — усмехнулась и пренебрежительно окинула взглядом Славка наследного принца.

— У меня уже есть невеста, воспитана, сдержана и по статусу подходит! Осталось только назначить дату свадьбы.

— Ой, ой, ой! Посмотрите, какие мы обидчивые! Так и беги к своей невесте, а то она, наверное, без тебя скучает. — В глазах Зариславы вновь засверкали искры.

У принца заходили желваки, он уже собрался улететь, как нечаянно бросил взгляд на мертвецки бледное лицо Леона. Альстрейд бросился к другу.

— Леон, Леон — тебе плохо? — Он тряс друга за руку. — Подожди, я сейчас.

Вампир бросился к столу, взял пузырёк, открыв крышку, подбежал к магу и приложил флакон к его губам. Маг сделал глоток и закрыл глаза.

— Спасибо, — едва слышно сказал он.

— Что с ним? — Славка вытянула шею и с вниманием смотрела на парней. Страх у неё уже прошёл, и ей стало жалко сидевшего в кресле бледного и едва дышавшего красивого молодого человека. Её как магнитом тянуло к его глазам, да и от всего остального захватывало дух.

— Он умирает.

— Как умирает? Только ожил и опять умирает? Так чего ты ждёшь, вызови скорую! Ему в больницу надо! — Возмущению Славки не было предела. Такие взрослые, а ведут себя как дети. Она переводила взгляд с одного на другого.

— От того, чем он болен, не спасёт ни один врач, — грустно сказал вампир, смотря Зариславе в глаза, а затем сел возле мага. Наконец боль отступила, и маг, мертвенно — бледный, с испариной на лбу, повернулся к Славе.

— Слава, ответь, откуда у тебя этот артефакт, — кивком он показал на висевший у неё кулон в виде солнца.

— Этот? Так Алька подарила.

— Ты можешь рассказать всё, что с тобой произошло сегодня?

— А чего рассказывать. Мы с сестрой устроили себе пикник.

— Подожди, так Аля тебе родная сестра?

— Нет, не родная, мы так решили, что будем сёстрами. Альку к нам в детдом привели, когда нам было по десять лет. С тех пор мы вместе, я её первое время хлебом откармливала. Она такая голодная была постоянно, ну а мне у бабы Тони кусок хлеба выпросить раз плюнуть. А тот, с кем хлеб свой делишь, навечно остаётся тебе родным. Деда вместе хоронили, когда он умер. Школу вместе закончили, и детдому ручкой помахали вместе. Я собралась поступать на исторический, а Алька решила работать. Не хочет за мой счёт жить, как я её ни уговаривала — упёртая. А в честь окончания школы Никитична подарила мне этот сарафан, а Алька сказала, что у неё для меня два подарка, первый — вот этот амулет. Сказала, что он отражение моей сути — смешная. А второй, мол, потом подарит. Разложили плед, из корзинки продукты достали. Пригласили Фёдора Семёновича, когда он пришёл, я ему говорю: «Смотри, дядь Федь, какие мне подарки подарили!» Встала, крутанулась, и уже лечу куда — то, потом этот появился, руки стал распускать. Я его припечатала и в лесу оказалась незнакомом. Вроде берёзки такие, как у нас, да только чужое всё. Бежала недолго, выбежала к какой — то деревне, обрадовалась. А потом, откуда ни возьмись, четыре клона появились и этот вонючий с бубном. Я зачем — то вонючему понадобилась, и он кивнул клонам, чтобы меня схватили. Но не на ту нарвались, я в забегах первые места всегда занимала. Они бы меня не поймали, конечно, только выскочила я из-за кустов не очень удачно. Прямо на морду здоровому волку. Волк такой добрый, я его пожалела и поцеловала в носик. А рядом двое зверей вдруг превратились в парней и давай ржать.

— Обратней сколько было?

— Так говорю, трое, — возмутилась Славка, не понимая, как можно не понять того, что она говорит. — Потом и тот, у кого на шее я висела, превратился в парня, и взгляд вдруг стал как вот у этого, когда мы с ним первый раз встретились. — И она бросила хмурый недобрый взгляд на вампира. — Пришлось опять драпать, да только не в ту сторону рванула, и опять к клонам в руки угодила. Связали меня — и к столбу. Да вот этот освободил и к тебе перенёс, хоть какая — то польза, — облегчённо выдохнула она и окинула вампира с головы до ног недовольным взглядом. Потом посмотрела на мага и тяжело вздохнула, пересказ недавних событий дался ей нелегко.

— Выходит, на поляне ваш праздник был прерван, тогда, наверное, ты голодна, — улыбнулся Леон, — позволь угостить тебя.

— Я, конечно, есть очень хочу, только, ребята, спасибо за хлеб, соль. Я вам всё, что случилось в игре «Призрачные миры», пересказала, все хорошо повеселились. А теперь, может, вы меня домой отпустите? Пожалуйста. — И она чуть попрыгала для убедительности, сложив руки на сердце и сдвинув брови к переносице. Замерла с жалостливым выражением на лице.

— Зарислава, поверь нам — это не игра. Ты действительно находишься в других мирах или лучше — грани миров. Я бы и рад перенести тебя в твою деревню, но поверь, мне пока непонятно, с какой целью тебя вызвали в двенадцатую грань. И поэтому для тебя самое безопасное — оставаться здесь. Альстрейд, будь другом, закажи нам что-нибудь изысканное.

Вампир подошёл к небольшой панели, коснулся экрана — и на нём появились иллюстрации блюд. Он нажал на несколько картинок, и панель потухла. Буквально через несколько секунд отодвинулась та же самая панель, и из неё высунулся поднос, на котором стояли тарелки, наполненные едой.

У Зариславы заурчало в животе от аромата, разнёсшегося по гостиной. Но она стояла, не

шевелюсь, смотрела, как Альстрейд ставит поднос на стол и расставляет тарелки. Её мозг искал выход. «Как же мне от вас удрать? Грани миров какие-то придумали. Как мне надоела эта игра, в окне всё незнакомое, может...»

Её размышления прервал вампир. Наклонившись, он иронично произнёс, делая жест в сторону стола:

— Прошу.

Второго приглашения она не собиралась ждать. Игра — игрой, а обед должен быть по расписанию. Она быстро взяла тарелку с вилкой со стола, плюхнулась в кресло и стала есть, как ни в чём не бывало. Принц замер удивлённо с открытым ртом, он впервые видел, чтобы так принимали пищу.

— Чего вылутился, комок в горле застрянет. — хмурясь и жуя, бросила девушка вампиру.

Альстрейд взял бутылочку с кровью и отошёл к окну, качая головой. Леон немного поковырял вилкой, но не притронулся к еде и отставил её. Зарислава съела всё, что находилось на её тарелке, и, посмотрев на тарелку Леона, спросила:

— Ты будешь?!

— Нет, — ответил он спокойно.

Зарислава взяла его тарелку и стала есть, не обращая ни на кого внимания.

Альстрейд поперхнулся кровью, когда увидел это.

Наконец, когда и на второй тарелке ни осталось ничего, Славка поставила её на стол со словами:

— Спасибо.

Потом, подумав, подошла и сказала что-то на ухо Леону. Он кивнул ей в сторону двери, ведущей в ванну.

— Я ручки помыть, — проронила она, улыбаясь, и посмотрела на вампира. Когда дверь ванной комнаты за ней закрылась, Альстрейд не выдержал и произнёс:

— Тебе не кажется, что это мерзко — доедать еду с чужой тарелки? Пусть её даже никто и не ел. Я уж молчу о том, как она принимала пищу.

Леон посмотрел на друга и стал совершенно серьёзным.

— А что ты знаешь об этой совсем ещё юной девушке, чтобы её судить? Ты видишь только то, что тебе преподносят. Где тебе понять голод... — Он не успел договорить, из ванной вышла Слава.

Она села в кресло, поджала под себя ноги, опустила голову на спинку кресла и закрыла глаза. Альстрейд не выдержал, приблизился к ней, чтобы высказать всё, что думает, наклонился, но услышал лишь тихое сопение. Брови у вампира приподнялись от удивления, он даже замер на некоторое время в такой позе, затем повернулся к Леону.

— Она что, спит?!

— Спит, конечно, намаялась за день. Будь добр, перенеси её на мою кровать, не спать же ей всю ночь в таком положении. Я бы сам, да боюсь, упаду вместе с ней.

— Ты уверен, что она не проснётся?

Брови Леона сошлись к переносице, его забавляло поведение друга.

— С каких это пор ты стал бояться девушек? — ухмыляясь, спросил он.

Наследный принц встал напротив девушки, затем наклонился и осторожно взял её на руки. Он удивился, насколько она оказалась лёгкой. Слава пошевелилась, он замер и посмотрел на её лицо. Девчушка была прекрасна. Все переживания сегодняшнего тяжёлого

дня стёрлись с её лица, осталась притягивающая взор чистота. Рыжие бархатные ресницы слегка вздрагивали, пухлые алые губы манили, лёгкий румянец на щеках и разбросанные на носике конопушки придавали ей детскую непосредственность. Тяжёлая копна рыжих волос струилась вниз.

Альстрейду захотелось приподнять их и прижать к лицу, чтобы насладиться их запахом. Неожиданно девушка прижалась к нему и закинула руку ему на плечо. Принц чувствовал прикосновение её маленьких упругих грудей к своему телу. Внутри у него всё напряглось

— прежде он не испытывал таких чувств. Альстрейд стиснул зубы и с трудом оторвал свой взгляд от девушки. Он прошёл в спальню и положил рыжую на кровать. Прикрыв её пледом, принц стоял и не мог отвести взгляда. Ему хотелось лечь рядом с ней, дотронуться до её волос, пропустить их между пальцев, любуясь игрой золотистого цвета. Прикоснуться нежно к её губам и наслаждаться их вкусом и трепетом...

Вампир прорычал: «Да что это со мной такое? Какого зверя разбудила во мне эта рыжеволосая? Никогда такого со мной не было. Может, всё дело в том, что она человек? Прочь все эти будоражащие воображение мысли», — приказал он себе. Выключив светильник, он вышел из спальни.

Леон сидел с закрытыми глазами, но, услышав шаги друга, их открыл и спросил:

— Уложил?

Вампир кивнул и поинтересовался:

— Что будем дальше с ней делать?

— Ждать.

— Чего ждать?

— Что предпримет шаман.

— Ты думаешь.

— Я в этом уверен, нам необходимо знать о ней всё. Мне кажется, мы упускаем какую — то важную деталь. Тебя не затруднит пойти в спальню и вырвать один волосок с её головы, — обратился маг к вампиру.

Принц вернулся в спальню, включил светильник и, наклонившись над Зариславой, застыл, вновь любуясь ею. Её рыжие волосы от падающего света походили на бушующее пламя костра, пухлые губки стали подобны маленькому бутону, к которому хочется прикоснуться своими губами и почувствовать сладкий вкус нектара. Вампир зацепил рукой тяжёлую волнистую прядь волос и пропустил сквозь свои пальцы несколько раз, любуясь игрой цвета, поняв, что теряет рассудок, он отогнал прочь наваждение и, выбрав один волосок, рванул его. Девушка зашевелилась, повернулась на другой бок, но, к счастью, не проснулась.

Он решил не выключать больше светильник, мало ли, она проснётся, и не будет знать, как его включить. Принц вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Альстрейд обожал, когда маг творил волшебство. Он отдал волос Зариславы Леону, тот взял его и тяжело поднялся.

— Помоги мне пройти в кабинет, но прежде захвати флакон.

Вампир взял флакон со стола и подошёл к другу, тот опёрся о его плечо, и они направились в кабинет. Принц бывал здесь сотню раз, но сегодня вид мёртвых неизвестных животных, что стеклянными глазами смотрели на него, вызывал неприятное чувство. Он мало чего боялся в этой жизни, хотя, конечно, нет в мире бессмертных, вампиры тоже умирают — от огня, голода и серого клинка.

Друзья подошли к столу, на котором стояла сфера. Маг взял у вампира флакон, отпил оттуда и постоял немного, затем положил на ладонь волосинку, прикрыл её другой рукой и стал делать круговые движения, как будто растирал что — то. Потом начал шептать заклинание:

— Сплетаю я века и с ними вечность, меняю времена и бесконечность. Меняю мир, стираю грань. Арг шанг дэрдан.

Зрачки мага стали белыми, Альстрейд попятился — всё, что он раньше видел, когда друг произносил заклинание, не шло ни в одно сравнение. А маг шептал:

— Держу в руках нить жизни, нить судьбы, стори и покажи моменты жизни, что с зарождения вели.

С этими словами маг разжал ладони и на одной из них оказался белый порошок, лежащий в виде тонкой закрученной нити. Он высыпал его на сферу, и она изменилась, превратившись в тягучую шевелящуюся массу. Вскоре она застыла, и друзья увидели рыжеволосую девушку, целующуюся с молодым парнем. Альстрейд замер — ему не понравилось, что Зарислава с кем — то целуется. Но когда она, смеясь, повернула лицо, то вампир понял, что это совершенно другая девушка, да и цвет глаз у рыжеволосой красавицы был зелёным.

— Отец никогда не согласится на наш брак. Ты из рода волков, а я из переродившегося рода лисиц.

— Мне всё равно, ты одна в моём сердце. Я люблю тебя больше всего на свете, и если надо

— я покину стаю, чтобы быть с тобой.

Парень был высок, плечист, с длинными волнистыми волосами цвета ночи. В его янтарно — жёлтых глазах бушевали любовь и страсть. Он прижал девушку к себе, стал перебирать руками её рыжие волосы.

— Мне страшно, если отец узнает, что я жду ребёнка, то нашлёт проклятья на меня и на ваш род.

— Я прошу тебя, пойдём к нам, я уговорю отца принять тебя в стаю.

— Нет, Эйнэр, не надо. Ты прекрасно знаешь, всё, что ты сейчас предлагал, неисполнимо. Твоя стая не потерпит меня, да и волка — одиночку тоже. Нас найдут и убьют. Я решила, буду скрывать до последнего, что ношу под сердцем ребёнка. И заклинаю тебя, не ходи к своему отцу и не проси его принять меня. Поклянись нашим нерождённым ребёнком.

Парень сжал девушку в своих объятиях ещё сильнее и с болью в глазах произнёс:

— Клянусь!

Он опустил перед ней на колени и поцеловал её живот.

Видение исчезло, масса забурлила, и тишину разрезал крик ребёнка.

Альстрейд вздрогнул, маг положил свою руку ему на плечо.

— Это её первый крик, сфера показывает лишь некоторые, самые памятные моменты её жизни.

Бурлящая масса успокоилась, и они увидели алтарный камень, на котором лежал кричащий ребёнок, а над ним в небе сияло солнце, на которое медленно наползала чернота. Шаман, скачущий с бубном вокруг камня, остановился, прекратив кричать заклинания, и вытащил из-под медвежьей шкуры нож. Чернота вобрала в себя свет и упала тьма, поглотившая и скрывшая всё живое вокруг.

Леон ещё сильнее побледнел, что — то зловещее и угрожающее было в этой тьме. Они увидели два горящих огня на алтарном камне, появились первые проблески света. Тьма потихоньку отступала, и можно было рассмотреть силуэт огромного волка. Он схватил зубами шкуру, в которую был завернут ребёнок, и прыгнул на шамана, яркая вспышка ослепила мага и вампиру глаза, и в тот же миг всё исчезло.

Масса в сфере забурилась, и когда успокоилась, они увидели лес. Корни поваленного дерева и нору, из которой вылезла волчица. Зубами она тащила всё ту же шкуру, которую они видели на алтарном камне. Возле логова появился человек: мужчина преклонных лет. Услышав крик младенца, он наклонился, чтобы его взять, но остановился, когда увидел, как из-за корней поваленного дерева вышел огромный волк. Янтарные глаза хищника изучающе смотрели на мужчину. Затем он подошёл к свёртку и ткнулся мордой в голову ребёнка, и младенец вновь зашёлся в плаче. Как будто знала эта маленькая кроха, что навеки прощается с родным отцом.

Волк вновь посмотрел на мужчину, одинокая слеза покатилась из глаз, он развернулся и бросился в лес со всех лап. Мужчина схватил ребёнка и побежал.

Дальше они увидели сидевшую в кровати маленькую девчущку, она рассмеялась, увидев вошедших к ней. Тот же самый мужчина, который был в лесу, и с ним женщина, утирающая бежавшие по щекам слёзы. Она взяла малютку на руки и приговаривала — ай ты наша доченька, да какая же ты красивенькая и прехорошенькая. Девчущка смеялась, оголив первые зубки.

Видение исчезло. И через несколько мгновений показалась женщина, зло и хмуро смотревшая на плачущую девочку, повторявшую одно и то же: «Мои волосики, мои волосики». Слёзы текли, не переставая, по её щекам, столько боли и горя было в глазах у сидевшей на полу маленькой рыжей девочки, что вампир не выдержал, отвернулся.

Маг посмотрел на него.

— Ты не отворачивайся, смотри, это самые острые моменты ее жизни, я могу что — то упустить, поэтому смотри и запоминай.

Вампир вновь обратил свой взор на сферу. Он увидел, как чуть подросткую Зариславу бьют девчонки и мальчишки. Она пытается от них отбиться, её жёлтые глаза налились краснотой заходящего солнца. Она похожа на злого маленького волчонка, отбивающегося от врагов. И как бы в подтверждение мысли вампира он услышал, как кричат дети: «Волчара поганая! Бейте её!» И вся ватага набрасывается на разъярённую, но всё-таки стоящую на ногах девчущку. Но сил у неё не хватает, девочку валят, и она бьёт и кусает всех, кто ей попадается. Подошедший мужчина раскидывает ребятню, а девчонка, не видя и не соображая ничего от боли и ярости, подпрыгивает, обхватывает его руку и вцепляется в неё зубами. Мужчина молча смотрит на висящую на его руке девочку. Вскоре она начинает понимать, что сделала, и заходится в плаче. Мужчина берёт её за руку и уводит.

Альстрейд закрывает глаза, когда видение исчезает, и открывает их вновь, когда девочка лет семи бежит по цветущему лугу, кричит и смеётся. Её глаза сияют счастьем, кудрявые рыжие волосы, спускаясь ниже плеч, развеваются на ветру. Она бежит навстречу мужчине, который нашёл её в лесу, он постарел, на лице глубокие морщины.

— Папа, а почему дети смеются надо мной и говорят, что мама и папа не могут быть такими старыми? — Она заглядывает мужчине в глаза и ждёт ответа.

— Всё в этом мире очень сложно, ты появилась у нас, когда мы были уже немолоды. И получается так, что ты растёшь, а мы стареем всё больше и больше.

— Я не хочу расти, — поджав губки, она начинает шмыгать носиком и глаза застилают слёзы.

— Зарислава, не нужно плакать, краса наша. — Он ласково гладит девочку по голове и с любовью продолжает: — А чтобы дети не смеялись, называй меня дедушкой, а Г лафиру — бабушкой.

— Значит, у меня не будет мамы и папы? — Нижняя губа девчушки начинает подрагивать, по щекам покатались крупные капли слёз.

— Ну что ты! Что ты, краса наша! Мы для тебя так навсегда и останемся мамой и папой. Ведь никто тебе этого не запретит. Называй нас, как твоей душевненьке угодно. Кроха ты наша желанная.

Вампиру хотелось взять эту маленькую девочку, прижать к себе, и поглотить всю её боль. Видение исчезло, и через некоторое время они увидели девочку — но опять чуть постарше. Она стояла в большой комнате с огромными кастрюлями на плите. Толстая женщина помешивала черпаком то, что варилось в кастрюле.

— Тётъ Тонь, а дайте хлеба — хоть маленький кусочек.

— Слава, опять есть хочешь? Ох вы детки — сиротки, без мамки и папки и вечно голодные. Пытаетесь заесть боль и одиночество едой, да только ничего не выходит.

Она погладила Зариславу по голове, отложила поварёшку и подошла к столу, на котором виднелись уложенные горкой буханки хлеба. Повариха взяла нож, отрезала большой кусок и подала девочке, а потом, махнув рукой, сказала:

— Погоди, я тебе ещё котлету дам.

Женщина подошла к плите, на которой стоял большой противень с поджаренными котлетами, подхватив одну, положила её на кусок хлеба.

Зарислава прижалась к женщине.

— Спасибо, тётъ Тонь.

— Да на здоровье. Беги уже, пока ваша «СС» не пожаловала, а то и мне достанется, и тебе.

Девчушка вышла из кухни, пряча за спиной котлету с хлебом. Она быстро прошла коридор и спряталась под лестницей, чтобы её никто не видел. Слава присела на холодный пол, переломила пополам ломоть хлеба, одну половинку положила в карман, а на другую положила котлету. Поднесла к носу, втянула запах жареного мяса и свежего хлеба, закрыла глаза от удовольствия и, откусив кусок, медленно стала пережёвывать. По её щекам бежали слёзы, они падали на котлету, когда она подносила её ко рту, чтобы откусить. Отрешённо погружившись в свои мысли, она откусывала кусок за куском и не спеша пережёвывала. Доев котлету, собрала упавшие на платъице крошки и отправила их в рот. Встала, подняла подол платъя и вытерла изнаночной стороной лицо. Поправив складки на платъе, вздохнула и вышла из своего укрытия.

Пройдя немного по коридору, встретила с высокой женщиной в очках, её волосы на голове были натянуты и закручены сзади в тугий узел. Она остановилась и окинула Славу взглядом с ног до головы.

— Слава, ты вновь неопрятна. Сколько раз говорить, заплетай свои волосы. А платъе опять в чём вымазала? — Она наклонилась над девочкой и зло прошипела: — Видать, лишение ужина не помогает в твоём воспитание. Тогда поговорю с Верой Михайловной, чтобы она не пускала тебя на каникулы.

Девочка не промолвила ни слова, она спокойно смотрела на стоящую перед ней

женщину.

— Ты что на меня так смотришь своими жёлтыми глазищами? А ну не смотри!

Зарислава не отвела взгляда, а всё так же спокойно смотрела на перекошенное от злости лицо воспитательницы.

— Я сказала, не смотри! Тварь! — завизжала она и со всего маха ударила девочку по щеке. Вампир дёрнулся, как будто это его только что ударили, маг схватил его за руку.

— Это прошлое, его не изменить.

— Они там что, звери все?! — выкрикнул вампир.

У Леона ходили желваки, он с трудом произнёс:

— Это люди, и они все очень разные.

Но вот появилось новое видение. Зарислава в лёгком платице бежит по лугу с сачком для бабочек. Неожиданно она останавливается, смотрит перед собой на землю и, отступая назад, начинает кричать и плакать.

— Дедушка! Дедушка, родненький! Спаси! — Словно зачарованная, она кричит и не может сдвинуться с места. Перед ней лежит свёрнутая в кольцо крупная змея. Чёрная чешуя переливается на солнце, жёлтые глаза змеи, не отрываясь, следят за каждым движением девочки. Змея нервничает, то и дело выпуская свой раздвоенный язык, ощупывая пространство, вдруг она приподнимается над землёй и прыгает.

Подоспевший дед отбрасывает змею в сторону ногой и прижимает к себе девочку. Зарислава плачет навзрыд, дед прижимает её к себе, гладит по голове, приговаривая:

— Тише, егоза, тише — она тебя больше не тронет. Понимаешь, змея перед зимовкой вылезла на солнышке погреться.

— Стра-ш-ная она, не люблю з-мей, не лю — б-лю! — всхлипывая, Слава едва проговаривает слова.

Дед вытер ей лицо от слёз, взял за руку и повёл к дому.

Следующее видение началось с криков Зариславы: «Бабушка, родненькая — почему ты умерла?! Почему оставила меня!?» Вампир и маг увидели Славу, обнимающую неподвижно лежащую бабушку. На её голове был повязан платок, руки сложены на сердце, глаза закрыты. Зарислава забралась к ней на кровать и легла рядом, её плечи сотрясались в рыданиях.

— Зачем ты оставила меня, зачем, мамочка миленькая моя.

Вампир закрыл глаза.

— Не закрывай глаза. Смотри, — проговорил маг.

Видение исчезло, масса успокоилась и стала серой. Маг непонимающе посмотрел на сферу и вздрогнул, когда неожиданно проявилась очередная картина.

В комнате возле одной из кроватей стоит Зарислава, открывается дверь, и заходит уже знакомая им воспитательница, пропуская вперёд худенькую светловолосую девочку. Печальное лицо и испуганные бездонные голубые глаза. В них не хочется смотреть, сразу отводишь взгляд, потому что кажется, что падаешь в холодную снежную пропасть. Маг подался вперёд, сразу узнав в девочке уже повзрослевшую девушку, которой подарил амулет.

— Новенькую вам привела, чтобы в вашем зоопарке не скучно было.

Воспитательница истерически засмеялась и вышла. Из всех детей к новенькой подошла только Зарислава.

— Тебя как зовут?

— Алькирия.

— Будешь Алькой. Вот твоя кровать, в шкафу полку можешь занять рядом с моей.

Поедешь со мной на каникулы к деду?

— А мне разрешат?

— Ай, брось, я уговорю директрису.

Видение пропадает, появляется новое. Зарислава стоит у гроба в чёрном платке, рядом с ней Алькирия. Они стоят, прижавшись друг к другу, и плачут, в гробу лежит совсем седой и старый мужчина. Леон и Альстрейд с трудом признают в нём того, кто заботился о Зариславе всё это время.

— Алька, почему они покинули нас? Почему?

— Не знаю, сестрёнка. Мы будем помнить их и никогда не забудем. Помнишь, деда говорил, что пока есть кому помнить об ушедших — их души будут жить?

Девушки вновь появились на цветущей разнотравьем поляне. Они смеются и радуются, из приёмника разносится музыка. К ним подходит неизвестный мужчина.

— Дядь Федь, смотри, какой мне сарафан ваша мама подарила! — сияя от счастья, кричит Зарислава. — А вот что мне Алька подарила, посмотри, как переливается на солнце. — Девушка касается амулета рукой, яркая вспышка ослепляет смотрящих на амулет.

Маг и вампир увидели Славу, когда она уже находилась в портале. Рыжеволосая красавица стояла и смотрела на Альстрейда. Дальнейшее проявлялось в виде мимолётных видений.

— Больше мы ничего не увидим, — сказал Леон и глянул на Альстрейда.

Вампир смотрел на потухшую сферу, не отрывая взгляда.

— Пойдём в гостиную. — Леон похлопал друга по плечу, подбадривая.

Наследный принц вышел за ним. Они сели в кресла, оба молчали, каждый обдумывал то, что увидел.

Наконец вампир нарушил молчание и спросил:

— Мне показалось или ты и вправду знаешь вторую девушку?

— Тебе не показалось, — помолчал маг, обдумывая, стоит ли говорить о том, что он знает, но, посмотрев на друга, решился. — Эта та самая девушка, на руке которой был перстень жриц Аргадзона. Я повёл себя премерзко, за что и получил.

— Постой! Как могла жрица из Аргадзона жить в первой грани мира и появиться во второй параллели. И вообще-то змеи нападают, если их жрицам грозит опасность. Ты ей угрожал?

— Нет. Но она была расстроена и унижена. Её эмоции бурлили, и произошло то, чего ни она, ни я никак не ожидали.

— Ты уверен?

— Да. Алькирия сама впервые увидела змей — призраков, появившихся из кольца. Она не знала, как их остановить. И когда они исчезли, стояла, всё так же оцепенев, и смотрела на меня.

— А ты?

— Я подарил ей амулет, помог пройти в первую грань мира и ушёл.

— И у тебя не возник вопрос, зачем ей амулет и что она забыла в первой параллели?

— Понимаешь, когда я вошёл в свою лавку, мои продавщицы смеялись над ней.

— Они что, сумасшедшие?

— Они из первой параллели мира, а как ты знаешь, у всех, кто попадает за грани миров, переписывают память. Магией, разумеется, они не владеют, а куда таких — вот маги и разбирают к себе в прислугу. Про жриц Аргадзона они, естественно, ничего не знали, а я не

сразу заметил цвет глаз этой девушки. И только когда коснулся рукой, и она посмотрела на меня, я всё понял. Да только в этот момент на меня и напали змеи из кольца.

— Стало ещё запутанней. Как же жрица Аргадзона смогла попасть в первую грань и жить в ней всё это время?

— Наоборот, картина немного проясняется. Оставим на время жриц. Мы всё — таки ничего не узнали о шамане. Только то, что он хотел принести в жертву Зариславу. И так как первая попытка сорвалась лет семнадцать назад, он попытался сделать это опять.

— И у него опять ничего не вышло, — подхватил Леон. — Выходит, ему во чтобы то ни стало нужна кровь именно этой девушки. Но для чего? И как у него получилось, чтобы амулет солнца попал в руки к Зариславе? Что принесёт двенадцатой грани мира её смерть?

— Да. У нас осталось много неразгаданных вопросов, а на дворе уже давно ночь, меня во дворце, наверное, потеряли. Полечу. — Вампир встал. — Как ты думаешь, сколько ты ещё протянешь?

— Не знаю. Я думаю обратиться к однокурснику. Чего он только ни выдумывал, вся академия от его изобретений стонала. Может, за это время азарт в его крови не угас, вот и подкину ему неразрешённую задачку.

Маг натянуто улыбнулся, вероятно, он и сам не особо верил в своё исцеление.

Принц повернул кольцо на пальце и ступил в открывшийся портал. Выйдя из портала в своей комнате, он прошёл в ванную. Стены, выложенные из чёрного мрамора с вкраплениями золота, ярко блестели и переливались при попадании на них бледного света, который шёл от четырёх пустотелых светильников, сделанных из горного хрусталя в виде прекрасных обнажённых нимф. Сверкающий камень был у них вместо сердец, он и порождал всю эту необыкновенную игру света.

Огромная ванна, всегда наполненная тёплой водой, ждала своего хозяина в любое время суток. В углу ванной до самого потолка были выложены камни. На самом верху этого разноцветья лежала большая морская раковина, внутри неё — такой же переливающийся камень, как у нимф. Регулятор воды в виде морского конька сейчас был отодвинут на самую маленькую часть. Собиравшаяся на дне раковины вода, переполняясь, медленно стекала ручьями по разноцветным камням, образуя небольшой радужный водопад.

Ванной принц пользовался редко, обычно после весёлого ночного кутежа он поворачивал рычаг на всю мощь и становился под сильно бьющую струю прохладной воды. Сейчас хотелось успокоения, и, скинув одежду, Альстрейд погрузился в воду.

Маленькие бурлящие пузырьки прикосались к его коже, расслабляя напряжённое и взволнованное тело. Он закрыл глаза и перед его взором всплыл образ Зариславы в портале.

Принц улыбнулся — была бы всегда такой, молчаливой, красивой и обворожительной. Но ведь мало того, что избила, так ещё и обозвала. Утром нужно вызвать парикмахера, пусть сбреет ко всем чертям эту бороду. Кто его знает, какие ещё звери обитают в первом измерении, просить ещё раз энциклопедию у друга не хотелось.

Рыжая... уголки его губ приподнялись в мечтательной улыбке. Такая маленькая, а какой дух борьбы. Хотя живя в таких условиях. При воспоминаниях о том, как ей приходилось выживать, у принца мгновенно сжались кулаки от жалости к девушке. Попадись ему сейчас хоть один из обидчиков Славы, разорвал бы на месте не думая, и смертная казнь не страшна.

Он поднялся, накинув халат, вышел из ванной, прошёл в спальню. В центре стояла большая, кованная из железа кровать. По её углам возвышались крылатые львы в образе горгулий. Пуховую перину и две огромные подушки из лебяжьего пуха прикрывало мягкое и

пушистое серебряное одеяло. На больших окнах в пол светились наитончайшие золотые занавески из паучьего шёлка, поднимающиеся от лёгкого ветерка из открытой двери, ведущей на балкон.

Альстрейд пересёк комнату и вышел на широкий, увитый синей лианой балкон. Он облокотился на перила и посмотрел на едва освещённый сиянием луны дворцовый парк. Небольшие деревья с синей и красной листвой сейчас больше походили на сказочный лес. В дворцовом озере плавали куаны, практически слившись с ночной темнотой, и только расплывающиеся небольшие волны на глади воды говорили об их присутствии.

Флюгер на крыше «Летучей мыши» переливался разноцветными огнями, зазывая жителей Вампирии для приятного времяпровождения. Впервые наследный принц Альстрейд кинул на кабак безразличный взгляд. После всего, что произошло с ним сегодня, веселиться совершенно не хотелось, да и видеть счастливые лица друзей тоже.

Вампир подумал о девушках Вампирии, их было много, но ни одна не оставила в его душе след.

Рыжая. Принц улыбнулся, сердце застучало сильнее, разгоняя по венам тягучую, чуть соленую кровь. Ночная прохлада, пытавшая укутать принца в свой чёрный ледяной саван, отступила. Принц поёжился, потёр плечи, отгоняя последние холодные образы ночи. Повернулся и пошёл в спальню. Скинув халат, лёг на кровать и перед ним возник образ Зариславы, на носу и щёчках которой рассыпались рыжие конопушки.

— Рыжая, — сквозь сон прошептал наследный принц Вампирии, прежде чем окунуться в мир сновидений.

Леон отпил из флакона противоядие, с грустью посмотрел на почти пустой пузырёк. Тяжёлый вздох вырвался из его груди, лицо исказилось в муках. Закрыв глаза, он посидел немного, успокаивая учащённое сердцебиение, затем встал и подошёл к панели на стене. Пробежав пальцем по написанным там фамилиям, он остановился на нужной и нажал. Панель загорелась красным, появилась полоса такого же оттенка, которая стала увеличиваться, и на экране появился заспанный и взъерошенный бывший однокурсник. Он удивлённо разглядывал стоящего перед ним Леона и, узнав его, расплылся в довольной улыбке и весело произнёс:

— О, Леон! Привет, сто лет не виделись. Сперва не признал тебя. Случилось чего?

— Меня укусили змеи Аргадзона. — Маг сказал это так спокойно, что однокурсник сперва не поверил.

— Шутки у тебя... — Вайнер сразу вспомнил, как над ним потешались в академии, подсунув ему очередную неразрешимую загадку про змей Аргадзона, а потом втихаря смеялись, что он сутками решал неразрешимое.

— Мне не до шуток, я умираю, противоядия у меня осталось как минимум на сутки.

Для большей убедительности маг оголил рукав рубашки, и взору Вайнера предстала покрытая чёрными разводами рука. Вайнер дёрнулся, его лицо вмиг стало напряжённым, возле рта пролегли глубокие складки, вид тёмно-синей, почти чёрной кожи Леона говорил о сильном заражении крови.

— Я сейчас буду, — ответил однокурсник и исчез с экрана.

Леон подошёл к окну и посмотрел на звёздное небо, постоял в раздумье, вспоминая Алькирию.

— Как ты появилась в первой грани мира, жрица Аргадзона? — произнёс он в ночное пространство.

Его раздумья прервал появившийся из портала Вайнер, который с волнением посмотрел на друга, затем окинул взглядом гостиную.

— Всё ещё не веришь? — усмехаясь, спросил Леон.

— Ты же понимаешь, не каждый день появляются пропавшие змеи, да ещё кусают однокурсника.

— Вайнер, у меня нет времени, яд расплзается очень быстро. Всё, что я смог — сотворить вот это. — Леон протянул флакон с противоядием.

Вайнер открыл флакон, капнул на руку и слизнул.

Леон покачал головой, его однокурсник был всё так же безумен в открытии всего нового.

— Неплохо, только пока выпей вот это, — протянул он Леону бутылочку с чёрной жидкостью.

Леон взял её, повертел в руках, как бы сомневаясь, можно ли это пить.

— Да не бойся. Я ведь когда узнал, что вы надо мной смеялись, долго хандрил. Но на пятом курсе академии наткнулся в библиотеке на книгу, где описывался Аргадзон — жрицы и их змеи, заключённые в кольцо. Меня тогда очень задело, что от каких — то змей, пусть даже и призраков, противоядие не могут найти. Да вспомнились ваши смешки, и тогда я так увлёкся, что едва не провалил сессию. Вот и принялся делать противоядие.

— Ну и как, успешно?

— Понятия не имею. Кольцо жриц было похищено восемнадцать лет назад и поэтому не было возможности проверить противоядие.

— И ты предлагаешь пить непроверенное лекарство.

— У тебя всё равно нет выбора, да не бойся, хуже не будет.

— А откуда ты узнал все эти подробности об Аргадзоне?

— Так я не вытерпел, побывал там, разговорил одну молоденькую жрицу. Ну а она не смогла устоять против моего обаяния.

Леон посмотрел на Вайнера — нечёсанные, торчащие в разные стороны волосы, крупный нос, близкорасположенные глаза... Полноватый и низкорослый, он походил не на мага, а на булочника из пирожковой. Леон подумал: «Скорее всего, причина в твоей настырности, ничем другим ты не смог бы покорить сердце девушки, да ещё жрицы».

Леон открыл бутылочку и ему в нос ударил резкий и тошнотворный запах содержимого. Он удивлённо посмотрел на Вайнера.

— Пей, пей — не смотри на меня так!

Леон задержал дыхание, чтобы не вдыхать омерзительный запах и отхлебнул. Он чувствовал, как обжигающая жидкость медленно течёт вниз и тут же впитывается в отравленные ткани его тела. Он закрыл глаза, на лбу выступили капли пота. Жар в организме нарастал всё с большей силой. Стало трудно дышать, он открыл глаза и посмотрел затуманенным взглядом на стоящего рядом Вайнера, который, взяв его руку, слушал пульс. Дальше в глазах потемнело, и сознание Леона отключилось. Через некоторое время он стал приходить в себя, но всё его тело как будто пропустили через жернова, оно было очень слабым. Маг открыл глаза — весь интерьер и стены поплыли, голова кружилась, и он опять провалился во тьму. Всё это время стоящий рядом Вайнер не отходил от Леона и с тревогой смотрел на него. Наконец Леон открыл глаза, взгляд был ясным, увидев обеспокоенное лицо Вайнера, он улыбнулся и сказал:

— Убить меня твоя настойка не убила, и на том спасибо.

— Не торопись, улучшение ты скоро почувствуешь. Я проверил твой организм до того, как ты выпил настойку.

Маг удивлённо посмотрел на однокурсника.

— Да, да — и не смотри на меня так. Ты настолько был слаб, что даже не почувствовал этого. Я уже молчу о твоём теле, до вечера ты бы не дожил.

Они услышали всхлипывания и посмотрели в ту сторону. Прижавшись к косяку двери, стояла и плакала Зарислава.

Вайнер перевёл взгляд на мага. Но не успел ничего сказать, как яркая вспышка озарила комнату, и из портала появился Альстрейд. Он хмуро окинул взглядом Вайнера, затем глянул на заплаканную Зариславу. С появлением вампира девушка перестала плакать и только лишь шмыгала носом. Она с вниманием рассматривала лицо Альстрейда, её брови медленно приподнялись в изумлении.

— О, как! Мы даже побрились и стали копией Руваса. А Алька без ума от него, а я её всё время говорю, и что ты в нём нашла?! На какого — то вампира похож.

А после состроила такую рожицу, что принц стоял остолбеневшим несколько минут. Он, ожидающий услышать в свой адрес какую — нибудь колкость, с изумлением замер, смотря на девушку. Уж чего-чего, но вот такого от рыжеволосой он точно не ожидал. Но когда принц посмотрел на заплаканные глаза Зариславы, у него сжалось сердце, он решил не обращать внимания на её фразочки и только спросил:

— Что здесь происходит?!

— Вот этот сказал, — махнула она рукой в сторону Вайнера, — что Леон умер бы к вечеру. Вайнер удивлённо посмотрел на мага.

— Ну, это понятно, кто наслед... — Он не успел договорить, как вампир оказался возле мага.

— Не стоит посвящать всех в мою родословную, — прошипел он на ухо Вайнеру.

Теперь у Зариславы пришла в движении нижняя челюсть, чуть отъехав вниз, а в расширенных глазах читалось изумление от мгновенного перемещения Альстрейда по комнате.

— И как это у тебя получается?

Вайнер с недоумением посмотрел на девушку и тихо шепнул принцу:

— Можете не переживать, — чуть наклонил он голову в знак почтения и, повернувшись к Леону, с улыбкой сказал: — Леон, друг, ну как ты мог скрыть от нас такую красавицу. Она твоя жена?

Вампира всё больше раздражал этот странный гость. Он подошёл к панели заказа, быстро пробежался по высвечивающимся картинкам. Через несколько минут панель раздвинулась, и на подносе стояли блюда. Ароматы свежего кофе и яичницы быстро распространились по гостиной. Зарислава вмиг оживилась, даже приподнялась на цыпочки, чтобы рассмотреть всё. Вампир перенёс поднос на стол, при этом, не смотря на девушку, он сказал:

— Слава, быстро в ванную и завтракать.

— А чего это ты мной командуешь! Иди лучше своей невестой команду! — недовольно пробурчала возмущённая Зарислава, но всё равно направилась в ванную.

Леон, сидевший в кресле, улыбался, Вайнер переводил непонимающий взгляд с вампира на мага.

— Может мне кто-то объяснить, что здесь происходит? — возмутился он.

Леон собрался было, но тут вернулась Зарислава, она важно прошла к столу и села. Окинув молодых людей взглядом, произнесла:

— Я что, буду завтракать одна? А вы на меня пялиться будете?

У Вайнера открылся рот от изумления, он смотрел на девушку и отвёл взгляд, только когда Леон встал и тоже направился к столу. Он пригласил Вайнера, и тот в нерешительности подсел к хозяину. Один вампир сел в кресло, не отрывая взгляда от Зариславы. Она пожелала сидевшим за столом мужчинам приятного аппетита и стала есть, не обращая ни на кого внимания. Но через некоторое время повернулась, поглядела на принца и сквозь зубы зашипела:

— Слушай, ты, тебя не учили, что неприлично смотреть на людей, когда они едят? — отвернувшись от вампира, она продолжила трапезу.

Вайнер, услышав в адрес наследного принца вампиров такие слова, поперхнулся и с непониманием посмотрел на мага. Потом перевёл свой взгляд на Зариславу и уже более внимательней стал её рассматривать. Зарислава взорвалась.

— Ещё один! Чего вы на меня уставились! У меня что, рога на голове? Если сейчас не перестанешь на меня смотреть, я засуну тебе твою вилку в одно место! Понял в какое?

Вайнер осторожно перевёл свой взгляд на замершую перед ртом вилку, осторожно положил её на тарелку и посмотрел на Леона.

— Она что, человек?

Допивающая в это время свой кофе Зарислава поперхнулась.

— Ну ты даёшь, чувак, кто ж я, по-твоему, кикимора болотная? Ну загнул, совсем сбрендил, что ли?

Вайнер смотрел, не отрываясь, на мага, и его взгляд становился всё более хмурым.

— Леонар Кранд Даунгг, можешь объяснить, почему в твоём доме находится человек?! Ты прекрасно знаешь, что это запрещено законом. И объясни, почему я, маг высшей категории, не смог сразу почувствовать в ней человека?

— А ты ему ничего не рассказывай, — с возмущением вставила своё словечко Зарислава, — много будет знать — скоро состарится.

Вампир глубже устроился в кресле, чтобы его не было видно, и затрясся от смеха.

— К вашему сведению, милая леди, я не состарюсь, в отличие от вас.

— Да и ладно, переживу я эту трагедию как — нибудь. Зануда.

— Мне придётся сообщить властям, что нарушен один из первых законов миров. — Вайнер встал и строго смотрел на мага.

— Чуть что — сразу властям. Не обижайся ты так, я ведь пошутила. Ну, Алька, вот молодец! Такая игра. Всё прям как по-настоящему. Только приключений мало. Я бы сейчас побывала в горах, поучаствовала в сражениях с орками.

Зарислава с мечтательной улыбкой на лице встала из-за стола и не успела дойти до середины гостиной, как медальон солнца засиял у неё на груди, а вокруг стала закручиваться энергия. Вампир отреагировал первым, в мгновение ока оказавшись возле Зариславы. Последнее, что увидели Леон и Вайнер — это как Альстрейд прижал к себе девушку, и они исчезли.

Они опять были вместе в портале, янтарные глаза девушки, не отрываясь, смотрели в карие глаза вампира. Всё было как прежде, только вот взгляд молодого человека был другим. Скорее печальным, и почему-то хотелось бежать от этого взгляда.

Вампир отстранился от Зариславы и накинул на себя плащ, и она не поверила своим

глазам, рядом с ней никого не было. Но додумать не успела, так как портал открылся, и едва она очутилась на земле, на неё сразу набросили сеть. Она стала брыкаться, изворачиваться и кричать.

— Эй вы, клоны недобитые, отпустите меня немедленно! Достали вы меня, найдите себе другую жертву!

Но сильные руки молодых людей подняли её и понесли. Рядом с ними не спеша шёл довольный шаман. На нём теперь не было медвежьей шкуры, и идущий за процессией вампир смог разглядеть его получше. Что это был не человек, он предполагал, и только теперь убедился в этом. От старика пахло серой, его морщинистое лицо было пепельного цвета. Старик остановился, и вампир чуть не врезался в него. Но быстро среагировал и успел мгновенно переместиться до той минуты, когда старик развернулся и стал всматриваться в то место, где только что находился вампир. Поводил носом, принюхиваясь, опять посмотрел по сторонам и двинулся догонять процессию. Альстрейд стоял некоторое время неподвижно и только после того, как шаман отошёл на приличное расстояние, тихо последовал за ними, скорее, он даже не шёл, а парил над землёй.

Славу принесли к алтарю, скинув с неё сеть, скрутили ей руки и вновь привязали к столбу. Альстрейд едва себя удержал, понимая, что должен выяснить все обстоятельства похищения рыжей. Шаман подошёл к Зариславе и стал что — то шептать. Но постепенно его шёпот нарастал, превратившись в громкий завывающий вой. Тягучий серый дым пополз из-под алтарного камня, он шипел, словно змея, расползался, ощупывая пространство и землю вокруг своими тягучими лапами, похожими на щупальца спрута.

Вампир попытался пошевелиться, но понял, что полностью обездвижен. Внутри у него всё похолодело, когда он увидел, как шаман взял нож потрогал пальцем его острое лезвие и, ухмыляясь, направился к Славе. Он замер, его чёрные как ночь глаза, не отрываясь, смотрели на шею девушки, где в такт её сердцу билась тёмная вена. Тяжело сглотнув, шаман резанул ножом по вене, алая кровь тонкой струйкой потекла по белой коже. Тело шамана затряслось в предвкушении, дрожащей рукой он подцепил ножом алый ручеёк и сразу поднёс его к губам. Он облизал нож своим раздвоенным языком, и его глаза закрылись от наслаждения, уголки посиневших губ приподнялись от счастья. Лицо, застывшее в муках удовольствия, стало меняться на глазах. Скулы заострились, чёрный зрачок расширился, закрыв всю радужку. Серые тонкие губы почернели и исказились в зверином оскале.

Альстрейд увидел, как тело дряхлого старичка молодеет на глазах, он даже услышал, как трещат от деформации кости. Вампир вновь попытался пошевелиться, но взвыл от досады. Плечи шамана затряслись от хохота, и вскоре поляну оглушил радостный победный рёв. Накричавшись, шаман вновь подошёл к Зариславе и пропитал её кровью нож. Его ноздри широко раздувались, он не сводил своих глаз с шеи девушки, прорывав, он слизнул своим длинным языком кровь, и Альстрейд с изумлением увидел, как кровь прекратила течь, а порез на глазах затянулся. В глазах чудовища, прошедшего к алтарному камню, плясало нетерпения, лицо стало похоже на восковую маску.

Вампир не дышал всё это время, ругая и проклиная себя за то, что сразу не выхватил Зариславу из рук шамана и не унёс назад. Он не сводил глаз с бледного лица девушки и её затуманенного взора. Даже её рыжие волосы стали тусклыми и не сияли переливами золота. Раздумья его прервал шаман, он стал водить ножом по камню, его губы шевелились, шепча заклинания. Глаза Альстрейда всё больше округлялись, сердце стучало, как никогда в жизни, когда он смотрел, как твёрдый алтарный камень плавится и шипит от прикосновения

окровавленного ножа. Где — то далеко раздался грохот, и вампир почувствовал, как земля под ногами слегка идёт рябью. Он оторвал свой взгляд и посмотрел вдаль, откуда раздалось громоподобное. Среди зелени леса, покрывающего холмы, чётко выделялась высокая гора, пик которой терялся в белых облаках.

«Странно, я ведь не мог раньше видеть что — то подобное».

Вампир дёрнулся, поняв, что оцепенение спало. Он бросился к Зариславе и попытался развязать верёвки, но его отшвырнуло от неё как пушинку. Теряя сознание, вампир успел повернуть кольцо, открыв портал.

Когда он вывалился из портала в комнате Леона, друг замер. Обездвиженное переломанное тело вампира наводило парализующий страх. На изуродованном, в кровоподтёках, бледном лице застыла маска смерти. Оцепенение Леона и Вайнера съёс слабый стон Альстрейда.

Вайнер подскочил к вампиру и стал приговаривать:

— Потерпи, потерпи, дружок. Какое счастье, что ты вампир, если б мы с Леоном попали под такой удар, от нас бы и живого места не осталось.

Вайнер стал водить руками над неестественно лежащим телом вампира. Леон попытался встать и помочь Вайнеру, но тот остановил его взглядом. Кости Альстрейда стали трещать и срастаться, бледность спала, и вскоре он открыл глаза. Некоторое время он лежал и смотрел на белый потолок комнаты пустыми, ничего не выражающими глазами. И когда вскочил и попытался активировать кольцо для перемещения в порталах, Вайнер в последнюю минуту успел накинуть на его руки заклинание оцепенения.

Альстрейд закричал.

— Ты что творишь! Он сейчас её убьёт! Скинь немедленно свои заклинания, иначе пожалеешь!

Последние слова вампир не кричал, а прорычал с искажённым от бешенства лицом, практически не раскрывая рта. Глаза его стали чёрными, словно угли из горнов гномов, они немигающе жгли Вайнера. Тело застыло в неподвижности, но по натянутым как струна мышцам было видно, что вампир готов в любую минуту кинуться на обидчика и разорвать его.

— Альстрейд, Альстрейд ты слышишь меня? — Леон пытался достучаться до разума вампира и в какой — то момент ему это удалось.

Принц повернул голову и посмотрел блуждающим взглядом на друга.

— Он убьёт её, отпустите меня. — Глаза вампира наполнились океаном тоски и терзающей его боли, голова и плечи поникли, подчиняясь неизбежности.

Его тело закачалось, и он чуть не упал, но его вовремя подхватил Вайнер и помог дойти до кресла.

— Сядь, я тебя только что по крупинкам собрал. Твой организм ещё полностью не восстановился, в таком виде ты ничем не сможешь ей помочь.

Вампир успокоился и обхватил голову руками и замер, только сейчас поняв, что может ими шевелить.

— Даже не думай, — резко прервал его Вайнер, видя новую попытку побега.

Альстрейд откинулся на спинку кресла и закрыл полные боли глаза. Лицо осунулось, уголки губ опустились от отчаянья. За всю свою жизнь он не был настолько слаб. И это была не физическая слабость, а понимание своей беспомощности. Он вырвался из оцепенения, когда услышал:

— Расскажи нам, что произошло?

Альстрейд открыл полные боли глаза.

— Я хотел посмотреть, что шаман будет с ней делать. Какой я дурак, — простонал вампир и вновь закрыл глаза. Погрузившись в темноту, он терзал себя за свою беспомощность. Бледное, лишённое чувств лицо и струйка крови на шее девушки всплывали перед его глазами и добавляли терзающей боли. — Когда мы вышли из портала... — каждое слово давалось ему с большим трудом. — На неё накинули сеть, потом привязали к столбу у жертвенного камня. Дальше шаман стал читать заклинания, и я понял, что парализован. Он резанул шею Зариславы и напоил себя и алтарь её кровью. Я не знаю, как это описать, но камень плавился от ножа, пропитанного её кровью. Тишину разрезал гром вдалеке, земля под ногами слегка задрожала. Я посмотрел вдаль и увидел высокую гору, где — то я видел что-то подобное, тогда я почувствовал, что могу шевелиться. Хотел развязать верёвки, которыми была привязана Зарислава, а дальше меня отшвырнуло от неё, и сильнейшая боль поглотила моё тело.

— У тебя были все кости переломаны, Вайнер тебя лечил. Если б под такой удар попал маг, он бы не выжил.

— Да, силён шаман. Но откуда такая сила у старика? Двенадцатая грань мира. Единственное, что там могли раньше, это медитация с бубном, — хмурясь, высказался Вайнер. — Гора, говоришь?

— Острый пик теряется в облаках.

— Почему ты решил, что он острый?

— Я не знаю. Видел точно такую же гору в учебнике.

Вампир замер удивлённо, понимая, что слова вырвались сами.

Вайнер улыбнулся.

— Не волнуйся, чуточку колдовства. — Он встал и кивнул Леону. — Я к себе на минуту, у меня есть небольшая догадка, если она верна.

Через некоторое время он вернулся, держа в руках очень старую потрёпанную книгу и сел в кресло. Закинув ногу на ногу, окинул взглядом мага и вампира и произнёс:

— Я жду от вас объяснений.

— Какие объяснения, я перемещусь в двенадцатую грань мира и спасу её даже ценой своей жизни. Не должна она умереть.

Вампир дотронулся до кольца и замер.

— Не торопись, я только что из двенадцатой грани, убедился в своей догадке и заодно посмотрел, жива ли девушка. Жизни Зариславы пока ничего не угрожает.

Он не сказал принцу и Леону, что девушки у жертвенного камня нет.

— Сейчас все взвинчены до предела, догадки, конечно, у меня имеются, и если я прав, то голыми руками шамана не взять. Нужно хорошо всё обдумать.

— Почему ты так решил, — вмешался Леон.

— Если б он хотел её убить, уже бы это сделал, а теперь хватит с вопросами, время работает против нас. И чем быстрее мы поймём, для чего шаману нужна кровь этой девушки, быстрее сможем её спасти. Расскажите мне всё, что вы знаете о ней, до мельчайших событий.

— У меня в доме появился Альстрейд, имея слегка растерянный и озадаченный вид.

— Да причём здесь это, — возмущённо перебил мага вампир.

— Наследный принц Альстрейд королевства Вампирии, прошу вас замолчать и не

мешать мне, иначе я буду вынужден наложить на вас чары немоты.

Принц, недовольно нахмутив брови, стиснул зубы и окинул Вайнера презрительным взглядом, потом отошёл к окну.

Леон продолжил описывать недавние события. Альстрейд пару раз открывал рот, чтобы самому рассказать о девушке, но замечая яркую вспышку в глазах Вайнера, сразу замолкал. Когда Леон закончил свой рассказ, Вайнер посмотрел на Альстрейда.

— Теперь твоя очередь, соберись и не спеша расскажи нам все события, произошедшие с тобой в двенадцатой грани мира.

Вампир, помолчав немного, начал говорить и когда замолчал, в гостиной некоторое время стояла тишина, пока ее не нарушил Вайнер.

— Выходит, девушка до сих пор думает, что находится в игре.

— Да, «Призрачные миры» — так вроде бы она называется, — произнёс Леон и согнулся от сильнейшей боли.

Вайнер вскочил и быстро подошёл к Леону, влил ему настойку.

Через некоторое время Леону стало лучше, и Вайнер продолжил, подойдя к вампиру. Открыв книгу, он развернул её к принцу.

— Посмотри, эту гору ты видел?

— Да!

Вайнер отошёл от вампира и, подойдя к Леону, показал ему картинку, на которой была нарисована гора. Одна её часть состояла из белого переливающегося камня, другая была сплошь покрыта густым непроходимым лесом.

— Но как такое возможно?! — одновременно спросили маг и принц.

Глава 12. Сотворение мира

Вайнер ухмыльнулся своим мыслям.

— Если б не мои однокурсники, я бы тоже ничего не знал. Но всё началось именно с той минуты, когда они, шутя, подбросили мне идею противоядия от укуса змей — призраков Аргадзона. Упущу детали моих поисков, скажу одно — перепробовав все мыслимые и немыслимые заклинания, мне вдруг пришло понимание, что мы совсем ничего не знаем о змеях Аргадзона. Так откуда они появились? Забросив опыты, я ринулся в шестую параллель мира — Аргадзон. Но там меня даже не стали слушать, жрица от моего вопроса перекосилась от злобы и я, удирая, радовался, что она не натравила на меня тех самых змей. Вернувшись домой, я завалился на диван и пребывал в хандре неделю, пока в одну из ночей мне не приснился сон, в котором я держал старую потрёпанную книгу... И знаете, какое у неё было название? — Вайнер замолчал, а потом восхищённо продолжил: — «Сотворение мира». Сон был вещим, это я понял, как только открыл глаза, и с того времени стал одержим другой идеей — найти во чтобы то ни стало эту книгу. Видеть сон — это одно, а вот отыскать в огромном мире никому не известную книгу оказалось куда трудней. Ни во всемирной библиотеке второй грани мира, ни в первой грани, нигде её не было.

У Альстрейда и Леона приподнялись от удивления брови.

Вайнер заулыбался, глаза его сузились, он бросил на друзей хитрый взгляд из — под сощуренных век, видя такую реакцию на свой рассказ. Подождав минуту, продолжил:

— Да представьте, я облазил практически все библиотеки и, разочарованный, возвратился домой. Денег на проживание катастрофически не хватало, пришлось заняться лечебной практикой. Как-то раз, угрюмый и усталый, возвращался я вечером от одного пациента, и мне навстречу попались два однокурсника по магической академии, закадычные друзья и гулёны Дантур и Ийван.

Леон покачал головой, ухмыляясь и вспоминая загулы весёлой парочки. С большим трудом, а большей частью за счёт родительских денег, они смогли с горем пополам закончить магическую академию. Вайнер продолжил.

— Эти два шалопа, увидев меня, так обрадовались, будто я был их лучшим другом. Я попытался от них отделаться, сославшись на сильную занятость, но не тут-то было. Подхватив меня под руки, они утащили меня в ресторан, а потом мне пришлось разводить их по домам. Первым я отвёл Дантура, так как он едва стоял на ногах, а потом занялся вторым. Дверь мне открыл престарелый дедуля. Так как я не мог передать ему уже спавшего Ийвана, болтавшегося на моём плече, пришлось нести парня в спальню. Бросив гулёну на кровать, я развернулся, чтобы уйти, но меня остановил тот самый дед. Как потом оказалось, это был прапрадед Ийвана, граф Ийв Сурджид, его единственный родственник. Ийв пригласил меня в гостиную и накрыл на стол. Конечно, не сам, бытовой магией он ещё пользовался. За чашкой чая граф выкладывал мне горькие переживания по поводу своего олуха правнука. Видать, скучно ему было одному целыми днями, я слушал его вполуха, а сам разглядывал обветшалый интерьер. Старые пыльные портьеры, закрывающие большие окна, на стенах столетние выгоревшие ковры, подлокотники на креслах вытерты практически до дыр. Столетние обои выгорели от солнца и только в некоторых местах, где когда-то висели картины, можно было рассмотреть их первоначальный цвет и вид. И вот, поставив пустую чашку на стол, я бросил взгляд на раздувающиеся от ветра гардины. Моему изумлению не

было предела, на стене между окнами, в большой старой раме, висела картина. И не просто картина, а магически зачарованная, ценность её сложно описать. Продав этот предмет искусства, можно было бы жить безбедно не одному поколению Сурдждских. Вопрос напрашивался сам по себе. Почему старый граф, живя в нищете, бережёт эту картину? Молодая, безумно красивая девушка сидела возле берега моря и, наклонив голову, читала книгу, которую держала на согнутых ногах. По небу неслись белые и пушистые, словно снег, облака, прикрывая девушку от ярких лучей солнца, что пытались пробиться через плотную завесу. Её длинные, черные как ночь волосы поднимались от лёгкого ветерка и падали на раскрытую книгу. Девушка своими тонкими длинными пальчиками подхватывала локон, и раз за разом откидывала его за спину. Я замер, забыв дышать, мне казалось, что в наступившей тишине было слышно, как стучит моё сердце. Сомнений быть не могло, книгу, которую я видел во сне, держала в руках девушка на картине. Растерянный и опустошённый, я упал в кресло и перевёл ошеломлённый взгляд на графа. Почему опустошённый? Тогда я подумал, как же надо мной подшутили боги, послав мне сон — загадку. Я долго сидел, всё ещё не веря, что мои поиски закончились. Мои думы прервал граф, ссылаясь на то, что время позднее и ему пора ложиться спать. Я встал и попросил у него разрешения рассмотреть картину. Он удивился. Я махнул в сторону стены, указывая рукой на картину. Он растерянно посмотрел на меня, и сказал: «Молодой человек, шутить извольте. Все картины уже давно проданы, мы с правнуком едва сводим концы с концами». Сначала я подумал, что дед так стар, что запомнил, что у него находится в доме. Но потом, глядя на его удивлённое лицо, я пришёл в замешательство. Выходит, я вижу картину, а домочадцы — нет. Тогда я встал и направился твёрдым шагом к стене, и чем ближе подходил, тем сильнее трепетало моё сердце. Девушка в картине казалось живой. Она читала книгу, переворачивала страницы, совершенно не обращая ни на кого внимания. Когда я вплотную подошёл к картине, в лицо мне ударил лёгкий морской бриз, обдав свежестью воздуха, наполненного запахами солёной воды и водорослей. Девушка оторвала взор от книги и посмотрела на меня. Я тонул в океане синевы её глаз, медленно обводил взглядом чёткий контур розовых губ и понимал, что моё сердце теперь навеки принадлежит таинственной незнакомке. Не знаю, сколько мы так смотрели друг на друга, но первая очнулась она, улыбнувшись. Я тоже ответил ей улыбкой, но печальной. Девушка протянула руку и потрогала мои волосы, обвела пальцем овал моего лица, положила ладонь на моё сердце, и её глаза расширились, когда она услышала, как учащённо оно бьётся. Закрыв глаза, она слушала удары моего сердца, её чёрные пушистые ресницы чуть вздрагивали, а лицо становилось всё грустнее и грустнее. Вскоре она убрала свою руку и, взяв книгу, протянула её мне. Я стоял как зачарованный, держа книгу в руках, смотрел, как картина постепенно умирает, по-другому я бы это никак не назвал. Краски стали блёкнуть, силуэт незнакомки становился расплывчатым, а перед тем, как она совсем исчезла, по щеке у неё скатилась одинокая слеза. Она стекала, а под ней оставались чистые мазки акварели. Мне было горько, больно, казалось, с её слезой холодеет моя опустошённая душа. Моё оцепенение прервал дед, бормочущий себе под нос, мол, какая непутёвая молодёжь пошла, с виду приличные люди, а на самом деле одни пьют, другие принимают одурманивающий эликсир. Я повернулся и посмотрел на него, но он, окинув меня взглядом, только покачал головой. Прапрадед Ийвана не видел того, что за предмет я держал в руках. Раз он не видел, то я решил, что книга по праву принадлежит мне. Но скажу вам, что на тот момент она мне была неинтересна. В один миг я познал счастье любви и горе расставания. Дома я положил книгу на стол и не прикасался к ней, будто она была виновна в том, что

незнакомка исчезла из картины. Я вернулся к своим исследованиям, когда во сне она пришла ко мне и, улыбаясь, вновь протянула мне книгу. Проснувшись, я посмотрел на мир по-новому и, открыв книгу, впал в ещё большее уныние. Я ничего не понимал из того, что было там написано. Письменность сильно изменилась, но, найдя самый старый словарь, я потихоньку начал погружаться в знания тысячелетней давности. Иногда кричал от отчаянья, не понимая того, что написано, и тогда во сне приходила Луина и, смеясь, объясняла мне. А я, как влюблённый мальчишка, забывал про всё на свете, когда рядом была она, трогал её чёрные и блестящие, пахнущее морем волосы и замирал, когда тонкий шёлк туники касался моей кожи. Ночи. Как я тогда ждал их. Закрывал глаза и погружался в омут захватывающих чувств, в омут бесконечного восторга, трепета и упоения от любви. А открывая глаза, я выл, да, именно не плакал, а выл. От осознания того, что её рядом нет, что я не могу коснуться нежных губ. Да, вы можете посмеяться надо мной, подумав, что такого, как я, невозможно полюбить, но я отвечу вам, что любовь сплетается из чувств, взгляда, улыбки и песни душ. Наши души пели.

Вайнер замолчал, его глаза, смотревшие в пол, кричали от боли, лицо осунулось, уголки губ поникли, и казалось, что перед товарищами сидит столетний старик. Тяжко вздохнув, Вайнер продолжил:

— Чем меньше в книге оставалось перевести листов, тем печальнее становилась Луина. Как же прекрасно её имя, такое же лучистое, как её душа, и такое волнующее и ласкающее, как шёпот волн. Когда последнее предложение было переведено, Луина положила свою голову ко мне на грудь, послушала, как учащённо от любви и волнения стучит моё сердце, и отошла от меня. Её образ пошёл волной и постепенно стал пропадать. А я как зачарованный смотрел на крохотные капельки, которые, отделяясь от неё, взлетали и растворялись. Она исчезла, а я кричал, просил вернуться и рыдал. Зачем? Зачем она явилась мне? Подарила столько радости и счастья, а затем забрала мою душу с собой. Я не знаю, сколько времени я приходил в себя. Сидя как — то в кресле, обросший и исхудавший, бросил случайный взгляд на стол и увидел лежащую книгу — ту самую. Я долго не мог оторвать от неё своего взгляда, вновь нахлынули воспоминания. И я решился. Протянув трясущуюся руку, взял книгу, прижал к своему сердцу и скрутился от пронзившей меня боли потери. Я не кричал и не рыдал, слёзы ручьями текли из моих глаз, вытягивая из меня печаль и боль разлуки, вытягивая из меня образ любимой. Сколько я провёл в таком положении, не знаю, потому-то погрузился в сон от бессилия. А когда открыл глаза — понял, я стал другим. Воспоминания о Луине не ушли, но они теперь не терзали меня болью, не рвали мою душу на части от мук любви. Я вновь стал Вайнером, но с пониманием того, что прежним, беспечным, мне никогда не быть. Для чего я вам это рассказываю, сам не знаю, может, потому что мне иногда хочется вновь почувствовать её прикосновения, а я никак не могу их вспомнить.

Пересказывать начало Вайнер не стал, в общих чертах все и так всё знали. Отметил только, что несколько тысячелетий назад не было никаких граней, разделяющих миры. Была одна большая планета. И на ней жили люди, драконы, русалки, гномы, маги и прочие существа из двенадцати граней. Самым сильным из всех созданий на земле оказался человек. С виду очень слабый, не обладающий никакими магическими способностями, намного ниже и мельче многих существ. Но самый злой, завистливый, жадный, хитрый и коварный.

Слабый человечешка оказался очень плодовитым по сравнению со всеми другими разумными жителями планеты. И он бросился на освоение новых территорий. Всё, что выходило за рамки его понимания, он уничтожал или подчинял себе. Многие разумные

существа были слабы против его оружия и жажды наживы. Даже драконы с их магией и силой пали в большинстве своём от придуманного человеком оружия, с каждым разом становившегося более смертоносным.

Как стая саранчи, он захватывал всё больше земли, уничтожая ради наживы и развлечения всех встречающихся на пути живых существ. Драконья чешуя, их когти, кровь, всё шло в угоду прихотям людей. Русалок сажали в аквариумы и издевались над ними. Маленький горный народ практически перебили ради дорогостоящих камней. Даже эльфы скрылись в непроходимых лесах.

Не осталось на земле существа, не задетого кровожадностью человека. Но им было всё мало. Только магия была им неподвластна, с одной стороны, страшила, с другой — будоражила их жалкий разум своей силой. И здесь они потихоньку, где хитростью, где запугиванием, стали проникать в магический мир.

И он дрогнул, поддался, не сумев устоять против такого напора. Одни люди стали учиться магическим заклинаниям, другие захотели всего сразу. Зачем сидеть над учебниками, когда можно вызвать и подчинить себе существо тёмного мира, управляй им и всем владей. Так один из человечков решил стать сильным магом. Собрав в своём доме множество магических книг, он решил испробовать одно заклинание по призыву демона. Начертив пентаграмму, он зажёл свечи, встал в центр круга и стал читать заклинание призыва. Но была у этого человека большая любовь и слабость к змеям. К холодным, гладким и одновременно быстрым, смертоносным. По всему его дому были расставлены террариумы с разными видами змей. Вот во время ритуала одна змея вылезла из случайно не закрытого террариума и, оказавшись на свободе, поползла исследовать новую территорию.

И не обладающий никакими знаниями человечек практически воплотил задуманное. Если бы не его случайно выползшая из террариума змея, нечаянно попавшая на начерченную пентаграмму, сквозь которую уже стал проявляться демон. Змее не было дел до всякой магии и пентаграмм. Проползая по полу, она сбила горевшую свечу, та упала и обожгла её чешую. Змея от боли взвилась и вонзила свои зубы в первое, что ей попало — в ногу своего кормильца. Человек взвыл и дёрнулся от укуса, оборвав на ходу заклинание, которое вырвалось на свободу и ударило ярким пламенем по всему, что находилось в пентаграмме.

Душераздирающий крик оглушил маленький городок, столп огня образовался на том месте, где стоял дом «испытателя». Пламя бушевало и выло, поднимаясь до небес. Оно разрасталось вширь, поглощая всё живое. Мало того, стали выскакивать охваченные пламенем, злые от боли, ядовитые змеи. Они бросались на всё живое и вонзали свои острые клыки в слабые тела. Самым страшным было то, что змеи ни капельки не слабели, а наоборот, меняли свой облик, становясь всё более прозрачными и всё более злыми.

За несколько минут от города осталась лишь горстка пепла, а тех людей, кто пытался спастись бегством, догнали и загрызли змеи. На усмирение змей и бушующего огня были посланы лучшие маги. Но их магия оказалась бессильна против укусов змей — призраков. Боль, слёзы, разорение и смерть несла с собой раса людей всем живым существам, хоть чем-то отличающимся от них.

И был созван совет, на который был приглашён представитель от каждой разумной расы, живущей на земле. Каждый вставал и рассказывал о зверствах, причинённых человеком, но даже это было не так страшно. Самым ужасающим оказалось услышать, как ничтожно мало осталось представителей каждой расы. Услышанное повергло всех в шок. Только теперь стала понятна катастрофа. Встал вопрос — как защититься? Многие

предлагали уничтожить ненасытных людишек, но никто не хотел брать на себя тяжкий груз по убиению ни в чём не повинных детей и женщин. Выход нашли драконы. Они предложили закрыться от людей энергетической магической гранью. Так как все виды существ были на грани вымирания, они решили оградить и остальных такой же магической параллелью. Предложенную идею поддержали единогласно. На сотворение граней необходимо было задействовать много магической энергии. Оставшиеся маги и драконы творили заклинания и сначала закрылись от мира людей, оставив их в первой грани мира. Дальше магия сама плела и творила параллели и перемещала порталами в них все разумные существа.

Во второй параллели остались маги — удерживать и поддерживать магическую грань от проникновения людей. Третья грань была создана для эльфов. Четвёртая — для драконов. Пятая — для вампиров. Шестая грань оказалась сплошь покрыта белыми песками, и заселяться в ней все отказались. Седьмую грань, покрытую горами, облюбовали для себя гномы. Восьмую грань — орки. Девятую, практически всю покрытую водной гладью, русалки. Десятую — нимфы. Одиннадцатую — феи и многие другие разновидности малочисленных разумных существ. Двенадцатая грань была облюбована оборотнями.

Двенадцатая грань соединилась с шестой гранью, и между ними из недр извергалось пока никем не погашенное пламя огня. Но и здесь магия справилась, вырастив гору, закрыв таким образом земной проём, усмирив пламя.

Построение граней мира было закончено. Магия спасала своих детей от кровожадного захватчика, говоря ему: «Не можешь жить в мире, вой сам с собой». И если кто бывал в первой грани мира, то знает, войны не прекращаются там до сих пор. Убивают, насилуют, издеваются, порой даже по мерзкому желанию своих грязных, запятнанных в крови душ.

В первые минуты исчезновения всех неразумных рас (по их мнению), человечество замерло, не веря в то, что лишилось такой наживы. Дальше оно бросилось собирать все умения и знания, оставленные исчезнувшими расами. Только из этого мало что получалось, всё, к чему прикасались руки людей, превращалось в пепел. Магия уничтожала любое напоминание о живших на земле и соприкасавшихся с магией разумных существах. В скором времени в первой грани мира не осталось ни одного артефакта. Тогда человечество, в памяти которого ещё были свежи воспоминания о необычных существах, стало воссоздавать их облик на холстах и коврах. Мало того, люди придумывали сказки и легенды, описывая в них существ злыми, жадными, коварными или сосущими из людей кровь. Таким образом оправдывая себя и закрывая от потомков правду о своих деяниях.

Итак, пока перемещённые из первой грани мира существа обустроивались на новых местах, во второй параллели погибали сотни ни в чём не повинных магов. Змеи — призраки атаковали и кусали без разбора всех, кто попадался на их пути. Над новым миром из одиннадцати граней нависла угроза исчезновения. Ибо если мир магов рухнет, рухнет вся магическая защита.

Выход из тяжёлого положения нашёлся совершенно случайно. Несколько разъярённых голодных змей заползли в маленький храм одинокой отшельницы — жрицы. Две белые, прозрачные и искрящиеся кобры-призрака, раздув свои капюшоны, приподнялись над каменным полом и, открыв пасти, сверлили глазами стоящую на их пути жрицу. Она, на удивление, не испугалась змей, а стояла, поражённая их красотой и силой. Энергия спокойствия, любви и доброты тонкими струйками текла от жрицы и обволакивала разъярённых змей. И они успокоились, свернулись кольцами и затихли на каменном полу храма. Жрица тихонько подошла и погладила белую и переливающуюся холодную чешую.

Змеи закрыли глаза от удовольствия, вскоре в храме сложно было пройти — со всех мест сползались призраки — змеи и успокаивались лишь от прикосновения жрицы.

Во второй параллели вздохнули с облегчением, но такое соседство всё равно не давало магам спокойствия, и тогда вновь был созван совет. Долго спорили, какую из граней предложить жрице, но желающих дать кров змеям не нашлось. Все сидели и молчали, смотря друг на друга, пока один из приглашённых, вампир Улонгрд, не вспомнил, что рядом с их параллелью совершенно необжитая грань. И что можно предложить жрице поселиться с её змеями там. Питаться змеям — призракам не надо, а жрице будут доставлять всё необходимое через портал. Но в обеспечении её всем необходимым должны участвовать все разумные расы. Чтобы потом потомки не отказались от таких обязательств, соглашение необходимо было подписать кровью. Ведь и так уже начались некоторые беспорядки в гранях. Гномам приглянулась гора, расположенная в восьмой параллели, и случилась небольшая бойня между гномами и орками. Для разборки конфликтов между мирами создали Службу Магического Контроля. Со временем эта служба много раз была изменена, так как соседство с человеком не прошло бесследно, и жители миров, нападая на соседние грани, лгали и выкручивались, стараясь скрыть свои истинные намерения.

Помощи попросили у драконов. Их вообще старались не трогать, так как они были на грани вымирания, но их магические способности были другими и несравнимы ни с одним магическим существом.

Драконы, посоветовавшись, решили отправить одного своего представителя в роли дознавателя, который не нашёл ещё свою пару. Среди драконов остались единицы, способные считывать мысли. Они могли повлиять на собеседника так, что в считанные минуты он вспоминал все свои грехи и пороки — укрыться от такого воздействия не удавалось никому. Позже в гранях такого дракона переименовали в считывальщика. И при его появлении все старались побыстрее смыться прочь от его проникновенных холодных глаз. Но постоянно дракон не мог привлекаться к разборкам в гранях, а только в исключительных и запутанных случаях.

Итак, жрице были выдвинуты предложения по переселению её со змеями — призраками в шестую грань мира. Жрица, с того времени, как возле неё появились змеи — призраки, сильно изменилась, будто пропиталась сама их ядом и злобой. Она переместилась в шестую грань и сначала с расширенными от удивления глазами смотрела на движущиеся и переливающиеся под звёздным небом белые пески. Но, быстро совладав с собой, хладнокровно рассмеялась, входя в пещеру с каменным полом. Наивные маги воссоздали ей келью в надежде угодить. Она согласилась остаться в шестой грани, если ей в горе построят дворец, каких не видывали царицы. И гору, и мир, в котором ей придётся жить одной, все должны называть в честь неё — Аргадза.

Все её требования были выполнены, правда, вскоре шестую грань мира стали называть Аргадзон, изменив для лучшего созвучия. Да и находиться в храме жрице стало одиноко, со змеями ведь не поговоришь. И тогда она потребовала доставить всех остальных жриц в шестую параллель мира. Жрицы рождаются в семьях магов очень редко, как напомнил всем рассказчик. И совсем нет разницы, сильный у родителей магический потенциал или нет. А самое удивительное, что с рождения дети имеют бледно-голубые, можно даже сказать — практически белые глаза. Это самая яркая, выделяющая и отличающая их от обычных магов изюминка, для многих она является проклятием.

Многие не хотели покидать ставший родным мир магов, но решили пожертвовать собой

ради всех живущих в гранях существ. И для многих из них это была действительно жертва. Тоска по живому миру поедала их сердца, душой и мыслями они были далеки от холодного мира Аргадзон. Половина перемещенных взрослых жриц умерли от тоски в первые три года. Легче всего отрыв от дома перенесли дети, быстро позабыв родителей и жизнь в мире магов. Тогда было решено забирать новорождённых жриц и сразу переносить их в Аргадзон. Вырастая, они не видели и не знали другого мира, поэтому всю свою любовь отдавали Аргадзону. Как ни странно, но змеи с любовью относились ко всем жившим в храме жрицам. Это опять не устроило первую жрицу. И она потребовала для себя артефакт, чтобы он принадлежал только верховной и являлся для всех знаком отличия и подчинения.

Пока маги ломали голову, какой создать артефакт, молодые гномы пробрались в гору Аргадзон в двенадцатой грани мира.

Войдя в одну из пещер, они остановились, поражённые её красотой. Вся пещера была из голубого камня, излучающего магическую энергию. Магию гномы чувствуют хорошо. И, обрадованные, они бросились долбить своими кирками неизвестный камень. Но он оказался очень прочным, хотя десять гномов рьяно долбили стены. Пока, наконец, у одного из гномов из-под острия кирки не откололся небольшой осколок. Он поднял его, к нему подбежали остальные гномы, с интересом стали рассматривать удивительный камень. Никто из них не заметил, как от места, откуда выпал камень, пошли чёрные разводы. Не заметил это и самый упёртый гном, до сих пор долбивший своды пещеры. Его труд увенчался успехом, кирка отбила кусок камня, но когда он его поднял, увидел, что камень полностью чёрный. Оглянувшись по сторонам, заметил, как от ударов киянок по голубому камню пошли чёрные разводы, похожие на извилистые реки. Страшные рогатые чудовища задвигались, пытаясь пробиться через твёрдую преграду камня.

В пещере стали появляться призраки людей, они молчаливо взирали на застывших в изумлении гномов. Когда, наконец, гномы сообразили, кого разбудили в необычной пещере, ринулись со всех ног оттуда, не забыв прихватить с собой камни. Вскоре они выбежали из горы с расширенными от страха глазами и искажёнными лицами. У подножия горы их встретили оборотни, собравшиеся разобраться с непрошеными гостями. Но увидев, кто вылетел из пещеры вслед за гномами, оборотни бросились прочь. Перекошенные лица оборотней вселили в гномов ещё больший страх, и, отпихивая друг друга, они засемили своими ножками подальше от пещеры. Запыхавшись, вскоре сообразили активировать артефакт для открытия портала.

В свою грань из портала они вываливались друг за другом, образовав маленькую кучку из брыкающихся и ругающихся гномов. Эта куча от голоса дознавателя в один миг исчезла с лица земли. Брови дознавателя медленно поползли вверх от удивления, такой прыткости от маленьких человечков он никак не ожидал. Но налицо было явное нарушение границ миров, а такое спускать никому нельзя. Он прошёл, никем не остановленный, во дворец к королю и потребовал выдать ему нарушителей границ. Вскоре пред ним предстали, опустив головы, десять молодых гномов, и среди них наследник престола. Все десять были отправлены в тюрьму, во вторую грань мира, до вынесения приговора.

Король гномов Рундар Самоцвет, чтобы уладить конфликт и оградить своих подданных и сына от суда, решил отдать камни, добытые нечестным путём из двенадцатой грани мира. Королю ещё не приходилось видеть таких красивых и дорогих камней. Понимая, что во всех гранях миров ничего нет подобного, и только он обладает таким сокровищем, Рундар всё сильнее прижимал камни к себе, не желая с ними расставаться. До того времени, пока

ночью над его кроватью не появились призраки умерших гномов, вампиров, эльфов, магов, да ещё множества существ, с упрёком смотрящих на него. Такого вынести правитель седьмой грани мира не мог и постарался избавиться от камней, а заодно попытать счастья по вызволению отпрыска и ещё девятерых молодых олухов своего королевства из тюрьмы.

Дождавшись положенного времени, Рундар Самоцвет перенёсся в Службу Контроля Миров и положил на стол главного судьи камни. Встав на колени, он попросил освободить его сына и девятерых подданных из тюрьмы в обмен на эти камни, сообщив, что они добыты в двенадцатой грани мира его подданными.

Судья, замерев, долго смотрел на лежащие перед ним камни. Он любовался движущейся энергией и её переливами от белого до синего. Чёрный камень не привлекал никакого внимания и казался совершенно обычным. Разве только своим цветом, может, он и был необычен. Наконец судья провёл рукой над голубым камнем и почувствовал, как тот с жадностью вытягивает из него энергию. Побелев от страха, судья с большим трудом одёрнул руку, и в срочном порядке вызвал верховных магов.

Заседание за закрытыми дверьми длилось пять часов. Были вызваны и опрошены все десять нарушителей закона. Но они были так напуганы, что только при упоминании о пещере бледнели, сбивались в кучу и начинали озираться по сторонам. Налицо было нервное истощение от страха. И что делать с камнями? Такие задачи встали перед судьями. Посмотрев на измученных маленьких человечков и камни, они переглянулись между собой, решив, что за нарушение закона гномы осуждаются на двадцать лет тюремного заключения. Понимание того, что камни непростые и обладают большой магической силой, на некоторое время привело судей в замешательство. Что делать с такой силой? И вспомнив о жрице Аргадзона, они облегчённо вздохнули, и с плеч свалилась самая тяжёлая проблема. Камни, добытые из горы Аргадзон, нужно отдать жрице.

Но кто возьмётся делать оправу для колец? Судьи вновь переглянулись и вынесли свой вердикт. Срок тюремного заключения обвиняемым гномам будет смягчён и пересмотрен на пять лет условного заключения, если в течение месяца они создадут для этих удивительных камней оправу и преподнесут как подарок верховной жрице Аргадзона. Если данное поручение не будет выполнено, гномы по истечению условного наказания, будут взяты под стражу и переправлены в тюрьму, во вторую грань мира, отбывать полностью свой срок.

У короля гномов не было выбора. Думы о том, что ему опять нужно взять камни и вернуться с ними во дворец, леденили душу. Но как оставить королевство без единственного наследника? О себе Рундар уже не думал, чернота клубилась у него внутри, поедая разум и выпивая жизненные силы. Подойдя к магам, он обречённо сгрёб рукой лежащие камни и положил их к себе во внутренний карман пиджака. Таким образом молча дав своё согласие.

В зал суда тотчас были доставлены арестанты. С них сняли наручники, и тогда Рундар, повернув кольцо на своём пальце, открыл портал. Кивком он указал своим подданным зайти в него, окинул судей взглядом, в котором кипела боль, понурился, развернулся и медленно вошёл в портал. Выйдя в своём дворце, он направился к своему трону, и долго сидел на нём, нахмурившись и потупив взор в пол, выложенный из синего камня с красными прожилками, и волна воспоминаний захлестнула его. Как он был на седьмом небе, когда понял, что им отдана целая грань мира. Целая грань, горы, наполненные великими сокровищами. Иди, работай киркой и молотком, находи золотые жилы или залежи твёрдого прекрасного алмаза. Так нет! Всё рухнуло по вине его отпрыска и его дружков. Как теперь избавить королевство от призраков?

Король встал, достал из своего кармана камни и, держа их на ладони, вытянул руку вперёд. Стоящие перед ним гномы отшатнулись в испуге, закрываясь руками от страха.

— Приказываю вам! За незаконное прохождение в чужую грань! За варварское разрушение чужого мира. За воровство... — Король замолчал. Камни тянули силы, и рука уже слегка подрагивала от потери сил. — Приказываю всем десятерым забрать камни и отправиться в кузнечный цех. Где вы все вместе будете создавать оправу для этих двух колец.

Рука короля опустилась, камни упали и покатались, закончив своё движение у ног молодых гномов, застывших в испуге. Силы покинули Рундра, пошатнувшись, он опять сел на трон и закрыл глаза.

— Я долго буду ждать? — закричал он на весь тронный зал, и его грозный рёв пронёсся эхом по всему королевству.

Но молодые гномы стояли, не шевелясь от страха. От застывшей десятки отделился один и, наклонившись, поднял камни. Король открыл глаза.

«Мой сын. Мой мальчик. Наследник. Истинный будущий король своего королевства. Взял на себя сию ношу. Хоть бы твои плечи выдержали, сынок. Мои не смогли».

— Ступайте, — едва проговорил король. По тронному залу послышался топот удаляющихся шагов, а затем наступила тишина.

Вайнер прервал свой рассказ. Он смотрел на нервно ходящего туда — сюда вампира, сжимающего то и дело кисти рук. Принц был на грани срыва, его мало интересовали рассказы о сотворении миров и каких-то камнях. Неизвестность раздирала его внутри, терзала его влюблённое сердце. Всеми мыслями он сейчас был в двенадцатой грани мира и представлял себе картины смерти Зариславы.

— Альстрейд, я думаю, что Зарислава жива.

Вампир замер, услышав произнесённые Вайнером слова, медленно повернул голову в его сторону. Затем в один миг оказался возле него и, схватив за грудки, приподнял над полом.

У Вайнера приподнялись брови.

«Ого! Сам-то наследный хоть понимает, что влюбился?! Наверное, ещё не осознал. Мешать не буду, пусть сам до всего доходит».

Вайнер улыбнулся собственным мыслям и перехватил своей рукой руку наследного принца. Рука вампира разжалась от мысленного заклинания Вайнера.

— Я уже говорил, что прежде чем отправиться за книгой, побывал в двенадцатой грани мира и не увидел Зариславу у жертвенного камня.

Альстрейд от услышанных слов застыл, холодным взглядом смотря на мага, и можно было подумать, что он непоколебим, как сотня вампиров. Да только Вайнер и Леон видели вспыхивающее красными всполохами энергетическое поле вампира.

Наследный принц был на грани срыва. Леон, понимая, что сейчас может произойти непоправимое, тихо сказал:

— Альстрейд, нам нужно выслушать Вайнера. Если б сейчас Зариславе угрожала смерть, он один ринулся сражаться с сотней шаманов. Поверь, ему тоже нелегко пересказывать сейчас со спокойной маской на лице сотворение двенадцати граней. Нам сейчас важна любая информация, чтобы разобраться во всей этой ситуации, связанной с девушкой.

Альстрейд ещё некоторое время поедал злобным взглядом Вайнера, с большим трудом

справившись с собой, вновь отошёл к окну.

— Предположим, что Зариславу пока не принесли в жертву, капля крови нужна была для того, чтобы дать силы какому-то существу? Какому? У меня уже есть догадка. И как только я закончу свой пересказ о сотворении мира, каждый из нас выскажет своё предположение о шамане и Зариславе. Давайте вернёмся к событиям сотворения.

И он снова продолжил свой рассказ.

Две недели гномы пытались выровнять камни и нанести грани, но камень не поддавался. Изломав тысячу стальных наконечников для огранки камней, гномы пришли в уныние. Мало того, души умерших являлись к ним и, зависнув в воздухе, с укором смотрели на их работу.

Всё королевство ломало головы, как сделать огранку камням. Догадка пришла неожиданно. Один уставший гном проходил около чана с кипящей золотой лавой, камень выскочил из его ослабевших рук и угодил прямо в этот чан. Следом в чан упала чаша с синим порошком, применяемая для шлифовки драгоценных камней. Застывшие в страхе гномы сперва окаменели оттого, что произошло, но затем бросились доставать упавший камень. Когда они его достали, кинули на первое, что попало под руку, форму для оправы кольца. Они замерли, смотря, как кипящая золотая лава стекает с камня и растекается по форме. Вскоре золотая лава застыла. И когда с трясущимися руками один из гномов вытащил неогранённую оправу, все увидели, что камень прочно держится в ней. Гномы плакали от счастья, теперь осталось обработать и нанести узор на золотую оправу.

Гномы выполнили своё обещание. В назначенный срок маги и гномы отправились в храм верховной жрицы и преподнесли ей два кольца. Верховная жрица сильно изменилась за последнее время, злая и раздражительная, она хмуро смотрела на вошедших. И когда ей на парчовой ткани преподнесли два кольца, она всё ещё недовольно хмурилась.

Взяв кольцо с голубым камнем, она с интересом рассматривала его, ей нравился ветвистый золотой узор самого кольца, но вот камень был какой-то грубый, и она уже собиралась выбросить кольцо и накричать на пришедших, но неожиданно две белые призрачные кобры вползли в храм и застыли, раскачиваясь перед кольцом. Потом произошло самое невероятное, кобры-призраки метнулись к кольцу и исчезли в его камне.

Все оцепенели и замерли от увиденного. Жрица покрутила кольцо и на её лице расплылась улыбка.

— Я довольна подарком, мои змеи теперь всегда будут со мной. Их шипящий разговор радует мою душу. Так, посмотрим, что ещё за подарок вы мне приготовили?

Жрица взяла золотое кольцо с чёрным камнем, её брови сошлись вместе, с презрением она рассматривала его. Надев его на палец, жрица покрутила рукой, рассматривая кольцо. Неожиданно из её первого кольца вылезли две кобры и стали шипеть на руку, где было кольцо с чёрным камнем. Жрица нервно сняла кольцо, отшвырнула его от себя, и по храму разнёсся её гневный крик.

— Вы, что, не видите, моим змеям не понравился этот подарок! Забирайте его и идите вон!

Рундар Самоцвет поднял брошенный перстень и, съёжившись, вышел из храма. Короля гномов охватило отчаянье, он уже думал, что придётся расстаться с сыном, но разгневанный и недовольный голос одного из магов развеял все его тревоги.

— Совсем зажралась эта верховная жрица: отвалили ей целую грань, построили храм, великолепнее многих замков королей, кольцо преподнесли, которому в мире равноценного

нет, опять же, змеям — призракам оно понравилось. И всё бесится старая карга. Мы её условие выполнили, даже больше, кольцо понравилось змеям — призракам. И из этого можно заключить, гномы своё условие выполнили, и мы тоже. Раз ей второе кольцо не нужно, то остаётся один вопрос — кому его отдать.

Маги хмуро смотрели на чёрный камень, и ни один из них не выявил желание взять его себе. Раз камни добыли гномы, пусть они и решают дальнейшую судьбу второго кольца.

Рундар, не ожидавший такого исхода событий, был вынужден забрать кольцо назад в седьмую грань мира. Кольцо его страшило, и хотя призраки больше не появлялись, воспоминания о них обжигали смертельным холодом сердце короля.

Прошёл месяц. Измученный угрюмый король сидел на троне, думы его были вновь о кольце. Чтобы он ни делал, образ злосчастного кольца всплывал в памяти, мысли вновь и вновь возвращались к чёрному и мрачному камню.

В тронный зал вошёл слуга и объявил о прибытии гостей из пятой грани мира. Король встрепенулся и оживился.

«Гости? И что понадобилось вампирам в моём королевстве?»

Когда гости пожаловали, король ещё больше удивился, ведь в его седьмую грань явился сам король Вампирии Дэйтрик Пятый.

— Что привело дорогих гостей в моё королевство? И знает ли об их перемещении в другую грань мира служба?

Последние события многому научили короля, и он теперь вперёд проявлял осторожность. Дэйтрик улыбнулся, оголив при этом свои острые белые клыки.

— Наслышан, наслышан о проделках вашего сына. Только не волнуйтесь, со вчерашнего дня подписан указ о перемещении между мирами. Мирам нужна торговля, определена общая валюта, правда, пока не решили, кому поручить такое важное дело как чеканка монет. Пока маги будут напрягать свои умные головы, уйдёт время. А мне никак нельзя ждать, скоро у меня свадьба. Так вот, твои подданные славились на земле искусством в ювелирном деле. Надеюсь, они не утратили своих навыков после раздела мира? Хочу посмотреть на их работу и отложить себе товар, пока не создана валюта.

Король гномов не верил своим крохотным ушам, неужели выпал шанс избавиться от кольца? Он вскочил с трона и поспешил в свою сокровищницу, пригласив при этом короля Вампирии пройти с ним. Король гномов ходил по сокровищнице и показывал достояния своих мастеров.

— А вот хочу показать вам удивительные серебряные клинки.

Он взял в руки два клинка и повернул их к свету. На их острых лезвиях засветились руны.

— Клинки наделены магией и помогают их носителю в бою.

Король Дэйтрик дёрнул носом, хмурясь.

— Вы же знаете, вампиры плохо переносят серебро.

— Ой, ну что вы, — ухмыльнулся Рундар, — мои умельцы нанесли руну подчинения кровью. Стоит вам или любому вампиру окропить клинки кровью, и они станут единым целым с хозяином в любом бою.

— Это всё меняет. — Король Вампирии надел перчатки, взял клинки в руки и покрутил ими. — Довольно-таки неплохо, отложите мне оба клинка.

— Неужели это те самые клинки? — не вытерпев, перебил Альстрейд рассказ.

— Да, дорогой друг, серебряные клинки, возможно, до сих пор находятся в вашей

сокровищнице.

— Да, при чём здесь сокровищница. Я с этими клинками сражался на войне гоблинов и орков.

— Те самые? — вмешался Леон. — Даже не рассмотрел тогда, — с досадой в голосе добавил маг.

— Неужели те самые клинки, выкованные ещё до сотворения граней мира? — Глаза Вайнера заблестели от восхищения.

— Я думаю, что они. Слетаю за ними и заодно переоденусь.

Леон и Вайнер не успели открыть рты, как вампир крутанул перстень и исчез в портале.

— Тебе не кажется, что наследный принц влюбился? — Лёгкая ухмылка тронула губы Вайнера.

— Есть немного, но только девушка из другого мира. И будущего в его чувствах — нет, — с грустью в голосе поддержал разговор Леон, вспомнив о жрице. — Так что там дальше было?

Дальше король Вампирии увидел золотой перстень с чёрным камнем.

— А это что за удивительная вещица? — спросил он.

— Это... — Глаза короля гномов забегали, жадность заиграла у него внутри. Расстаться с таким сокровищем вдруг почему-то было невыносимо.

Но пока король Рундар соображал, как отказать Дэйтрику Пятому, тот уже взял перстень и стал рассматривать его, вертя в руках.

— Удивительно, королевская красота, а главное — будет сочетаться с чёрными глазами будущей королевы.

Король гномов уже открыл рот, чтобы сказать, что это кольцо не продаётся, но так и замер. За спиной короля Вампирии проявился призрак. Остывшие воспоминания всплыли, вновь захватив гнома. Рундар Самоцвет развернулся и побежал из сокровищницы, крича на ходу:

— Король Дэйтрак, примите от меня подарок на вашу свадьбу в виде этого кольца.

Дэйтрак удивлённо смотрел вслед убегающему Рундару Самоцвету, а затем перевёл взгляд на кольцо.

«Какая красота! Истинный подарок для королевы».

Походив недолго по сокровищнице, Дэйтрак выбрал ещё пару золотых украшений в подарок своей Априлии. Довольный своими покупками, он открыл портал и перенёсся к себе в королевство, зажав в руке перстень с чёрным камнем. Он хотел сразу преподнести подарок Априлии, но каждый раз сжималось сердце от одной мысли, что ему придётся расстаться с удивительной красотой.

Не подарил он кольца и во время свадьбы. И только после первой брачной ночи его сердце, наконец, растаяло от любви к своей молодой супруге. Он, стоя на коленях возле ложа, взял руку Априлии и надел ей на палец кольцо с чёрным камнем, сказав:

— Позволь надеть тебе на палец кольцо истиной королевы в знак моей любви к тебе.

Кольцо вначале оказалось слишком большим для тонких пальчиков его супруги, но чёрный камень вспыхнул красным и ободок кольца уменьшился в размере, чуть сжав палец Априлии.

Вскрикнув, она схватилась за кольцо и попыталась его снять. В помощь ей кинулся и Дэйтрак, но как бы они ни пытались, кольцо снять не смогли.

Дэйтрик, видя застывший страх в глазах молодой супруги, попытался утешить её, сказав,

что кольцо наделено магией, и возможно, оно признало королеву Вампирии, вспыхнув красным. А сам подумал, что неплохо бы было слетать в седьмую грань мира и разузнать побольше о кольце. Но так и не сделал этого, камень на перстне вновь стал чёрным. Да и кольцо особых неприятностей у молодой королевы не вызывало, единственное, она так и не смогла его снять.

Вскоре королева забеременела и родила сына. Это было хорошим знаком, так как у вампиров дети рождаются редко. И всё бы было хорошо, но союз короля Дэйтрика с супругой был по меркам вампиров недолгим. Они прожили семьдесят три года. Королева медленно теряла силы. Дэйтрик приглашал лучших магов и врачей, но ни один из них не смог определить недуг королевы. Когда королева умерла, перстень спал с её пальца.

Дэйтрик приказал отнести кольцо в сокровищницу, и с тех пор каждый правитель Вампирии надевает своей супруге после первой брачной ночи кольцо с чёрным камнем. И всё это время камень вспыхивает алым цветом и остаётся на пальце королевы до самой её смерти. Только вот непонятная болезнь сжигает всех королей Вампирии.

— Так чего же они не догадались его не надевать?

— Пытались и не один раз. Но тех, кто противился, мучили кошмары. Две пары сверкающих красных глаз свирепо следили за ними. Постепенно воспоминания и страхи стёрлись. И кольцо с чёрным камнем стало символом заключения брака между супругами Вампирии.

Яркая вспышка света озарила гостиную, и из портала вышел Альстрейд в полной боевой готовности. Чёрные кожаные брюки были заправлены в высокие сапоги, такой же плащ ниспадал, чуть прикрывая голенища. Вампир прошёл и сел в кресло, закинув ногу на ногу. Заострённые скулы и хмурый сосредоточенный взгляд из — под сдвинутых бровей говорили о его решимости и нетерпении.

— Надеюсь, за время моего отсутствия ты закончил повествование о сотворении миров?

— Да. Только вот только ты не услышал самую главную часть, касающуюся вашей династии.

— Всё, что имеет хоть какое-то отношение к моей династии, я изучал со своими учителями. И поверь, это было самое скучное время в моём детстве. А вот, я надеюсь, те самые клинки. — Принц наклонился и вытащил из боковин голенищ два острых серебряных клинка.

Вайнер подошёл и с восхищением стал рассматривать искусную работу древних мастеров гномов. И хотя уже пролетели тысячелетия, серебро продолжало сверкать так, словно клинки изготовили только вчера. Замысловатый узор на рукоятках и остриях лезвий светился и переливался, проявляясь неизвестными рунами.

— Непередаваемая красота! — Глаза Вайнера блеснули не хуже рун на клинках, на губах то и дело появлялась мечтательная улыбка, он уже протянул руку, чтобы дотронуться до клинков, но взволнованный окрик Леона остановил его.

— Не советую прикасаться. Ты ведь только что сам рассказал о свойствах клинков, они признают только того, кто напитал их кровью, у остальных вытянут жизнь в считанные минуты.

Вайнер отдернул руку и удивлённо посмотрел на Альстрейда.

— Что, действительно, так? Может, за столько лет их свойства изменились?

— Хочешь проверить? — Вампир с трудом себя сдерживал. Вайнер его очень сильно раздражал этими рассказами о сотворении миров.

«Да провалились бы все эти миры! Меня сейчас волнует только один вопрос — что с Зариславой? Я уже давно бы перенёсся в двенадцатую грань и поубивал всех, кто хоть пальцем дотронулся до неё».

Вайнер вернулся и сел в кресло.

— Вижу твоё нетерпение, поверь, я и Леон переживаем за девушку не меньше, чем ты. А сейчас вы должны ещё раз подробно рассказать мне всё, что знаете о ней.

Сначала заговорил Альстрейд, но его пересказ оказался коротким и сдержанным, и тогда Леон поведал магу во всех мельчайших подробностях, что им удалось увидеть в магическом шаре.

— Даже не предполагал, какие вы молодцы, догадались использовать её волос. — Вайнер встал и заходил от возбуждения. Он окинул сияющим озорным взглядом застывших в напряжении друзей, улыбнулся в предвкушении. Так улыбаются, когда получается разгадать самую неразрешённую задачу или когда находишь выход из затруднительной ситуации.

— Затмение.

Маг и вампир ошеломлённо смотрели на улыбающегося Вайнера.

— Да что тут непонятного. Дед хотел убить внучку во время затмения, когда все грани миров ослабевают всего лишь на какое-то мгновение. Но этого мига хватит, чтобы... — Лицо Вайнера сразу стало строгим и сосредоточенным, в серых глазах заблестели ярость и сила.

Смешной в своей неуклюжести и полноте, маг вмиг преобразился. В нём загорелся азарт открывателя, воина и. Леон и Альстрейд не успели додумать, как Вайнер спешно открыл портал и скрылся в нём.

Принц повернулся к Леону.

— Ты понял хоть что-нибудь из того, что он сказал?

— Не совсем. — Маг потёр лицо, стараясь стереть накопившуюся усталость. Его бледная кожа приобрела сероватый оттенок. Температура тела постоянно менялась, ледяной озноб, скручивающий в холодных лапах смерти, сменялся обжигающим жаром, от которого на лбу выступали капельки пота.

— Всё, хватит! Я. — Вампир, вставая, облокотился о подлокотники кресла, да так и замер, не успев договорить. Яркая вспышка света возникла в центре гостиной, и из неё вышел красивый молодой мужчина. Брови Леона и Альстрейда взлетели вверх, глаза расширились от удивления, они смотрели на гостя, стоящего посередине гостиной. Одет он был, как и вампир, в полное военное обмундирование.

— Прошу прощения за внезапное перемещение. Леон, ты не мог бы посмотреть, какого числа у нас будет затмение?

Леон сидел, не шевелясь, во все глаза смотря на мужчину, который говорил голосом Вайнера.

— Леон! — уже на повышенном тоне окрикнул тот. — Леон, прекрати на меня так смотреть, это я, Вайнер. Вот... — Мужчина замолчал. — Прости, совсем забыл, ты ведь никогда не видел мой истинный облик. Мог бы представиться ещё раз, но совсем нет времени.

Вайнер подошёл к панели и быстро пробежал пальцами по всплывающей клавиатуре.

— Так, посмотрим. А, вот, солнечное затмение 2050 — го года, 20 мая и 14 ноября. Май уже прошел, до ноября ещё далеко. Торопится дед, ой как торопится. Или боится чего — то? Всё

— Альстрейд, мы отправляемся в двенадцатую грань мира! Леон, ты остаёшься, вот тебе ещё один флакон так называемого противоядия. Другого предложить не могу — крепись. Если мы не вернёмся, боюсь даже представить.

— Может, сообщить в СКМ?

— Тоже об этом думал, только что мы им предъявим? Расскажем о девочке, которую пытается убить собственный дед?

— Ты можешь показать им книгу.

— Они не прочитают ни одной строчки, а только замучают меня вопросами. Да и нет полной уверенности, что они её увидят. Не забывай, что там сейчас верховодят несколько престарелых идиотов, думающих только о вкусной еде и крепком спокойном сне.

— Да, — тяжело вздохнул Леон, — ты прав во всём. Возвращайтесь и постарайтесь спасти девушку.

Вайнер подошёл к вампиру и протянул ему браслет.

— Возьми и надень на руку, это заменит тебе плащ, невидимым ты, конечно, не будешь, но зато хоть не будет тебя тянуть к древним инстинктам. Нам только войны с оборотнями не хватало.

Вампир сжал зубы, сдерживая порыв не броситься на Вайнера за его оскорбления.

— Не надо на меня так зло смотреть, чувствую, жарко нам с тобой придётся в двенадцатой грани.

Маг открыл портал и быстро вошёл в него.

Альстрейд бросил прощальный взгляд на друга, защёлкнув браслет на руке, вступил в портал, созданный Вайнером.

Глава 13. Жертва

Движение энергии в портале остановилось, Вайнер и принц вышли в двенадцатой грани мира. Альстрейд узнал знакомую местность и молча направился в сторону почина. Вайнер последовал за ним, рассуждая на ходу.

— Что мы упускаем? Шаман хотел принести её в жертву почти восемнадцать лет назад. Две тысячи тридцать второй год ничем не привлекателен, единственное — солнечное затмение. И именно в этот день шаман решил устроить жертвоприношение. Но ему помешали, дальше он ждёт целых семнадцать лет. И не просто ждёт, а находит способ, как переместить девушку из первой грани мира. Ты представляешь, какая в нём сила! — Маг даже остановился в восхищении, но увидев, что Альстрейд продолжает идти, поспешил за ним. — Дальше шаман опять попытался совершить обряд, и ему уже не нужны были никакие затмения. Ему опять помешали. Но старик не останавливается, он вновь открывает портал и перемещает Зариславу в двенадцатую грань. Третья попытка удалась, он окропил жертвенный камень. Но почему не убил её? — не договорив, Вайнер врезался в спину остановившегося Альстрейда.

Вампир сжал кулаки со всей силы, сдерживая внутреннюю ярость. «Если этот красавчик ещё скажет хоть слово, я его убью на месте. Достал своими рассуждениями».

Когда принц понял, что вставил словечко Зариславы, то зажмурил со всей силы глаза, стараясь утихомирить рвущееся от боли сердце. Успокоившись, пошёл дальше, уговаривая себя, «что Вайнер до многого додумался, а значит, может пригодиться и дальше».

Вскоре сквозь стволы берёз они увидели первые крыши домов почина. Альстрейд, сам того не замечая, прибавил шагу, а Вайнер поспешил за ним. Они вышли из леса и оказались у первого дома, в огороженном загоне которого стояла животина, а в огороде, на их счастье, согнувшись, рвала траву женщина. Вайнер кашлянул, чтобы привлечь её внимание. Женщина выпрямилась и, нахмурившись, стала рассматривать незнакомцев. В её глазах вначале мелькнуло любопытство, а затем появился испуг. Она повернула голову и посмотрела на дом.

— Не бойтесь нас, мы ищем шамана. Не подскажите, как к нему пройти? — Вайнер был сама любезность, его чуть пухлые губы расплылись в довольной улыбке. Глаза цвета серого неба лукаво горели, излучая нахальство и похоть.

Брови вампира медленно поползли на лоб, он посмотрел на пылающие румянцем щёки женщины и её кокетливый взгляд.

— Шамана в деревне нет.

— Ой, как жаль... — Вайнер нахмурил брови и кинул на женщину раздосадованный взгляд.

— Он просил нас помочь ему. Девушка, молоденькая, рыженькая такая... — не успел он договорить, как лицо женщины вмиг нахмурилось, она вновь согнулась и молча продолжила делать свою работу. Но, вероятно, передумала и выпрямилась, со злостью сорвала платок с головы, произнеся: — У нас в почине все девушки рыжие.

— Какая прелесть, такую красоту под платком прятать, — вымолвил маг и окинул девушку таким взглядом, что у той лицо сразу стало пунцовым. — Девушка, которую мы ищем, не жила раньше в почине.

Девушка вновь нахмурила брови.

— Понимаете, она тяжело больна и поэтому жила у моего друга. — Вайнер ткнул рукой в принца, всё это время терпеливо молчавшего.

Девушка сразу преобразилась, было видно, что такой расклад её очень даже устроил. Больная, говорите, куда повёл, не знаю. Может, её тётка знает.

Тётка?

— Ну, да. Вон через три дома её дом. — Девушка махнула рукой, указывая, в каком направлении необходимо идти.

— Большое спасибо, красавица. Надеюсь, мы ещё увидимся. — Вайнер слегка наклонил голову, всё это время улыбка не сходила с его лица, а в глазах блеснул хитрый огонёк.

Вампир зашагал быстрым шагом в указанном направлении, Вайнер кинулся за ним следом. Они подошли к дому и не успели дойти до двери, как она открылась и на пороге появилась миловидная женщина, чем — то очень похожая с Зариславой. Рот Вайнера вновь расплылся в довольной улыбке, он, слегка склонив голову и излучая любезность, спросил:

— Не подскажите ли нам, красавица, где мы можем увидеть вашего шамана?

— Шамана? Я уже сама ничего не понимаю, что творится в округе.

— Что вас так тревожит?

— Так изменился он сильно, и внучка его появилась из ниоткуда. Хотел её в жертву принести. Первый раз мы думали, что от злости. Его дочь Славена без мужа родила. Только внучка исчезла с жертвенного камня. И где он её нашёл спустя столько лет, ума не приложу? А дед всё не унимается, вот уже и алтарь кровью окропил, а куда теперь пошел, только он сам и ведаёт.

Женщина скрылась за дверью, посчитав, что разговор с чужаками окончен.

— Что будем делать? — смотря на вампира, спросил Вайнер.

— Пойдём сами, гору хорошо видно, по ней и будем ориентироваться.

— Не так всё просто, чтобы догнать шамана, у нас может уйти месяц, или даже год.

Брови вампира поползли вверх.

— Не удивляйся, все тропы, ведущие к горе, переплетаются, мы можем кружить на одном месте не один день, возвращаясь раз за разом к тому месту, откуда начали свой путь. Или заведут эти тропы нас в непроходимые болота, из которых мы точно сами никогда не выберемся.

— Что тогда будем делать? — угрюмо произнёс вампир.

— Надо подумать.

— А может, попросить помощи у оборотней, всё — таки в её жилах течёт и их кровь.

— Хорошая идея, только лишь бы они не приняли нас слишком агрессивно.

— Из рассказа Зариславы я понял, что она убежала совсем недалеко, когда натолкнулась на них.

— Тогда не будем терять времени, поспешим.

Маг и вампир бросились со всех ног из почина вглубь леса. Оказалось, бегать в двенадцатой грани мира, не пользуясь магией, очень даже тяжеловато, и через некоторое время они запыхались и остановились, угрюмо смотря друг на друга и едва дыша. Первым поднял голову маг и замер, так как его взгляд встретился с взглядом высокого коренастого молодого человека.

— Что ищут чужаки на территории оборотней? — спросил парень, не спуская своих жёлтых внимательных глаз с обоих путников.

— Мы хотели поговорить с вашим вожаком об Эйнэри.

Брови парня сдвинулись, в глазах заблестел интерес.

— Следуйте за мной, — произнёс он и бросился бежать, легко лавируя между стволов белых берёз.

Запыхавшиеся Альстрейд и Вайнер пробежали между густых и колючих еловых веток и остановились как вкопанные. Перед ними открылся вид ещё одного большого почина. Двери хижин открывались и на улицу выходили женщины, державшие на руках детей, а ещё мужчины разных возрастов. Оборотни, почувствовав запах чужаков, собирались на поляне перед домами. Наконец вампир и маг увидели двоих — молодого человека, которого они встретили в лесу, и взрослого седовласого мужчину, сильно выделяющегося на фоне остальных своим ростом и крепким телосложением, сразу было видно, что это вождь стаи. Все селяне расступились, пропуская его вперёд. Мужчина остановился, осмотрел пытливым взглядом чужаков.

— Мой сын сказал, что вы хотите нам кое — что рассказать о Эйнэри.

— Ваш сын, семнадцать лет назад спасая свою дочь, перенёсся в первую грань мира и там погиб.

Вайнер заметил, как одна из женщин, стоявшая в толпе, закрыла рот рукой и пошатнулась.

— Вы ошибаетесь, чужаки, у моего сына не было детей.

— Нет, мы не ошибаемся. Ваш сын скрывал свою связь с одной девушкой из рода лис. Она тоже скрывала, до поры до времени. Шаман, её отец, узнав о позоре, решил убить новорождённую на алтарном камне, но ваш сын схватил свою дочь и прыгнул на шамана. Лапами он ударился об амулет, висевший на его груди. От удара амулет активировался и открылся портал. Так как все события происходили в день солнечного затмения, когда грани миров истончены, то ваш сын, держа в зубах свою дочь, пролетел через все миры и оказался в первой грани — мире людей. Он отдал волчице свою дочь для того, чтобы она её кормила, но понимая, что скоро умрёт в чужом мире, стал призывать людей. На его зов откликнулся мужчина и, придя в лес, нашёл девочку, которую забрал и растил до тех пор, пока не умер. Почему шаман не забрал её раньше из первой грани мира, мы не знаем. Совсем недавно он вернул внучку в двенадцатую грань мира и вновь решил убить. Во второй раз ему опять помешали. Но это не остановило его, и он вновь перенёс девушку в свой мир и успел окропить её кровью жертвенный камень. Вероятней всего, он отправился с ней к горе Аргадзон. Всё время шамана не покидает мысль об убийстве этой девушки. Нам нужно предотвратить её смерть, и мы просим у вас помощи. Мы не знаем здешних мест и нам нужны проводники, чтобы как можно быстрее догнать шамана и его людей.

Вожак постоял, помолчал.

— Мой сын предал свою стаю. Если он пожелал смерти, то так тому и быть. Я не принимаю ребёнка, рождённого от лис.

— Вы не понимаете! — не выдержав, закричал Альстрейд и попытался пойти к вождю, но Вайнер крепко держал его. — Он убьёт вашу внучку!

— У меня нет внучки. Ступайте, наш разговор окончен.

Вожак развернулся и пошёл с гордо поднятой головой. Маг посмотрел вслед уходящему мужчине и, развернувшись, потянул за собой упирающегося Альстрейда.

— Пусти меня, я его уговорю, он так ничего и не понял!

— Он всё прекрасно понял, в стае свои законы и не нам их обсуждать. Будем сами прокладывать путь к горе, другого выхода у нас нет.

Они прошли приличное расстояние и присели на берегу небольшой речушки, чтобы отдохнуть и попить. Вайнер утолил жажду и посмотрел на хмурого вампира, сидевшего с закрытыми глазами на пригорке под раскидистой берёзой, опершись спиной о ствол. На вампира было жалко смотреть, лицо стало сплошной маской отчаянья и боли.

Принц, сорвав зелёную травинку, машинально засунул её в рот и стал гонять между зубов, мыслями он был с Зариславой. Вспомнил, как первый раз увидел её в портале. «Рыжая, маленькая, слегка вздёрнутый носик, удивлённый взгляд единственных на свете янтарных глаз, смотрящих даже не с интересом, а с какой — то твердостью и решительностью. А какая у неё шея, плечи, соблазнительные маленькие тоненькие ляпочки оранжевого сарафана».

Вампир представил, как осторожно снимает с её плеч те самые ляпочки, и надоедливый сарафан скользит по девичьему телу. Представив обнажённый образ Зариславы, вампир перестал дышать, мысленно осторожно прикоснулся губами к её маленьким холмикам, волна возбуждения прокатилась по телу. «Тьфу ты!» — Принц выругался и зло выплюнул травинку.

Образ Зариславы медленно растворялся, унося с собой возбуждение. Во рту осталась горечь, сердце горело огнём от боли, внутри всё скручивалось от неведения.

«Где она?» Мысль о том, что её уже могли убить, вампир гнал прочь. «Нет, только не она!» Вновь всплыл образ девушки, только теперь её взгляд был хмурый и злой, алые губки — пухлыми, напряжённые руки замерли на талии, собрав оранжевый сарафан. Опять этот сарафан. Скоро он сведёт с ума.

Вайнер отвернулся.

«Вампир, перешедший на подножный корм? Жалко камеры нет, заснять бы всё это. Сам — то принц понимает, как влип? По-моему, пока нет».

Маг огляделся, кругом девственная чистота природы, от которой захватывает дух. Холмистая почва, покрытая цветущей зеленью, кустами и деревьями. Чистое и голубое, без единого облачка небо, яркое солнце не обжигает, а скорей ласкает и согревает своим теплом. Только сейчас маг обратил внимание на трель птиц и жужжание разных насекомых. Весь мир двенадцатой грани так и продолжает жить в первозданной красоте и чистоте. Не тронутый технологиями, машинами, не изуродованный каменными и железными дорогами и миллионами проводов, окутавших землю как паутиная сеть. Маг вздохнул и, когда вновь повернулся, дёрнулся от неожиданности. Возле берёзы, где сидел вампир, стояли трое молодых оборотней. Янтарные их глаза с вниманием рассматривали мага, мускулистые жилистые тела были обнажены. Из одежды только набедренная повязка. Значит, парни в любой момент готовы к оборотничеству. Различить парней можно было только по цвету и длине волос.

У стоящего слева были чёрные, спускающее с плеч, блестящие как вороново крыло волосы. У второго парня волосы оказались пепельного цвета и чуть короче. А вот у третьего они были тоже чёрными, но чуть не доходили до пояса. Присмотревшись, маг понял, что парень немного старше двух своих дружков. Более сосредоточенный взгляд, и сам чуть шире в плечах, похож чем — то на вождя стаи.

«Скорей всего, его сын».

Молодые люди молчали. Молчал и маг, ожидая дальнейших действий оборотней, лишь бросил мельком взгляд на вампира. «Если б внутренняя вампирская суть не подавлялась brasлетом, крутая бы была заварушка. А так сидит наследный принц Вампирии и терзает

себя разными мыслями, совершенно не думая, что в другой грани нужно всё время быть настороже».

Вампир вскочил с земли, когда услышал чужой голос.

— Это правда, что рыжая дочь Эйнэра? — спросил тот, что постарше.

— Вы, наверное, те самые парни, с которыми встретилась Зарислава, когда убегала от шамана?

— Ага, — оскалил зубы стоявший в середине.

— Если бы мы знали обо всём, сразу б ему горло перегрызли, — произнёс третий.

— Извините, парни, но сомневаюсь, что у вас бы что — то вышло. Шаман не так беззащитен, как может показаться на первый взгляд. Он продал свою душу, и сейчас перерождается в существо из низшего мира. Будем надеяться, что не из высшего звена.

Альстрейд, услышав слова мага, замер, почувствовал, как холодок страха пробежал вдоль позвоночника. Вампир испугался не за себя, страх за девушку терзал его. «Шаман, скорей всего, демон. Каково сейчас Зариславе? Маленькая, хрупкая, такая ранимая. Если он причинит ей боль, я разорву его на сотню клочков». Вампир прищурил глаза, в которых пробудился инстинкт охотника. В черноте зрачков появлялись и гасли всполохи ярости.

— Поэтому он так воняет, — вновь скалясь, подхватил один из них.

— Почему он хочет её убить? — спросил тот, что был похож на вождя.

— Думаю, мы найдём ответ на все вопросы, когда отыщем пещеру в горе Аргадзон.

Рты трёх парней сразу оскалились.

— До горы мы проведем вас самым коротким путём.

— А как же запрет вожака? — Вайнер не совсем был уверен, что оборотни хотят им помочь.

— Эйнэри мой старший брат, — шагнул вперёд молодой человек, похожий на вожака. — Рыжеволосая — моя сестра по крови, а за свою кровь я буду драться до последнего вздоха.

Гордый взгляд из — под нахмуренных бровей, в янтарных глазах читаются вызов и нетерпение.

— Тогда не будем терять ни минуты. Показывайте дорогу.

Парни, разбежавшись, подпрыгнули, совершив оборотничество в воздухе. Послышались глухие тяжёлые удары, когда их огромные лапы приземлились на землю. Один из них повернул голову, посмотрел на Вайнера с вампиром и рванул вперёд. Следом помчались его друзья, Вайнер и Альстрейд ринулись за троицей.

Никогда ещё в своей жизни вампир так не уставал. Для вампиров преодоление расстояния

— это всего лишь лёгкое дуновение ветерка. А сейчас Альстрейду казалось, что его ноги весят по тонне и он едва их передвигает, да и Вайнер весь покраснелся и тяжело дышит.

В какой-то момент вампир понял, что уже не сможет сделать и одного шага. На его счастье, один из оборотней оглянулся и увидел вспотевших и совсем запыхавшихся молодых людей. Он остановился и лёг под тенью высокого дуба, возле него тут же повалились на землю маг и вампир. Их грудные клетки высоко поднимались от тяжёлого дыхания, глаза чуть покраснели от пота, стекающего со лба. Волосы у обоих были мокрыми, да и одежда не лучше.

Когда их дыхание немного успокоилось, Вайнер снял сплеча свою сумку и достал оттуда небольшой флакон. Открыв его, он протянул вампиру.

— Глотни.

Альстрейд вопросительно посмотрел на мага.

— Капли, дающие силу. Как знал, что пригодятся.

Вампир взял слегка трясущейся от усталости рукой флакон, некоторое время смотрел на него, а потом решительно сделал глоток. В язык вонзилась сотня холодных игл, вампир зажмурился. Было странным ощущать во рту что-то другое, помимо крови. Легкий холодок пошёл по венам, отгоняя усталость и слабость. Альстрейд открыл глаза и протянул флакон магу. Тело вампира вновь стало сильным, он едва сдерживал себя, чтобы не сорваться с места. Его всего распирало от бурлящих по венам силе и адреналина. Наследный принц поднялся на ноги только тогда, когда встал маг, понимая, что Вайнер принял живительные капли после него, и поэтому еще не оправился после часовой пробежки.

— Мы готовы, — вставая, произнёс Вайнер.

Оборотень медленно поднялся, задрав голову, раздувая ноздри и глубоко втягивая воздух. Принюхиваясь, он уловил то, что искал, резко соскочил с места и понёсся.

Маг и вампир опять ринулись следом. Капли Вайнера сделали невозможное, Альстрейд забыл об усталости и с лёгкостью бежал за оборотнями. Они преодолели третье болото за сегодняшний день. Вылезли из него грязные, уставшие и измождённые. Сапоги, наполненные болотной жижей, от каждого шага издавали чавкающий звук. Маг и вампир упали возле одиноких елей и опять тяжело дышали. Капли Вайнера они принимали уже три раза, и третий был последним. Маг сказал, что сердце может не выдержать. Принц хотел возразить, сердце вампира и не такие нагрузки испытывало, но передумал. Все — таки хоть тела у них с виду одинаковые, но магу с вампиром не сравниться в физической выносливости. Было бы неприлично стоять и дожидаться, когда их нагонит Вайнер.

Отдышавшись, вампир повернулся и посмотрел на последние лучи солнца, они коснулись своими верхушек деревьев и озарили горизонт зловещим багряным светом. Принц чувствовал магический фон, идущий от кольца на пальце. Да, если б не эта вещь... он не представлял, как бы сейчас передвигался по двенадцатой грани мира...

Да что там передвигаться, он всю дорогу, пока они бежали, смог без каких-либо последствий для себя смотреть на незнакомый ему мир. С горой, видневшейся вдали, вообще творилось что-то необыкновенное. Иногда казалось, что они находятся у её подножья, но чаще было ощущение, что она удаляется. И тогда вампир с отчаяньем смотрел на уходящий высоко в небо и терявшийся в облаках пик горы.

Принц старался гнать от себя страшные мысли, образ Зариславы всё время стоял у него перед глазами. Её вздернутый носик, покрытый солнечными конопушками. Рыжие как солнце, выющиеся кольцами длинные волосы, манящие зарыться в них лицом. Алые, слегка припухлые губы, от которых трудно оторвать взгляд, и кипящие яростью глаза с янтарной радужкой. Вампир смотрел на землю и теребил сорванную травинку, улыбался. Он дёрнулся, когда его окликнул маг.

— Альстрейд!

Вампир поднял голову, перед ними стояли молодые оборотни, вновь приняв человеческий облик. На них никак не сказался многочасовой бег — спокойное ровное дыхание и невозмутимый гордый взгляд.

— Дальше нам нельзя, духи горы не подпускают. Здесь ничейная земля, каждый из нас совершает в день своего первого оборотничества путь к горе. Чтобы доказать стае свою силу, выносливость и бесстрашие. На первый взгляд может показаться, что до горы ещё долгий

путь, на самом деле вы успеете дойти к подножию дотемна. Спешите, шаман прошёл с девушкой совсем недавно, — промолвил брат Зариславы. На миг в его жёлтых глазах мелькнула досада, но он резко отвернулся, чтобы скрыть свои эмоции, оттолкнулся от земли и сделал оборотничество. За ним последовали его друзья.

Альстрейд поднялся с земли.

— Спасибо, — бросил коротко. Только сейчас он осознал, что без оборотней они бы не достигли горы за такой короткий отрезок времени.

Вайнер отблагодарил молодых волков без слов, бросив им тёплый взгляд, развернулся и зашагал к горе, стараясь не упускать скалистую гряду из вида. Вампир последовал за ним.

Они оказались у подножья горы, когда тьма уже окутывала всё, что встречала на своём пути. Спасением были сияющие звёзды, раскинувшиеся как бисер на небосводе и огромная полная жёлтая луна. Она висела очень низко, и казалось, что если взойти на гору, то можно дотронуться до неё рукой.

— Полнолуние, — прошептал Вайнер.

— Что это значит? — хмурясь, спросил Альстрейд, поглядывая на жёлтый холодный диск.

— Шаман первый раз хотел убить внуку при солнечном затмении. Но почему он ждал столько лет? За это время было столько солнечных и лунных затмений.

Вайнер замолчал, обдумывая сказанное.

— Может, он не мог её найти? — высказал предположение вампир.

Маг вскинул на него удивлённый взгляд, нахмутив брови, прошептал:

— По-моему, ты прав. Первая грань мира надёжно закрыта от любого магического воздействия или вторжения. Пробриться через эту защиту не по силам даже жрицам Аргадзона. Какая же сила у шамана...

Вайнер замолчал, по позвоночнику пробежал недобрый холодок предчувствия. Маг удивился, ощутив в пальцах бурлящую энергию. Он посмотрел на свои руки, не веря в то, что происходит. Магия в двенадцатой грани мира, но откуда? Вайнер бросил взгляд на вампира и остолбенел, увидев блеск в его чёрных глазах. Маг в мгновение взял себя в руки и приготовился к битве, но сразу облегчённо вздохнул, услышав:

— Вайнер, долго ты ещё будешь стоять и смотреть на меня?

— Я почувствовал магию, тебе не кажется это странным?

— Со странностями потом будем разбираться. У меня тоже клыки вылезли, но твоей крови мне попробовать совершенно не хочется. Браслет хорошо справляется, спасибо тебе. Раз магия к тебе вернулась, не мог бы заколдовать пару факелов? Моё зрение артефакт также подавляет, и я боюсь, ноги переломаю в этой темноте. И знаешь, я так остро ощущаю немощ без своей вампирской силы.

Вампир сощурил глаза и всматривался в темноту, когда яркая вспышка света за его спиной озарила поляну. Альстрейд повернулся и увидел светящейся шар над головой Вайнера. Маг сделал пас рукой, и шар полетел вперёд. Не раздумывая, молодые люди бросились за ним. Они не замечали хлеставших по лицам веток, не видели преград в виде глубоких рвов и торчавших из земли, как раскоряченные лапы пауков, корней. Мир вокруг менялся, и чем ближе они подходили к горе, тем тревожнее и тише становилось вокруг. Давно стихли песни цикад, лес не оглушали крики ночных птиц, воздух становился тягучим и липким. Вход в пещеру перед ними возник совершенно неожиданно. Альстрейд, откинув очередную ветку ели, врезался в спину остановившегося мага.

Ты...

Он замолк на полуслове, увидев чёрный вход в пещеру, напоминающую открытую пасть чудовища. Магический шар осветил стоящих у входа в пещеру двух здоровых парней. Они с недоумением смотрели на зависший перед ними шар. Вайнер хлопнул в ладоши — и шар в тот же миг разорвался, опалив лица и глаза здоровяков. Они заорали и повалились на землю, схватившись за глаза. Маг подошёл к ним и провёл над ними рукой, обездвигив их, и ринулся в открытую пасть «зверя», Альстрейд, не отставая, последовал за ним.

Дно пещеры было устлано острыми камнями, Вайнер и Альстрейд несколько раз спотыкались и падали, разодрав до крови ладони. Но если б не созданный магом ещё один светящийся магический шар, им бы пришлось совсем нелегко.

Своды пещеры всё больше расширялись, и выбежав из — за очередного поворота, Вайнер остановился, увидев переливающийся магический голубой свет, льющийся из пещеры.

Альстрейд замер рядом с ним, глядя, как среди голубого свечения мелькает громадная чёрная тень. В ноздри ударил сладковатый запах крови, от которого в жилах заледенела кровь. Альстрейд с широко открытыми глазами, в которых застыла боль отчаянья, смотрел на мелькающую громадную тень. «Не успел. Я не успел её спасти! Рыженькая — такая». Перед глазами вампира мелькали образы девушки: то улыбающейся, то сердитой, со сдвинутыми на переносице бровями, то ругающейся на него при первой их встрече. Внутри у Альстрейда всё сжималось от нестерпимой боли. Он не подозревал, что за такой короткий отрезок времени смог так сильно привязаться к рыжей. «Её больше нет», — шептал ему разум, обдавая холодом свинцом.

Принц не мог сдвинуться с места, весь мир стал ему не нужен. Он не знал, как будет жить без взбалмошной упрямой девушки. Без её вздернутого носика, без манящих алых губ, похожих на нежный бутон цветка, без её такого хрупкого тела, прикрытого оранжевой материей.

— А-а-а-а!!! — закричал вампир, выплёскивая из себя рвущуюся боль. На смену оцепенению по всему телу прошла волна ненависти, кипящая как вулкан, она всё больше заполняла его. В этом клокочущем потоке сгорали сострадание, доброта, нежность, забота, на смену им пришёл звериный инстинкт охотника. В голове созрела одна-единственная мысль — убить. И эта мысль стала расти, в доли секунды она пустила свои ростки и, как стебель лианы, заполнила всю внутреннюю сущность вампира. В какой — то момент ей стало мало места в его теле, и она рванула наружу, окутывая своего хозяина, захватывая все больше территории вокруг себя.

Вампир взлетел вверх, гонимый этой силой и ненавистью, перекувыркнулся, и когда его ноги коснулись дна тоннеля, в руках сверкнули два клинка. Одним из клинков вампир полоснул по руке, и по пещере разнёсся глухой звон упавшего артефакта, ударившегося о камни. Вампира качнуло от обрушившейся на него лавины запахов. Но самым сильным был запах крови, сводящий его с ума. Проникая во все клеточки тела, он будил и поднимал из глубин столько лет дремавшую вампирскую суть.

Лицо Альстрейда превратилось в сплошную маску отрешённости, рот приоткрылся в оскале. В его чёрных глазах плясали багряные всполохи ненависти, они перемешивались, наполняясь алчной кипящей мстостью, а он был готов к сражению. В какой-то момент она рванула, соединяясь с ледяной бесчувственной яростью, и этот бурлящий поток подхватил и кинул вперёд.

Наследный принц Вампирии ринулся уничтожать того, кто посмел убить девушку, в волосах которой любит играть солнце.

Больше книг на сайте - Knigoed.net